

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Человек и окружающая среда»

Основана в 1973 году

М. В. Чекуров

ЗАГАДОЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

**Издание 2-е, переработанное,
дополненное**

МОСКВА «НАУКА»

1991

Предисловие

В конце 70-х годов мне довелось принять участие в научной экспедиции на севере Тихого океана. В числе тех, с кем я познакомился в кают-компании экспедиционного корабля, был его штурман Геннадий Васильевич Соловьев. Наше знакомство со временем переросло в дружбу, и дружба эта много мне дала. Дело в том, что Геннадий Васильевич был, как говорится, настоящим интеллигентом, эрудитом и великолепным рассказчиком. Однажды я задал ему вопрос, почему он не опубликует все то, о чем так интересно рассказывает.

— Не имею возможности да и желания этим заниматься, — ответил Геннадий Васильевич. — Если хотите, публикуйте.

Трудно было понять, шутит он или говорит серьезно! Тогда мне и в голову не приходило, что дальнейшее развитие событий заставит вспомнить об этом разговоре. А произошло это при следующих обстоятельствах.

После окончания экспедиции мои контакты с Геннадием Васильевичем продолжались в форме дружеской переписки. Потом она неожиданно прервалась (мои письма оставались без ответа). Причина стала ясна, когда письмо от Софьи Михайловны Соловьевой донесло до меня скорбную весть — несчастный случай в море оборвал жизнь ее мужа. В заключение Софья Михайловна сообщала, что переслала мне архив Геннадия Васильевича, так как помнит о моей дружбе с ним и надеется, что его труды найдут достойное применение.

Когда же я получил бандероль, то обнаружил в ней выписки из трудов историков и воспоминаний участников некоторых экспедиций русского флота. Кроме того, там были карты, фотографии и рисунки. Ознакомившись с этими материалами, я вспомнил о нашем давнем разговоре с Геннадием Васильевичем и, воспользовавшись данным мне правом, решил предать гласности истории, которые слышал в свое время в кают-компании, а для того, чтобы излагаемый материал выглядел более убедительным, счел целесообразным снабдить его ссылками на первоисточники из архива Геннадия Васильевича Соловьева.

Откуда пошла «Российская Америка»

Колумбы российские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава.

М. В. Ломоносов

Однажды вечером, когда корабль наш находился вблизи центральной части Курильской гряды, в кают-компании зашла речь о русских первопроходцах, о тех, кто открывал и осваивал Курилы, Камчатку, Чукотку. Затем коснулись Аляски, и тут штурман корабля Геннадий Васильевич Соловьев задал присутствующим вопрос: «А кто из русских людей первым ступил на землю Америки?»

Мы вспомнили спутников Беринга, сотрудников Российско-Американской компании, моряков, охотников — одним словом, перетряхнули багаж школьных знаний и сведений, почерпнутых из исторических романов.

Штурман слушал нас, загадочно улыбаясь.

— Я вижу, товарищи, ваша информация на сей счет весьма устарела.

Заинтригованные этим заявлением, мы начали дружно просить штурмана рассказать нам о русских первооткрывателях Америки, и он внял нашим просьбам.

— Итак, уважаемые россияне, я начну свой рассказ с письма, написанного на острове Кадьяк в конце XVIII в. отцом Германом настоятелю Валаамского монастыря. Русский монах был откомандирован святейшим синодом в Русскую Америку для крещения краснокожих язычников и удовлетворения духовных нужд тамошних россиян. Однако инок сей не ограничивал круг своих интересов делами церкви. Был он человек любознательный и вскоре принялся изучать достопримечательности края.

В первом же письме к настоятелю он поведал о том, что, по имеющимся сведениям, на Аляске издавна проживают русские люди. Причем якобы сам Джеймс Кук подтверждал этот факт¹. В третьем письме отец Герман остановился на сем предмете более подробно. Оказывает-

ся, по слухам, бытующим на Кадьяке, первое русское поселение на Аляске было основано еще во времена Ивана Грозного новгородцами. Потом они ушли будто бы в Сибирь, спустились по Лене до океана и добрались морем аж до Колымы, а затем на семи кочах (небольших парусно-весельных судах) совершили переход из Ледовитого океана в Тихий. В ходе вояжа пять кочей добрались до различных пунктов побережья Охотского моря, шестой выбросило на берег в устье Анадыря, а седьмой пропал неведомо куда; правда, как полагал монах, этот коч вцолне мог достигь берегов американских.

Далее отец Герман сообщал об информации, полученной от приказчиков компании купца Лебедева. Суть ее такова. Поселение «русских американцев» находится на континенте, на берегу большой реки, в которой водятся палимы и щуки. Где именно, приказчики не знали, но утверждали, что недалеко от фактории компании. Сами они тех россиян не видели, хотя слышали о них довольно. Кроме того, через посредников получали те приказчики от «русских туземцев» большие ножи с падписями.

Валаамский миссионер загорелся страстным желанием свидеться с потомками новгородцев. И хотя был он в своих намерениях тверд, но возможностей для самостоятельного путешествия на континент не имел, а заниматься миссионерскими делами, используя оказии, не хотел. Сердобольному и совестливому монаху неготову было видеть, как относятся к туземцам корыстолюбивые, бессердечные купцы. Нести с ними слово божие язычникам все едино, что торговать во храме. Памятуя об этом, смиренно просил инок помощи царской, а также уповал на присылку подмоги в лице отца Иоакима (известного своим бескорыстием).

В конце письма следовали описания природы Кадьяка, поклоны братии и подпись: «22 мая 1795 года — убогий Герман»². Здесь Геннадий Васильевич сделал паузу и оглядел присутствующих, как бы оценивая степень произведенного эффекта. В кают-компании наступила тишина.

— А теперь, — продолжил штурман, — прокомментируем германовское послание в местах, достойных внимания.

Во-первых, таинственное поселение, якобы основанное на Аляске выходцами из Новгорода еще в XVI в., сохранялось там до конца XVIII в. Расположено оно

было, как мы помним, где-то к северу от острова Кадьяк (на Американском континенте), на берегу реки, в которой водятся палимы и щуки.

Во-вторых, «русские американцы» не стремились к контактам с соотечественниками, точнее говоря, с соотечественниками своих предков, но кое-какие весточки о себе (в виде ножей) все же передавали, вероятно, через посредников индейцев.

В-третьих, упомянутые дарственные ножи, судя по всему, были сделаны из железа, ведь ножи из кости или камня были бы диковинкой для лебедевских приказчиков, и они бы отметили этот факт. Таким образом, упомянутые «русские американцы» умели плавить и обрабатывать металл.

И наконец, на дарственных ножах были сделаны надписи. Следовательно, их создатели умели писать и читать. Однако качество этих ножей и надписей на них было невысоким. Точнее говоря, ничего, кроме того, что буквы текста русские, разобрать было нельзя. Чем другим можно объяснить тот факт, что отец Герман, живо интересующийся «русскими американцами», ни слова не сказал о содержании этих надписей?

Вот, собственно говоря, и все, что можно уяснить и предположить на основании текста письма «убогого Германа». Быть может, кто-то не согласен с моими заключениями или хочет что-нибудь добавить к сказанному?

— Я пока воздержусь от комментариев,— сказал корабельный врач Семен Николаевич Ващенко.— Позволю себе только спросить, как вы сами оцениваете степень достоверности сообщения монаха Германа?

Вопрос этот встретил одобрение у всех присутствующих.

— Прежде всего я не считаю его принципиально невероятным,— ответил штурман.— Известно ведь, что новгородцы в своих торгово-охотничьих экспедициях совершали дальние морские вояжи. Следовательно, при благоприятных стечениях обстоятельств они могли достичь Аляски по маршруту, описанному Германом.

— Позвольте, Геннадий Васильевич,— возразил врач.— Как это просто у вас получается! Вспомните, какое расстояние отделяет Новгород от Аляски. И если мне не изменяет память, Аэрофлота тогда не было, и пар использовался только в балях, и «электрификацией» занимался один Илья-пророк, и дороги были не железные, а лошадиные силы были самые что ни на есть

натуральные — лошадиные, с помощью которых и до Урала-то нелегко было добраться.

Очевидно, штурман был готов к подобной реакции слушателей. Во всяком случае, ответ последовал незамедлительно:

— Мой оппонент забыл некоторые детали отечественной истории. Придется ему напомнить, что владения Великого Новгорода простирались в свое время на восток за Северный Урал (Угорская земля) и ходили туда новгородцы морем, не дожидаясь услуг Аэрофлота. Как конкретно могло происходить упомянутое русское проникновение на Аляску? Давайте попробуем представить себе его мотивы и возможные пути.

Перенесемся в век XVI и вспомним, что творилось в славном Новгороде, о чем толковали жители его в домах и на площадях.

А толки эти были невеселые. Царь Иван Васильевич шел на город со своими опричниками. О том, сколь лют царь всея Руси во гневе и сколь неправеден суд его, новгородцы знали доподлинно. Было дело, посылали они челобитчиков в Москву с жалобой на притеснения великие и обиды от царского наместника. Вернулись те челобитчики в гробах московской работы. Именитые да богатые новгородцы надеялись блеском злата и серебра развеять гнев очей царских. Прочим мнилось, что их-то стороной обойдет гроза московская. А были и такие, что не желали дожидаться царских палачей. Не забыли еще в те времена новгородцы, как хаживали пращуры в дальние края, туда, где вдоволь рыбы и зверя, где воля вольная была людям простого звания. Одним словом, собралась лихая ватага, припас всякий взяли, лодьи снарядили, поклонились святыням новгородским, и прощай родная земля.

Ну а далее было хождение по морям и по землям, а более того по мукам в поисках земли обетованной.

И увидели однажды странники новгородские каменный пос, за коим земля пошла к югу, а море стало безледным.

Нежданно-негаданно выиграла тут непогода и разметало лодьи новгородские по морю-океану. Одну же из них вынесло к неведомой земле и выбросило на берег. Кто живы остались, к земле той пригляделись и видят, что богата она зверем и птицей, лесом и травами, а также рыбой в реках да озерах. Но всему прочему зима в ней не столь длинная и морозы не столь лютые, как в

Сибири. Многие тут голос подали: хватит-де по свету мытариться! Здесь останемся! И сказал тогда кормщик: «Быть того не может, чтобы земля сия безлюдной была! Аль не приметили, как зверь нас хоронится? Верная то примета — люди здесь есть, и перво-наперво поладить с ними надобно!»

На том и порешили новгородцы, а вскоре и с народом тамошним свиделись. Отряд воинов туземных обложил их на поляне подле ручья, и тогда крикнул кормщик: «Топоры да рогатины клади наземь!» Сам же пошел к тому, у кого наряд побогаче да шапка из перьев. Снял с пояса дедовский нож да подал главному туземцу. Бери, мол, дар мой. С миром пришли к вам. Хотим жить на земле вашей как братья и други.

А потом пошли люди русские в селение туземное. Собрались там лучшие люди племени и, поразмыслив о виденном и слышанном, понятом и непонятом, порешили: люди, из-за моря пришедшие, обличье да оружие имеют невиданное. С миром пришли они, не пролили крови — по всему видать, хотят жить с нами. Пусть же возьмут себе в жены дев наших и станут братьями нам. Так и осели новгородцы в земле той заморской. Пообвыклись, приглядели себе в жены туземок, и пошли от них корни русские.

Однако же годы шли, и состарились россияне. Ну а чада ихние, само собой, подросли. Белокурые да белолицые, средь туземных одногодков своих весьма приметные. Обличьем-то русские, а языком да обычаем — чистые туземцы.

Прошли еще годы, умер последний новгородский странник, и постепенно стерлись из памяти людей того племени воспоминания о бородатых пришельцах. Когда же временами рождались в их семьях младенцы с русыми прадедовскими волосами, волей богов объясняли родители сии диковинки. Как видим, растворились люди русские средь туземцев и только облик свой славянский потомкам передали.

Здесь Геннадий Васильевич опять сделал паузу, чтобы выпить свой компот. Его принесла кок тетя Аля (Алевтина Семеновна Никишина), восторженная почитательница таланта рассказчика, которым в совершенстве владел штурман.

Аудитория хранила молчание, лишь Семен Николаевич воспользовался паузой:

— Ой ты гой-еси, добрый молодец, удалой ты наш

Геннадий свет Васильевич! Ты ответствуй мне по правде, по совести! На какой это лодье ледокольной сквозь студеные моря ледовитые повгородцы сип проломился? И пошто бедолаг неприкаянных, словно сахар в компоте тети Алином, в иноземной среде растворил ты?

В кают-компании началось веселое оживление. А доктор продолжал: «Одним словом, уважаемый товарищ летописец, в обиде мы за предков наших. Подумать только, как это быстро и бесследно ассимилировались у вас русские люди в индейской среде! А почему бы им не научить своих краснокожих побратимов железо ковать, избы строить, а своих хозяек щи варить, в баню ходить, лоб крестить? И почему детей своих они не учили русской вере, грамоте, языку? И вообще, почему новгородцы — представители более культурного народа — не стали учителями индейцев?

Наш эскулап хотел добавить еще что-то, но штурман перебил его:

— Вы хотите узнать, каким образом новгородцы преодолели льды полярных морей и почему они не создали в Америке Новый Новгород, подобно тому как французы создали там Новый Орлеан, голландцы — Новый Амстердам, переименованный англичанами в Новый Йорк, а русские в XIX в. — Новый Архангельск?

— Да, уж не откажите ответствовать по вопросу сему.

— Ну что же, извольте. Начнем по порядку, с ехиднейшего вопроса о «ледокольной лодье». Не знаю, как мой оппонент усвоил школьный курс отечественной истории. На всякий случай напомним ему, что новгородские зверопромышленники еще в XII в. проложили путь «за Камень» (за Урал). И ледоколы им для этого не потребовались. Они плыли на своих лодьях по рекам русского Севера: Северной Двине — Вычегде, затем волоком перебирались на Печору, плыли по ее притоку Щугору, очередным волоком перебирались на реки Сыгву и Сосьву и наконец достигали Оби.

В XV в. был проложен другой путь за Урал: по рекам Вологде, Сухоте, Северной Двине, Пипеге, волоком до реки Кулой, далее по Белому морю до реки Мезени, затем волоком до рек Цельмы, Печоры, а оттуда до Оби по вышеупомянутому маршруту.

Как видим, ничего нереального в новгородском хождении в Сибирь нет. Вполне реально и плавание сынов Великого Новгорода на восточном участке Северного мор-

ского пути. В этом районе неоднократно отмечались годы, когда устойчивые ветры с юга отгоняли ледяные поля и на значительной акватории расчищали путь судам. Но даже без такого благоприятного стечения обстоятельств плавание вдоль берегов Сибири для маломерных судов не такая уж переальная задача.

Дело в том, что в летние месяцы во многих местах Сибирского побережья (между паковыми льдами и урезом воды) имеется полоса чистой воды. Для современных судов она недоступна — глубины не те. Но для новгородских лодей это был фарватер.

— А теперь позвольте перейти к вопросу о причинах растворения русских людей в туземной среде. Должен признать, что он вполне закономерен. В самом деле, почему это прочие европейцы не растворились в среде американских индейцев, а русские растворились? Прежде чем отвечать на этот вопрос, я вкратце напомним вам, как начиналось освоение Американского континента европейскими державами. Приведу конкретный пример — английскую колонизацию.

Всерьез она началась в 1619 г., когда из Плимута в Америку вышел корабль «Мейфлауер» с группой переселенцев-колонистов на борту. «Отцы-пилигримы», как их называют в Соединенных Штатах, имели запасы необходимого оружия, боеприпасов, орудий ремесел, сельскохозяйственного инвентаря, а также книги и прочие принадлежности тогдашней цивилизации. Они обосновались на землях, в общем-то известных европейцам, причем аборигены встретили их дружелюбно.

А теперь подведем баланс культурных сил и возможностей англичан и индейцев. Английские переселенцы: вполне современный уровень знаний в разных областях науки и техники; наличие совершенного оружия и орудий труда, а также навыки в сельском хозяйстве и ремеслах.

Аборигены-индейцы: культура первобытнообщинного общества; вооружение — лук и стрелы; камень и кость в качестве основных материалов для изготовления оружия и орудий труда; основное занятие — охота и рыболовство.

Англичане жили компактной массой в укрепленных поселениях, их браки были не смешанными, детей учили в своих школах; с местным населением контакты поддерживали главным образом торговые. Но самое примечательное, пожалуй, заключалось в том, что за первой группой переселенцев, сохранивших экономические и

культурные связи с Англией, последовала вторая, третья и т. д. Что, спрашивается, англичане могли перенять у индейцев? Разве что приемы охоты и кое-что из одежды, предметов быта — вот, пожалуй, и все.

А теперь обратимся к нашим героям — новгородцам. Каков был их багаж? Снаряжение, захваченное с собой, большей частью износилось или было утеряно, поэтому его пришлось делать заново, из местных материалов. Имелся у новгородцев некоторый опыт в области строительства, но он не пригодился в силу кочевого образа жизни, который вели новгородские поселенцы. Разумеется, у них были навыки в охоте и рыболовстве, по обучать этому аборигенов не было нужды, так как в этом они довольно преуспели.

— Позвольте, уважаемый Геннадий Васильевич, вы забыли об огнестрельном оружии, — вновь прервал штурмана корабельный врач. — А оно могло коренным образом изменить соотношение возможностей. Кроме того, вы забыли сказать о ремеслах, земледелии, скотоводстве. Разве здесь новгородцам нечему было поучить своих гостеприимных хозяев?

Другие слушатели также торопились подать свои реплики:

— Необходимо учесть весь комплекс знаний, которыми обладали русские в XVI в., и прежде всего письменность и металлургию.

Геннадий Васильевич постучал ногтем по пустому стакану, как в председательский колокольчик:

— Я вижу, вы в обиде за предков! Должен сказать, товарищи, что упомянутые вами факторы в ситуации, описанной мной, не играли сколь-либо заметной роли! Вспомним, кто они были, эти легендарные новгородские первопроходцы. Обычно их называли ушкуйниками (от слова «ушкуй», имевшего двойное значение: речная весельная лодка и белый медведь). И были они смелыми мореплавателями, охотниками, рыбаками, открывателями новых земель и, конечно, воинами. Хороший ушкуйник мог грести тяжелым веслом от восхода до захода, не сбавляя темпа, мог раскроить медведю череп ударом топора, построить избу, острог, стойко переносить голод и холод, изнурительный труд и прочие лишения. Именно эти качества были необходимы в дальних краях. Земледельцами и скотоводами ушкуйники не были, да и заниматься этим в районах, которые они осваивали (север Европы и Азии), было делом малоперспективным. Что же

касается железа и жилищ...— здесь Геппадий Васильевич сделал паузу и после непродолжительного раздумья произнес:

— Эти вопросы я пока оставляю открытыми, ибо считаю целесообразным вернуться к ним несколько позднее.

А теперь перейду к огнестрельному оружию. Начну с того, что в XVI в. и в регулярных армиях Европы оно было представлено тяжелыми, конструктивно несовершенными аркебузами, в России — пищальми. Однако широкого распространения они еще не получили. К тому же без пороха и свинца пищаля теряла всякую ценность. А где их было взять в сибирской глухомани? Одним словом, лук, самострел, рогатина, топор — вот что составляло основу вооружения новгородского ушкуйника. Не стоит переоценивать и его духовный багаж. Грамотесв-книжников не было среди ушкуйничьих ватаг.

Образ жизни, который должны были вести на Аляске новгородцы, вряд ли позволил бы им заниматься воспитанием своих чад. Мужчипа здесь прежде всего воин, охотник, рыбак, а это значит, что значительную часть времени он проводит вне семьи. Таким образом, дети-малолетки язык, обычаи, круг интересов, понимание мира и образ мышления в целом воспринимают от матерей и сверстников. В данном случае таковыми были индейцы Аляски.

И наконец, в истории имеется немало примеров того, как испанцы, англичане, французы и прочие европейцы, попадая в туземную среду одиночками или небольшими группами, ассимилировались в ней. Один из таких «отуземившихся» европейцев встретился в Австралии в прошлом веке. Произошло это при следующих обстоятельствах.

В 1855 г. к побережью Австралийского континента подошел английский корабль с группой переселенцев на борту. Они искали район наиболее удобный для основания колонии. На берегу англичапам попался одинокий туземец. Точнее говоря, он сам подошел к костру белых пришельцев. Голое тело, темная кожа, заросшее волосами лицо, примитивное копье, язык жестов — все это говорило англичапам, что перед ними абориген. Однако черты лица, доброжелательность и, главное, латинские буквы, вытатуированные на его руке, заставили англичан приглядеться к нему повнимательнее. Таинственный дикарь прижился в лагере поселенцев-колонистов. Вскоре он научился понимать английский язык, а затем и гово-

рить на нем. И только тогда изумленные англичане узнали, что имеют дело с соотечественником.

Тим Бакли, двадцатитрехлетний солдат королевской армии, за какой-то дисциплинарный проступок был осужден и сослан на каторгу в Австралию: в Лондоне полагали, что правонарушителям самое место в этой дикой, необжитой стране.

Любовь к свободе толкнула Бакли на бегство. Впрочем, правильнее было бы назвать поступок этот уходом из цивилизации. Беглецу удалось установить нормальные взаимоотношения с аборигенами, а затем освоиться в их среде. Он научился жить на лоне природы и пользоваться ее дарами. Собственно говоря, Бакли стал настоящим аборигеном: ходил обнаженным, ел личинок насекомых, червей, рыбу, убитую копьем собственной работы дичь и начисто забыл все, что было связано с его страной, национальностью и социальным происхождением.

Через 30 лет туземной жизни благодаря стечению обстоятельств Бакли встретился с представителями цивилизованного общества как австралийский абориген. А затем начался обратный процесс: ему пришлось привыкать носить одежду и пользоваться ложкой, соблюдать элементарные правила гигиены и приличия, заново учить (вспоминать) английский язык и все то, что связано с понятием «английский образ жизни»³.

Учтите, что все это случилось в XIX в. Так стоит ли категорически отрицать возможность подобной ситуации в веке XVI?

Штурман сделал паузу и оглядел аудиторию, явно ожидая реакции слушателей.

— Сомнение необходимо при познании, — бросил реплику врач. — Однако сомнение и категорическое отрицание не одно и то же, Геннадий Васильевич. — Насколько я понял, вы считаете, что именно новгородцы были первыми русскими людьми, ступившими на землю Аляски в XVI в.?

— Не совсем так, — ответил штурман. — Версия о русском проникновении на Аляску в допетровскую эпоху не ограничивается новгородцами. Завтра, если вы того пожелаете, я продолжу рассказ, сейчас же вас ждут* «объятия Морфея», а меня служебные обязанности.

Оживленно обсуждая рассказ штурмана, мы разошлись по каютам. Надо сказать, что слушатели разделились на две группы. Одни горячо поддерживали его версии, другие (во главе с доктором) отнеслись к ним скептиче-

ски. И несмотря на разные комментарии, все с интересом ожидали продолжения.

Следующий день прошел в обычных хлопотах, а после ужина участники экспедиции и свободные от вахты члены команды корабля собрались в кают-компанию, дабы услышать продолжение рассказа о первых русских американцах.

Геннадий Васильевич начал с краткого изложения содержания «предыдущей серии».

— Итак, мы ознакомились с первым вариантом русского проникновения в Америку. Суть его, как вы помните, заключается в том, что новгородские ушкуйники в XVI в. могли достичь Аляски и ассимилироваться среди тамошних аборигенов. А теперь перейдем к следующему варианту. Перенесемся на столетие позже (в век XVII), в те времена, когда держава Российская становилась на ноги после тяжких испытаний Смутного времени.

Трудностей на пути этого становления было немало. Прежде всего ощущался острый дефицит драгоценных металлов, а они в те времена были основой денежного обращения. Вот и приходилось Российской державе импортировать, помимо всего прочего, золото и серебро. Взамен же она экспортировала свои товары, среди которых ведущее место принадлежало пушнине («мягкой рухляди»). Большая часть ее поступала из Сибири в виде ясака (натурального налога).

Все более и более «мягкой рухляди» требовал Сибирский приказ, а освоенные территории уже не могли дать ее. Нужно было искать новые земли, и искателей оных в Сибири хватало. В 1648 г. один из них — Федот Алексеев (Попов) снарядил экспедицию, с тем чтобы морем достичь богатой зверем реки Ападырь. Разные люди принимали участие в этом предприятии. Но случилось так, что потомки запомнили главным образом сибирского казака Семена Дежнева. С группой единомышленников он присоединился к экспедиции в качестве сборщика ясака. На семи кочах торговые люди и охотники Алексеева, а также казаки Дежнева спустились по Лене в Северный Ледовитый океан. Затем через моря Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское и пролив между двумя континентами они вышли в Тихий океан.

Большая часть участников экспедиции погибла от стихий, лишений и оружия туземцев. Но тут необходимо отметить одну существенную деталь. Дело в том, что Семен Дежнев написал отчет о своем участии в экспедиции,

и его содержание сохранилось для истории. Где и по каким причинам погибли кочи экспедиции, казак описал довольно обстоятельно, лишь о судьбе двух из них (пропавших в районе Берингова пролива) он не мог сказать ничего определенного. Возможно, эти кочи погибли в морской пучине. Но попробуем представить себе и другой вариант развития событий, а именно: вынесло кочи экспедиции Алексеева—Дежнева к неведомой земле и выбросило на берег. Те, кто остались живы, встретились вскоре с туземцами, которые оказали россиянам доброжелательный прием.

Чувствую, что гипотеза моя вызывает протест у Семена Николаевича. Упреждая его каверзные вопросы, даю пояснение. Племена аборигенов Аляски вели в те времена постоянные войны между собой. В этой обстановке возможность сделать союзниками, а быть может, и членами своего племени пришельцев с необычной внешностью и грозным оружием была очень заманчивой. Кроме того, в туземных селениях в результате потерь на охоте и на войне не хватало мужчин, т. е. вдовы и сироты нуждались в кормильцах. Как видим, у аборигенов Аляски были основания приютить русских странников. Последним же могли понравиться если не туземки, то, во всяком случае, мягкий (по сравнению с Сибирью) климат Аляски и ее богатые охотничьи угодья⁴.

От добра добра не ищут, к тому же дорога на родину закрыта ввиду отсутствия транспорта. Одним словом, группа участников экспедиции Алексеева—Дежнева осталась жить на Аляске и влилась в индейскую общину, а далее с ними случилось то же, что и с упомянутыми новгородцами.

Что же касается Семена Дежнева, то он хотя и с превеликими трудностями, но все же вернулся в родные края, да еще с богатой добычей. А к берегам Тихого океана потянулись другие казачьи отряды. Они осваивали новый край, собирали ясак, охотились, торговали и расспрашивали аборигенов (чукчей, коряков, камчадалов) об окружающих землях и народах, их населяющих. Вот тут-то и услыхали казаки диковинную новость. Оказывается, на Большой земле, что расположена к востоку от Чукотского Носа, проживают бородатые люди, молятся те люди богу своему сообща и русских людей называют братьями⁵.

Здесь Семен Николаевич начал очень выразительно покашливать и вообще всем своим видом демонстрировать скептицизм.

— Вижу признаки недоверия к моим гипотезам,— отреагировал штурман.— Полагаю, что нашему доктору полезно «спустить пар». Ваше слово, оппонент.

— Собственно говоря, я намеревался спросить нашего летописца, известна ли ему степень достоверности всех этих казачьих донесений? — Не дожидаясь ответа на свой вопрос, доктор продолжал:

— Не помню точно, в какой книге я читал казачье донесение о том, что на Большой земле, к востоку от Чукотского Носа, живут люди с вороньими ногами и хвостами.

Не кажется ли вам, что эти вздорные измышления в стиле барона Мюнхгаузена подрывают веру в добросовестность их авторов? И не стоят ли ваши версии на сыпучем песке домыслов, уважаемый Геннадий Васильевич?

Ответ штурмана не заставил себя ждать:

— Отдаю должное эрудиции моего оппонента. Жаль только, что он не заглянул в суть того, о чем я поведал присутствующим, в частности в суть казачьих донесений — «скасок», как их тогда называли. Спешу внести ясность. Термин «скаска» происходит от слова «сказать, рассказать» и означает информацию, сообщение по какой-то тематике. Вспомните, у Гоголя в «Мертвых душах» упоминаются «ревизские скаски».

Надо признать, что некоторые сведения из казачьих «скасок» на первый взгляд действительно выглядят фантастично. Например, люди с вороньими ногами. В действительности же ничего невероятного в этом сообщении нет. Дело в том, что население Аляски с давних пор пользуется лыжами под названием «воронья лапка». Они представляют собой эллипсообразные деревянные рамы, на которые натянута густая ременная сетка. Собственно говоря, это не лыжи в обычном понимании, а «снегоходы»⁸.

Таким образом, автор упомянутой «скаска» отметил, что туземцы пользуются лыжами типа «воронья лапка», только и всего. О том, что его сообщение нуждается в комментариях, казак и не подумал.

Теперь о людях с хвостами. Первое, что приходит на ум,— это описания одежды североамериканских аборигенов, сделанные в XVIII в. Приводятся такие детали: жители Аляски носят короткие меховые куртки с фалдами, несколько папоминающие фраки; эскимосы, живущие в дельте Юкона, делают платье из шкурок сурков, а шапки из песцов, оставляя в обоих случаях хвосты; индей-

цы-лемуты носят за поясом в виде украшения волчьих или росомахин хвосты. Таким образом, под «хвостатыми людьми» подразумеваются туземцы, украшающие свой наряд меховыми фалдами или хвостами животных⁷.

В казачьих донесениях есть и другие детали, требующие пояснения. Например, первооткрыватель Камчатки Владимир Атласов сообщал в «скаске» 1701 г., что люди из-за моря (он имел в виду американских индейцев) по льду переходят на Чукотку и приносят для обмена «соболи худые, а у тех соболей хвосты полосатые с четверть аршина»⁸.

Речь, очевидно, шла не о соболе, а об американском еноте — звере, неизвестном в Сибири. Простительно было так ошибаться бывшему устюжскому крестьянину, если уж французский дипломат Филип Авриль писал в то время о «бегемотах», которые в изобилии водятся в Северном Ледовитом океане⁹. Судя по всему, под ними он подразумевал моржей. Несколько ранее барон Сигизмунд Герберштейн, посол австрийского императора в Москве, информировал европейскую общественность о том, что в устье Оби проживают черные люди, лишённые дара слова, и о том, что на севере Сибири живут люди, покрытые звериной шерстью с ног до головы, и люди с собачьими головами («песьеголовцы»). Кроме того, обитают в сибирских дебрях люди без шеи и без ног, с головой на месте груди и с длинными руками, а в сибирских реках встречается рыба с человеческими головой, глазами, носом, ртом, руками, ногами, но опять-таки лишённая дара слова. Прочие сибиряки, те, которых все же можно классифицировать как *homo sapiens*, с аппетитом едят эту самую «чудо-юдо-человеко-рыбу».

И наконец, среди жителей Северной Сибири есть такие, что осенью умирают, а весной оживают (как лягушки), причем массовый замор тех сибиряков происходит 27 ноября, а воскресение из мертвых — 24 апреля. Барон был человек ученый и любил точность¹⁰.

Не менее ученый Мартин Вальдземиллер, профессор географии из Страсбурга (тот самый, который предложил называть Америкой открытый Колумбом материк), настолько был уверен в существовании сибирских «песьеголовцев», что одного из них даже изобразил на своей карте Азии¹¹.

Одним словом, сравнивая казачьи «скаска» с «откровениями» некоторых западноевропейских ученых мужей, можно сказать, что русские землепроходцы избегали до-

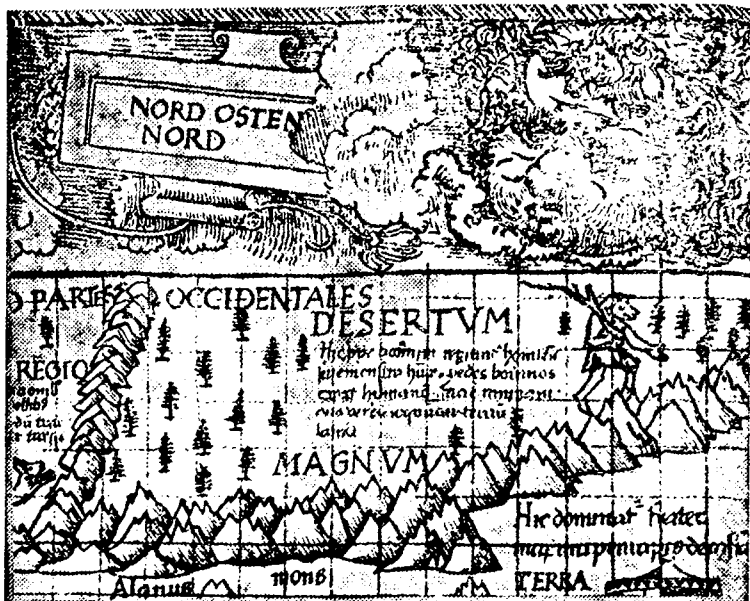

Рис. 1. Фрагмент западноевропейской карты Азии, составленной профессором географии Вальдсеемиллером. На ней изображена Сибирь. По горам шагает «сибиряк» — человекообразное существо с собачьей мордой и дубиной на плече

мыслов, по мере возможности были точны в деталях и их отчеты заслуживают доверия, т. е. казачьи «скаски» не были сказками.

Если мои доводы вас не убедили, Семен Николаевич, то как-нибудь в другое время мы вернемся к этой теме, а сейчас позвольте перейти к третьей версии. Для этого нам придется сделать очередной скачок во времени. Вспомним события века XVIII, точнее говоря, события 1741 г., когда из Петропавловска вышли в море два русских корабля — пакетботы «Святой Петр» (командир — капитан-командор Витус Беринг) и «Святой Павел» (командир — капитан 1-го ранга Алексей Чириков).

Вскоре непогода развела их, и дальнейшее плавание проходило по индивидуальным маршрутам. 17 июля на «Святом Павле» увидели землю, и Чириков решил обследовать ее. Для этой цели была спущена на воду шлюпка (ялбот) под командованием штурмана Абрама Дементьева. Ему было приказано отыскать якорную стоянку, ис-

точник пресной воды и по возможности установить контакты с туземцами.

Ялбот отбыл к берегу и пропал. Сигналов о благополучной высадке также не поступало. Целую неделю продолжалось томительное ожидание. Наконец на берегу был замечен огонь. В ответ на сигнальный выстрел из пушки огонь разгорелся сильнее. Чириков решил, что ялбот поврежден (пуждается в ремонте), и отправил на берег вторую, последнюю шлюпку под командованием боцмана Сидора Савельева.

Момент подхода шлюпки к берегу был замечен, по установленным сигналам опять-таки не было. На следующий день после этого недалеко от корабля появились две туземные лодки, с которых раздавались крики «агай». Как выяснилось позднее, на языке индейцев-тлинклинов «агау» означает «иди сюда». При этом индейцы держались на почтительном расстоянии от корабля и вскоре удалились в направлении берега¹².

С болью в сердце за товарищей, погибших или оставшихся на побережье Аляски, приказал Чириков идти в Петропавловск. Отсутствие шлюпок, нехватка воды и цинга давали ему право на такое решение.

Какова же была судьба пятнадцати пропавших моряков «Святого Павла»?

На этот счет имеются три версии.

Первая: они погибли в прибрежных водоворотах, вызванных приливо-отливными течениями. В пользу данного предположения говорит то, что в 1768 г. в этом же районе по указанной причине погибли две шлюпки из состава французской экспедиции под командованием Лаперуза.

Вторая версия: высадившиеся на берег русские моряки были перебиты аборигенами. Так, американский исследователь Аляски Андриус приводит индейские легенды о том, что много лет назад на берег высадились белые люди. Вождь племени тлинклинов, одевшись в медвежью шкуру, заманил их в лес, где воины перебили всех пришельцев. Эта версия у ряда исследователей вызывает обоснованные возражения¹³.

Что же касается третьей версии, то, прежде чем переходить к пей, напомним вам об одном событии, случившемся на западном побережье Аляски в 1788 г. Именно тогда просвещенный сибирский купец и путешественник Григорий Иванович Шелихов решил учредить Американскую компанию для торговли, а также для пушного и

прочих промыслов. Препятствий сему начинанию хватало. И первым из них была вражда, испытываемая туземцами к европейцам. Сознавал Григорий Иванович, что вражда эта начинанием его великая помеха, и решил показать туземцам, сколь знатные выгоды получают они от дружбы с россиянами. В замыслах своих купец преуспел, хотя не обошлось поначалу без кровопролития. Учредил он фактории, организовал торговлю, начал учить туземцев земледелию, а освоенные территории причислил к владениям Российской империи.

Надобно сказать, что был Григорий Иванович человек любознательный и интерес имел не только к коммерции. Край новоприобретенный старался он разведать и в отчетах своих описать: чем богат, кто в нем живет и чем туземцы тамошние примечательны. При этом он отмечал, что среди черноволосых, скуластых, круглолицых индейцев Аляски встречаются такие, чьи лица продолговатые, волосы русые и бороды от уха до уха. Ко всему прочему стригутся они под кружок, а жены ихние прически делают для племени индейского необычные: спереди челка, а сзади косы¹⁴.

Здесь Геннадий Васильевич сделал «компотную паузу», а младший научный сотрудник Женя Кочергин воспользовался моментом для реплики:

— Полагаю, что вы переоцениваете значение таких факторов, как белые волосы и кожа, Геннадий Васильевич. Народы, населяющие Индию, как известно, смуглые и темноволосые, но одна из родственниц Джавахарлала Неру была, по его воспоминаниям, блондинка. У турка Камалы Ататюрка были голубые глаза. А знаменитая Мата Хари (она же Маргарита Залле), которой при голландской национальности полагалось иметь волосы и кожу белые, а глаза голубые, в действительности имела темно-карие глаза, черные волосы и смуглую кожу. И наконец, неизвестная леди, воспетая Шекспиром, была смуглянка, что не свойственно дочерям Альбиона.

Объяснить все эти факты смог бы биолог. Я же ограничусь констатацией факта: внешние признаки национальности и даже расы у некоторых индивидуумов искажаются, очевидно, в силу естественных законов генетики.

Реакция присутствующих на это замечание была довольно бурной и однозначной: последовали ссылки на генетический код, на проявление наследственных признаков отдаленных предков. Жёпе напомнили, что немало славя-

пок было в свое время угнано в Крым татарами и что именно их глаза мог унаследовать глава первой Турецкой республики.

Прочие детали наших «генетических изысканий» приводить не буду. Подозреваю, что у специалиста они бы вызвали улыбку. Окончились же они тем, что Женя поднял руки и с усмешкой воскликнул: «Сдаюсь! Вологодские гены у американских индейцев признаю!»

После этого Геннадий Васильевич перешел, как он выразился, к «жилищному вопросу», т. е. к описанию домов аборигенов Аляски.

Они представляли собой деревянные сооружения, утепленные снаружи слоем земли (своеобразные землянки). Внутри такой дом делился на жилую часть и кухню. Последняя имела источник огня (типа очага) с трубой для выхода дыма из окна. В окнах вместо стекол использовались кишки животных¹⁵. К сожалению, это все, что можно уяснить из описаний Шелихова.

Здесь главный оппонент изобразил недоумение на лице, которое не осталось незамеченным.

— Вижу, наш доктор хочет сказать, что постройки эти не соответствуют традиционным русским жилищам. Не буду с ним спорить. Они действительно отличаются кое-чем от русских изб. Но вот какую интересную подробность на этот счет приводит академик В. А. Обручев. Надеюсь, вы все читали его «Землю Санникова». Разумеется, я не забыл, что это научно-фантастический роман, а вспомнил о нем потому, что в описаниях русских жилищ на островах Ледовитого океана автор не допускал никаких фантазий. Имеется в них и такая деталь: избышки русских промысловиков построены из плавника и не имеют печей. Вместо них имеется так пазываемый чувал — большой, неуклюжий камин¹⁶.

Петрудно объяснить, почему охотники и сборщики мамонтовой кости не строили фундаментальных домов с печами. Сезонный характер их проживания в районе промысла и кочевой образ жизни делали нецелесообразным да и невозможным подобное строительство. С другой стороны, климат Аляски (особенно ее юго-западной части) значительно мягче сибирского. К тому же тамошние аборигены — парод закаленный, своих младенцев, в частности, они ежедневно купают в морской воде.

Однако самое примечательное, по-моему, заключается в том, что упомянутые бородатые индейцы строили не только жилища (непохожие на «вигвамы» и «иглу» их

соседей), но и бани, в коих парились «с отменной охотой». Что вы скажете по этому поводу, Семён Николаевич?

— Скажу, что баня не является русской монополией,— с готовностью ответил врач.— Более того, задолго до возникновения Руси жители Скандинавии, Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока ублажали себя подогретой водой, прогретым воздухом и паром. О банях писали ученые, их воспевали поэты, так что примите мои соболезнования насчет вашего «банного» аргумента.

— Прежде чем принять их, позвольте, Семён Николаевич, довести до вашего сведения некоторые детали банной процедуры из описаний Шелихова. Накаленные на огне камни заносились в баню, где и создавался «великий жар». Судя по всему, камни эти поливали водой. Затем с помощью березового веника (обращаю ваше внимание на эту деталь) индейцы делали со своими телесами то, что вы делаете со своими в русской парилке¹⁷. И наконец, дабы окончательно искоренить нигилизм моих слушателей, довожу до их сведения тот факт, что у аборигенов Аляски видел Шелихов железные и медные изделия местной работы¹⁸. А Лаврентий Загоский, изучавший жизнь аборигенов Аляски в первой половине XIX в., отмечал, что еще до создания Российско-Американской компании некоторые индейцы Аляски «ленили горшки», т. е. владели гончарным искусством. Предположение, что охотники и рыбаки на севере Американского континента самостоятельно изобрели все, связанное с гончарным делом и металлургией, выглядит, по-моему, убедительно. Кстати, соседи этих светловолосых бородастых индейцев использовали в то время орудия из камня и кости. Таким образом, можно предположить, что первыми гончарами и кузнецами Аляски были новгородцы XVI в. или казаки века XVII. Не исключено также, что оными были спутники Абрама Дементьева (его товарищи по несчастью). В этом и заключается суть третьей версии о судьбе исчезнувших членов экипажа «Святого Павла», т. е. можно предположить, что шлюпки пакетбота погибли, но их экипажи спаслись (полностью или частично). На берегу они встретили дружественных индейцев, и последние по их просьбе пытались организовать помощь со стороны команды, оставшейся на «Святом Павле». Отсюда следует, что Шелихов мог видеть потомков русских моряков.

Возможно, у вас возник вопрос: почему он вскользь упомянул о белокурых индейцах и не развил эту тему?

Ответ может быть такой: Шелихов имел возможность убедиться в том, что потомки россиян полностью ассимилировались и ничего не могут сообщить о своем происхождении.

Если у вас, уважаемый Семен Николаевич, есть свое толкование этих фактов, я вас слушаю.

Доктор без промедления поднял брошенную ему перчатку:

— То, что вы рассказали, Геннадий Васильевич, звучит детективно увлекательно и, не скрою, в какой-то степени убедительно. Но на каком основании вы решили, что предками этих белокурых индейцев могли быть только русские? Напомню вам, что норманны побывали в Америке за пять веков до Колумба, испанцы к освоению этого континента приступили в начале XVI в. В том же веке наведывались туда англичане. В связи с этим резонно предположить, что именно вышеупомянутые европейцы «наследили» на Аляске своим потомством. И наконец, аборигенов с признаками европейской расы видел на Аляске в XVIII в. не только Шелихов. Видел их англичанин Маккензи, а также ряд других европейских путешественников. И вот что примечательно: ваших единомышленников, насколько мне известно, среди них не было.

Штурман задумался. Казалось, что доводы оппонента поставили его в тупик. Однако не прошло и минуты, как мы убедились в обратном.

— Должен согласиться с вами, что норманнский приоритет в деле открытия Америки доказан. Но вы, Семен Николаевич, упустили из виду тот факт, что в «випоградской стране» за океаном спутники Лейфа Эйриксона не удержались. Враждебное отношение к ним туземцев было тому виной. С другой стороны, анализ норманнских завоеваний показывает, что они пропикли в новые страны, пользуясь преимущественно водными путями: по морям, рекам и озерам. Добраться до Аляски Северо-Западным проходом (огибая с севера Америку) норманны теоретически могли, но практически это маловероятно. Слишком велики были бы трудности, и, главное, совершенно непонятно, какими соображениями мог быть обусловлен данный вояж.

Теперь перейдем к испанцам. Они действительно приступили к освоению Америки еще в начале XVI в. Но на западе этого континента даже в XVIII в. их интересовали лишь его центральная и южная части (Панама, Мек-

сика, Перу, Чили). Территории на севере, о которых опп имели представление, простирались только до Калифорнии.

Что же касается англичан, то Фрэнсис Дрейк в середине XVI в. достиг района нынешней границы Соединенных Штатов с Канадой¹⁹. То есть Аляска до XVIII в. оставалась terra incognita (неизвестной землей) для ученых и мореплавателей Западной Европы. А это значит, что версия о русском происхождении белокурых индейцев Аляски вполне реальна.

Сторонники штурмана торжествовали. Однако доктор не сложил оружия.

— Позвольте, товарищи, давайте-ка беспристрастно подведем итоги! — Теперь, он обращался не к штурману, а к кают-компании в целом.

— Эрудицией, красноречием и богатством воображения уважаемый Геннадий Васильевич нас удивил. Но что, собственно говоря, мы уяснили? Какие-то чукчи рассказывали русским казакам о каких-то «бледнолицых индейцах». Монах Герман писал о том, что ему рассказывали служащие компании Лебедева, которым, в свою очередь, рассказывали аборигены Аляски.— На слове «рассказывали» Семен Николаевич делал выразительное ударение.

— Какую роль сыграл при этом обмене информацией языковой барьер, т. е. как русские и туземцы понимали друг друга, можно только догадываться. И вообще мы имеем дело со слухами, к тому же многократно передаваемыми от одного человека к другому. Информация, основанная на подобных источниках, очень часто оказывается по сути своей дезинформацией.

К тому же в версии Геннадия Васильевича остались «темные места». Не ясно, например, почему за все время владения Аляской русская администрация не сыскала ни одного из этих древнерусских американцев. Точнее говоря, почему это потомки русских отцов оказались сплошь Иванами, не помнящими родства?

На основании изложенного констатирую следующее: гипотезы ваши, Геннадий Васильевич, построены на шатких доказательствах. Считаю уместным напомнить вам вещь наставление академика Павлова: «Никогда не пытайтесь прикрыть недостатки наших знаний гипотезами, хотя бы самыми смелыми. Как бы ни тешил ваш взор этот „мыльный пузырь“, рано или поздно он лопнет, и ничего, кроме конфуза, у вас не останется!»

Среди сторонников нашего эскулапа началось оживление: «Так его, Семен Николаевич! Даешь свидетельства о рождении бородатых индейцев! Даешь мемуары ушкунников Аляски!»

Геннадий Васильевич слушал все это, снисходительно улыбаясь. Когда же в кают-компании воцарилась относительная тишина, он сказал:

— Судя по всему, полемический задор мешает Семёну Николаевичу осознать то, что я привел лишь ряд версий о начале русского освоения Аляски в XVI—XVIII вв., только и всего. Таким образом, мой уважаемый оппонент «ломится в открытые двери». При наличии же исчерпывающих, неопровержимых доказательств истории, мной рассказанные, были бы не версиями, а историческими фактами, и вы бы все знали их со школьной скамьи.

Теперь перейдем к конкретным возражениям Семёна Николаевича.

Да, я согласен с тем, что история, рассказанная монахом Германом, сама по себе вызывает сомнения. И путаница при пересказе ее разными людьми вполне вероятна. Но прошу вас принять во внимание тот факт, что детали вышеупомянутой версии о трансибирских вояжах жителей Северной России во времена опыте упоминаются и в других источниках.

Так, например, этнографы отмечают, что, согласно преданиям, существующим у русского населения Индигирки, предки их пришли из России морем во времена Ивана Грозного²⁰. Добавим к этому заключения лингвистов начала нашего века о том, что для коренного русского населения Колымы характерен окающий северорусский говор, свойственный жителям Архангельской и Вологодской губерний²¹. И наконец, новгородский посадник Павел еще в начале XII в. вещал со страниц Ипатьевской летописи о хождении ладожских «старых мужей за югру и самоедь и полунощные страны»²².

Таким образом, версия монаха Германа не такая уж оригинальная по своей сути. Русские люди задолго до Ермака начали проникать в Сибирь, причем наиболее популярным видом транспорта был у них водный. По рекам и морям шли на восток граждане Новгорода, Пскова, Великого Устюга, Холмогор, Колы. И не всегда вояжи их копчались благополучно. Так, сохранились документы, повествующие об экспедиции в составе трех кочей по маршруту Лена—Северный Ледовитый океан—Колыма—Анадырь—Охотское море. Один из кочей был при этом

запасен непогодой к Большой земле за Чукотским Носом, где русские люди основали поселение²³. Эпизод этот имел место задолго до основания Якутска (до 1632 г.).

В середине XVIII в. казачий сотник Иван Кобелев сообщал, что на Большой земле, что лежит напротив Чукотского Носа на берегу реки Хеврон (по-чукотски Глубокая), есть острог под названием Кынговой. Живут в нем русские люди. Они бородаты, умеют писать и читать и поклоняются иконам²⁴. Сведения эти Кобелев получил на острове Ратманова (в Беринговом проливе) от тамошнего старшины — переселенца с Аляски.

Как ни рвался казак к своим единоверцам, ему не удалось с ними свидеться. Но письмо с оказией он им отправил. Начиналось оно так: «Прелюбезные мои по плоти братцы, жительствующие на большой, почитаемой американской земле...» Далее Кобелев допытывался, с кем вступает в контакт (вера, происхождение), и пытался организовать встречу²⁵.

О судьбе этого послания архивы не сохранили какой-либо информации. Но в них есть «скаска» того же Кобелева, в которой он поведал то, что ему рассказал чукча Ехинка Опухин. Последний имел друга эскимоса, бывавшего на Большой земле за морем. Именно там он получил от бородатых людей письмо, писанное на доске черными и красными буквами. Курьеру эскимосу было указано передать сие послание россиянам в Ападырске.

Очевидно, в целях страховки авторы письма присовокупили к нему устное сообщение, что всего-де у них хватает, только железа пет. «Прелюбезные братцы» очень просили прислать его²⁶.

Были и иные сведения на этот счет. Например, чукчи рассказывали о русской торговой экспедиции, которая примерно в 1670 г. на 12 кочах пробиралась к устью Колымы. Непогода и сложная ледовая обстановка разбросали суда. Одни из них достигли Колымы, другие — Большой земли за Чукотским Носом. Причем люди с тех кочей остались на земле за Носом и обзавелись там семьями²⁷.

Заслуживает внимания и сообщение Николая Дауркина. Этот крещеный чукча совершил ряд путешествий по Чукотке и Аляске. В 1765 г. он составил карту Берингова пролива с прилегающими землями. На Американском берегу, в устье неизвестной реки, Дауркин показал крепость, представляющую собой П-образное строение и окруженную деревянным частоколом. На по-

следнем были изображены три воина и нечто похожее на индейский тотем (эмблему рода). К северу от крепости Дауркина нарисовал четырех мужчин в одежде, напоминающей чукотскую парку, и в головных уборах с перьями, вооруженных копьями. Из описаний Дауркина следовало, что в середине XVIII в. некий низкорослый толстяк и силач по имени Инахлун прибыл на север Аляски и построил там крепость (можно догадаться, что не один, а с отрядом воинов)²⁸.

Картой заинтересовались сибирские власти. С нее был сделан ряд копий, точнее говоря, несколько карт Берингова пролива. На одной из них (принадлежащей Петербургской Академии наук) крепость и воины несколько отличались от оригинала. Была, например, изменена конфигурация частокола. Но самое главное заключалось в том, что карта Дауркина была цветной и на ней можно было хорошо различить цвет кожи обнаженных по пояс воинов: у одних она была розовой, у других — коричневой. Не исключено, что составитель карты хотел отметить таким образом наличие в составе крепостного гарнизона представителей двух рас²⁹.

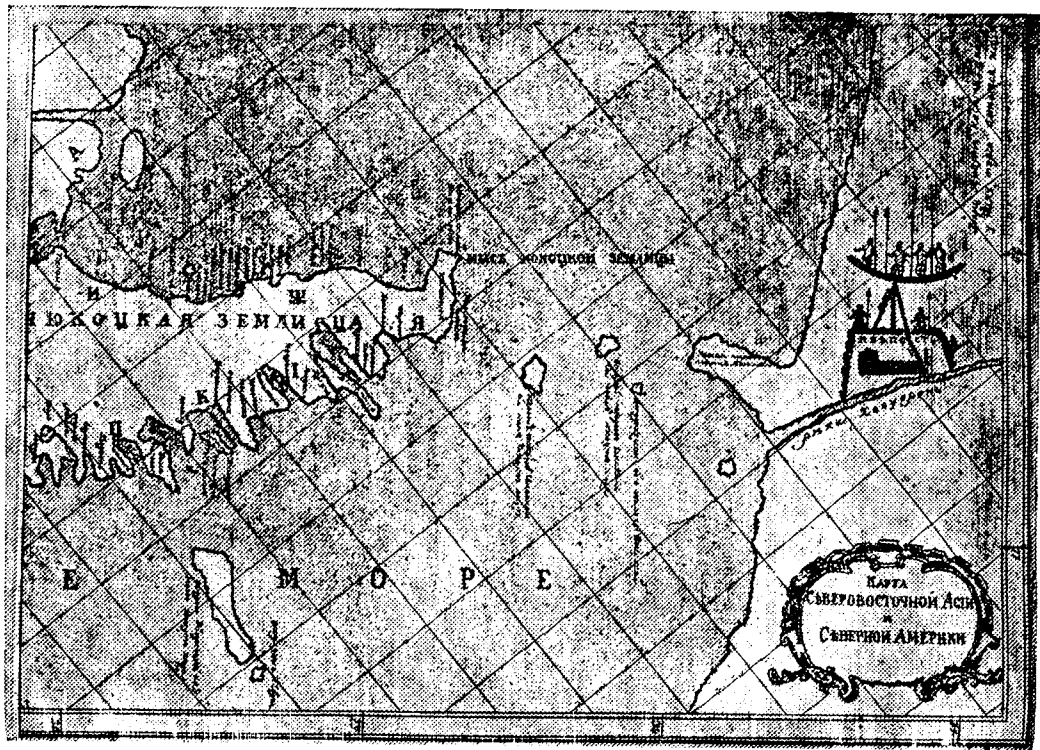
Объективности ради отмечу, что мне приходилось читать неплохо аргументированные возражения против упомянутой версии³⁰. Их авторы оспаривали как русский характер крепости, так и ее расположение в указанном на карте районе.

А теперь коротко о зарубежной информации на этот счет. Прежде всего доведу до вашего сведения, что значительная часть документов (карт), освещающих историю русских исследований в Тихом океане и на востоке Сибири, находится за рубежом. В Соединенных Штатах, например, есть архивы Российско-Американской компании.

Я подозреваю, что члены американского Русского исторического общества в 1941 г. основательно в них покопались, когда готовили публикацию к 200-летию открытия Аляски. В ней утверждалось, что в библиотеке конгресса обнаружены документы, неопровержимо доказывающие начало русского освоения Аляски в 1570 г.³¹ К сожалению, отсутствие каких-либо подробностей не позволяет мне высказать свое мнение на этот счет.

А теперь вспомним, что сообщал о «русских американцах» Джеймс Кук, на которого, как вам известно, ссылался монах Герман. Знаменитый английский путешественник писал, что русские живут на всех главных

Р и с. 2. Карта Берингова пролива. Географический департамент Петербургской Академии наук

островах между Уналашкой и Камчаткой, занимаясь там пушным промыслом. О том, когда они появились в этом районе, Кук не спрашивал. Но, учитывая характер взаимоотношений русских и аборигенов, он пришел к выводу, что произошло это давно³².

Как видим, ничего конкретного о первых «русских американцах» Кук не знал, да и не мог знать, ибо языковой барьер крайне затруднял обмен информацией. Более того, он, скорее всего, стал и причиной недоразумения, суть которого сводилась к следующему...

Прославленный английский мореплаватель встретился с жившими на Уналашке русскими. Об их гостеприимстве Кук писал в своих отчетах Адмиралтейству. Поразили его и кулинарные способности местных россиян, и особенно «китовое мясо по-русски». Кук познакомился также с картами (очевидно, они были ему показаны штурманом Измайловым). В том, что на русских картах Кук мог видеть вышеупомянутую «дауркинскую крепость», нет ничего невероятного. О степени же достоверности этой «фортеции» он не имел никакого представления и, не задумываясь, перенес ее на свою карту. А позже она появилась в России под следующим названием: «Карта, представляющая открытия российских мореплавателей на Тихом океане и аглицкого капитана Кука»³³. На ней была изображена «дауркинская крепость», и, судя по всему, именно на нее ссылались мошах Герман. Как видим, история с «куковской картой» служит прекрасной иллюстрацией к известной поговорке: «Нет пророка в своем отечестве».

Здесь я поставлю точку, хотя перечень сообщений о стихийной русской колонизации Аляски можно было бы и продолжить. Не знаю, как вам, а мне, Семен Николаевич, бросается в глаза, что источники разных лет сообщают одно и то же: россияне появились на Аляске задолго до начала деятельности Российско-Американской компании. Задумайтесь над этим!

Ответ не заставил себя ждать.

— Уже задумался, Геннадий Васильевич! Глубоко задумался и, увы, пришел к прискорбному выводу, что из любви к истине я должен бросить камешек в хрустальный замок ваших гипотез, а именно напомнить об экспедиции Семена Дежнева, которая совершила переход с Лены на Анадырь, обойдя вокруг Чукотского полуострова. И суда экспедиции назывались кочами, и было их семь.

А теперь вспомним маршрут германовских новгородцев, а также название их судов и их количество. Надеюсь, моя мысль вам ясна?

Не успел штурман раскрыть рот, как доктор сам дал ответ на свой вопрос:

— Недостаток достоверной информации и обилие слухов породили путаницу! Реальных казаков монах Герман и иже с ним спутали с мифическими новгородцами!

Еще раз, Геннадий Васильевич, должен вам заметить, что без вещественных доказательств пересказы слухов мало чего стоят! Норманны, например, оставили свои следы в Америке. А что вы можете представить в обоснование ваших сенсаций?

— Будут и доказательства, Семен Николаевич. Но, подчеркиваю, это доказательство версии, а не исторического факта!

Начнем с того, что в начале нашего века на восточном побережье Таймыра были обнаружены следы пребывания там русской морской экспедиции начала XVII в. (личные вещи, оружие, обломки судов и т. д.)³⁴. Других следов той эпохи на востоке Северного морского пути пока не найдено. Подчеркиваю, пока. Ничего удивительного в этом нет, ведь в некоторых районах Сибирского побережья Ледовитого океана даже в наше время звери не боятся человека. Отсюда ясно, как слабо они обжиты и как сложно обнаружить там следы пребывания европейцев, да еще трехсотлетней давности. Можно сказать, это дело случая. С другой стороны, архивы Якутской канцелярии XVI—XVIII вв. почти полностью сгорели.

Таким образом, исследователям приходится решать задачи со многими неизвестными. Кстати, один из них — К. С. Бадигин пришел к выводу, что Северный морской путь испытал судьбу Америки. Его открывали, затем забывали и спустя несколько столетий вновь открывали³⁵. Причиной тому было изменение ледовой обстановки в XVII—XVIII вв. (периодическое похолодание Арктики), а также политические и экономические факторы, в частности царский запрет на плавание в Сибирь (в Москве опасались, что морской путь в эту кладовую пушнина станет известен европейцам и они создадут конкуренцию русской торговле).

Теперь о возможностях подмены казаков Дежнева новгородцами Германа. Должен признать, подобное недоразумение не исключается, но прошу учесть следую-

щее. Экспедиция, описанная в Костромском архиве, имела место до плавания Дежнева, а та, о которой рассказывали чукчи, состояла из 12 кочей. Таким образом, в данных случаях путаница маловероятна. Что же касается отсутствия контактов между сотрудниками Российско-Американской компании и россиянами Аляски в XVIII в., то и этому факту можно найти объяснение.

Я уже говорил об ассимиляции европейцев в туземной среде, и Шелихов видел аборигенов Аляски, по облику напоминавших русских предков. Неассимилировавшиеся же россияне имели основания избегать контактов с царскими подданными. Напомню вам, что злоупотребления властей и различные формы социального гнета неоднократно вызывали в Сибири восстания. При их подавлении так называемые воры и бунтовщики бежали на север и на восток, в необжитые места. В этот поток беглецов со временем могли влиться раскольники и прочие противники официального православия. Нет ничего невероятного в том, что часть из них в силу стечения обстоятельств добралась до Аляски.

В частности, в архивах сибирских канцелярий сохранилось имя Ивана Реткина. В первой половине XVII в. этот сибирский казак возглавил отряд беглецов, стремившихся уйти на восток морем. Чем кончился их вояж по Северному Ледовитому океану — неизвестно. Но вероятность того, что мятежные казаки достигли «матерой земли» за Чукотским Носом, не исключена ³⁶.

Когда же там появились соотечественники, беглые россияне, думается, не были в восторге. Именно потому и могло не состояться их знакомство.

Ну а потомки русских беглецов, как я уже говорил, ассимилировались в туземной среде. Кстати, значительная часть нынешнего населения полуострова Кепай на Аляске является смешанной в расовом отношении ³⁷. Однако эти «креолы» (так по традиции называются на Аляске потомки от смешанных браков) от своих русских предков сохранили имена, фамилии, обычаи и православное вероисповедание. О том же, кто были их прадеды и когда они появились на Аляске, креолам (точнее говоря, потомкам креолов) ничего не известно. И это вполне объяснимо, ведь генеалогическое древо всегда было привилегией дворянства. Я, между прочим, к категории «Иванов, не помнящих родства» себя не причисляю, хотя и могу сказать только о двух своих прадедах, которые были крестьяне (один Вятской гу-

бернии, другой Архангельской). О прочих пращурах, увы, не ведаю. Подозреваю, что и вы не лучше знаете своих.

В ходе короткой паузы, сделанной рассказчиком, присутствующие согласились, что если с дедушками и бабушками большинство из них выросло, то о прадедушках и прабабушках они имеют смутное представление, о прочих же предках не знают практически ничего.

— А теперь приступим к тем следам, которые оставили русские первопроходцы на Аляске. Начнем с находки на полуострове Кенай, в нижнем течении реки Касилова (Кизиловой). В 1937 г. землеустроители случайно обнаружили там остатки поселения трехсотлетней давности³⁸. Специалисты признали его русским. Более того, в октябрьском номере журнала «Востоочнославянское обозрение» за 1944 г. появилась статья Теодора Фарелли, в которой доказывалось, что развалины на реке Кизиловой и есть остатки той самой затерянной колонии Повгорода, о которой писал монах Герман.

Я слышал, что послевоенные исследования американских ученых якобы позволили им пересмотреть версию о русском происхождении этого поселения, его создателями признаны эскимосы.

О том, какие именно соображения обусловили это заключение, данных не имею. А то, что мне известно из скудных описаний касиловских развалин, вызывает недоуменные вопросы. Например, стены сделаны из морской гальки, кирпичей, бревен, дерна, толщиной 4 дюйма (10 см), размеры зданий: 15×22 фута (4,4×6,7 м) при высоте 14 футов (4 м). Получается, что этот «дом» мог разместиться в современной стандартной квартире. Кроме того, не ясно, каким образом возможно было возведение столь тонких стен из упомянутых материалов да еще с солидным запасом прочности. Скорее всего, эти подробности в описаниях посят следы чьей-то ошибки.

Мне известно, что в настоящее время советские специалисты считают самым древним русским поселением на Аляске то, которое находится севернее полуострова Кенай, в среднем течении реки Коюк (залив Нортон-Саунд)³⁹. С его описаниями я, к сожалению, незнаком.

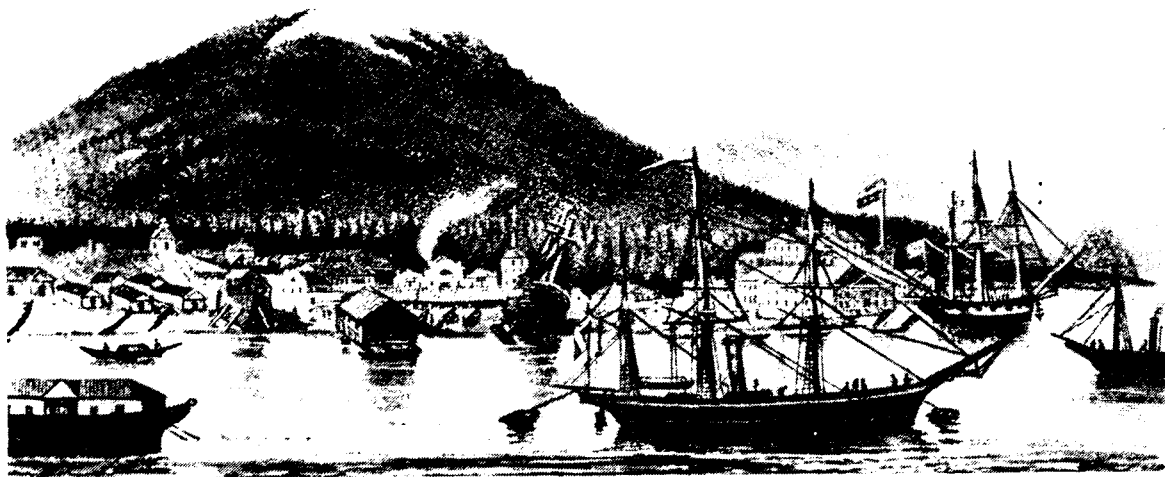
Стоит также упомянуть о деревянном блюде, инкрустированном железными гвоздями. В качестве дара участника Второй Камчатской экспедиции Георга Стеллера оно было направлено в Петербургскую купсткамеру. Камчадал, у которого было приобретено блюдо, рассказывал,

Таких туземцев встречали русские первопроходцы на Аляске

У этих аборигенов Аляски нетрудно заметить черты их европейских предков

Так выглядел порт Ново-Архангельск в 1863 г.

Постройки и укрепления форта Росс (Калифорния)

Деталь карты Н. Дауркина. Кре-
пость на американском берегу
Берингова пролива

Преподобный Герман Аляскин-
ский. Икона написана в XIX в.
дочерью офицера русского флота
С. И. Яновского, который лично
видел монаха Германа

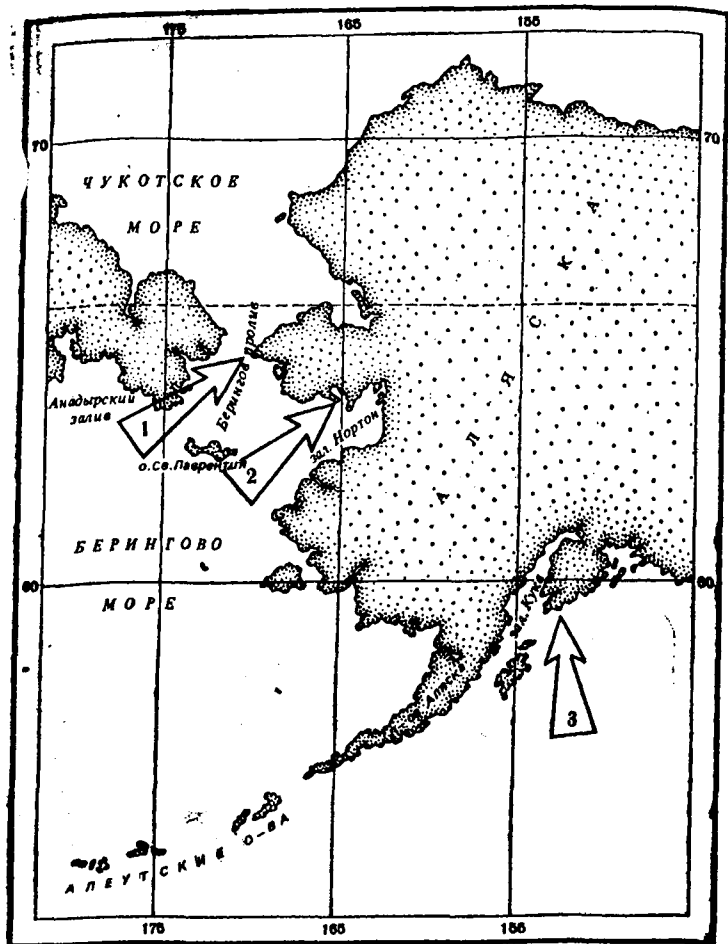

Рис. 3. Районы Аляски, в которых обнаружены остатки древних русских поселений

1 — мыс Принца Уэльского. Примерно здесь изображена крепость на карте Н. Дауркина; 2 — залив Нортон. По мнению некоторых советских исследователей, именно в этом районе находилось самое древнее русское поселение на Аляске; 3 — полуостров Кенай. Здесь были обнаружены остатки поселения, которые Т. Фарелли считал следами «затерянной колонии Новгорода на Аляске»

что он получил его от людей, проживавших на Большой земле, к востоку от Камчатки. Сам Стеллер считал, что блюдо сделано «русскими америкапцами»⁴⁰.

И вот что показательно. Другой участник Второй Камчатской экспедиции — Герард Миллер приводит выдержку из «скаски» Тараса Стадухина — современника Семена Дежнева. В ней говорится о том, что к востоку от Чукотского Носа есть остров или материк, на котором проживают бородатые люди. Они носят длинную одежду (как русские), занимаются ремеслами, в частности делают деревянные чашки⁴¹. Сохранились и другие сообщения о русской деревянной посуде (блюдах, солонках), привезенной в Сибирь с Большой земли за Чукотским Носом⁴². И наконец, имеются сведения о встречах аборигенов с русскими поселепцами Аляски. Например, служащий Российско-Американской компании Петр Корсаковский в 1817 г. слышал рассказ индейца Кылымбека о его встрече с неизвестными людьми (явно не индейцами и не алеутами) в районе к северу от Юкопа. Кылымбек был уверен, что это были русские, ибо они имели европейские черты лица (были бородаты) и носили одежду, кое в чем отличную от аборигенской (высокие сапоги). Что же касается оружия, то медные мушкетоны индейцами Аляски не использовались.

Даю справку. Мушкетом называлось укороченное ружье (мушкет), дуло которого было снабжено раструбом. Он предназначался для стрельбы картечью (дробью) и в начале XVIII в. состоял на вооружении русской армии. Разумеется, в России мушкетоны делались из железа, но вместо него можно было использовать и самородную медь, не являвшуюся редкостью на Аляске. Можно также предположить, что язык, на котором изъяснялись неизвестные люди, также повлиял на характер заключения Кылымбека.

А теперь проанализируйте все вышесказанное, прежде всего вещественные следы русского проникновения на Аляску в доберинговскую, дошелиховскую эпоху, и задумайтесь. Если сообщение о русских людях на Аляске в XVI в. — слухи, в XVII в. — слухи, в начале XVIII в. — слухи, то какие же факторы обусловили их появление и почему в течение трех веков они не угасали? Ведь люди, жившие на разных континентах и принадлежавшие к разным слоям общества, повторяли их из поколения в поколение?

— Тысячу извинений, Геннадий Васильевич, — преврал рассказчика врач. — Позвольте задать вопрос, как говорится, по ходу. Неужели администрация Российско-Американской компании не заинтересовалась этими таинственными россиянами с Аляски? Неужели она не пыталась установить с ними контакты?

— Вы несколько упредили меня своим вопросом, Семен Николаевич. Попытки подобного рода предпринимались, но кончились они безрезультатно. Однако не торопитесь с выводами. Должен вам напомнить, что суровые условия существования и полнейшее незнание элементарных норм санитарии в индейских общинах порождали высокую смертность. Прибавьте к этому вооруженные конфликты между индейскими племенами, а также несчастные случаи на охоте, и вам, надеюсь, станет ясно, что россияне на Аляске не заживались. Подчеркиваю, что я говорю о людях, рожденных русскими отцами и матерями, говорящих по-русски, молящихся русскому православному богу, думающих по-русски. Следовательно, к середине XIX в., когда администрация Российско-Американской компании предприняла попытки установить контакты с аляскинскими соотечественниками, в живых остались только их ассимилировавшиеся в туземной среде потомки. От русских предков, кроме внешних признаков, они сохранили в общем-то немного в силу причин, мной отмеченных.

В заключение, товарищи, хочу сказать следующее. Я вовсе не считаю, что нужно здесь делать какие-то категорические выводы. Более того, я был бы огорчен, если бы кто-нибудь из вас решился на это.

Должен напомнить об одной показательной закономерности. В истории развития науки неоднократно случалось, что открытие, скажем, таинственного явления или неожиданная находка позволяли давать новые, оригинальные объяснения устоявшимся понятиям. При этом «смелые» предположения нередко находили горячих сторонников, и прежде всего среди журналистов и писателей-фантастов. Именно их стараниями гипотеза незаметно трансформировалась чуть ли не в доказанный факт, во всяком случае, так ее воспринимали читатели-непрофессионалы. Именно поэтому я призываю всех моих слушателей, и единомышленников, и оппонентов, помнить следующее: то, что русские люди появились на Аляске в XVI, XVII и в начале XVIII в., пока версия, а не доказанный факт!

И нечего ухмыляться, Семен Николаевич! Я не отказываюсь от своего мнения. В свое время норманнские плаванья в Америку также были версией, причем версией шаткой, основанной главным образом на исландских сагах. Однако результаты послевоенных исследований дали убедительные доказательства того, что норманны действительно побывали в Америке. Вот, собственно говоря, и все!

В кают-компании сразу стало шумно. Слушатели оживленно обменивались мнениями, благодарили Геннадия Васильевича за интересный рассказ и, конечно, интересовались источниками его информации.

— Подумать только, царь Александр II за гроши продал американцам богатейшую землю,— сказал Кочергин.

— Да, в самом деле,— слышались голоса,— объясните нам, как Россия потеряла свои американские владения.

— Тетя Аля, воодушевите рассказчика компотом! — бросил реплику доктор. Все засмеялись, но тетя Аля послушно сбегала на камбуз и принесла стакан своего фирменного напитка.

Сделав песколько глотков, Геннадий Васильевич продолжил повествование:

— Вижу, что поторопился ставить точку. А начну я с того, что вскоре после окончания последней Камчатской экспедиции русские зверопромышленники начали осваивать открытые ею земли. Они били морского зверя, вели торговлю с аборигенами и строили в местах своего промысла поселения, сначала временные, а затем постоянные.

Плавание в северной части Тихого океана было в те времена очень опасным, но игра стоила свеч. Острова Берингова моря изобиловали котиками и каланами. Хватало там и песцов, а в лесах Аляски водились куницы, бобры, лисы и другие пушные звери. Охота и меновая торговля с аборигенами приносили доход, от которого захватывало дух. Удачный рейс одного небольшого, даже по тогдашним понятиям, корабля мог дать прибыль в 100, 200, 300 тыс. р. и даже более.

Однако таковы были результаты промысла в наиболее благоприятных районах, и неудивительно, что между сибирскими промышленниками вскоре возникла острая конкуренция за право ведения промысла в этих районах. С другой стороны, организация экспедиции к

берегам Аляски требовала солидных средств. И накопед, в конце XVIII в. в районах русского промысла у берегов Аляски появились иностранные конкуренты (прежде всего англичане и американцы).

Все это побуждало русских промышленников создавать свои компании по совместной эксплуатации Аляски. Наиболее значительной по капиталовложениям и размаху деятельности была компания, созданная купцами Шелиховым и Голиковым. Она вела поиск новых земель, доступных для освоения, строила укрепления-фактории, устанавливала контакты с аборигенами и приводила их в русское подданство.

Для придания этому процессу должного размаха и защиты своих интересов от притязаний конкурентов Шелихов решил обратиться к помощи Петербурга. Комиссия о коммерции, рассмотрев его просьбы, выступила с ходатайством перед императрицей об удовлетворении оных. При этом комиссия констатировала следующее: во-первых, компания Шелихова и Голикова на собственные средства снарядила ряд морских экспедиций, в ходе которых были открыты и присоединены к российским владениям обширные территории, перспективные для освоения. Однако «достаток их (Шелихова и Голикова. — М. Ч.) не соответствует их усердию», т. е. компания нуждается в финансовой помощи.

Во-вторых, прочие российские компании, ведущие аналогичную деятельность на Тихом океане, руководствуются только корыстью, а не государственным интересом. Людей нанимают «распутного права», туземцев притесняют и вражду к россиянам им прививают. Мало того, все это они поровят творить на землях, открытых радениями компании Шелихова и Голикова. Последняя же печется не только о прибыли, но и о том, чтобы просветить диких американцев и сделать их добрыми подданными ее императорского величества.

В-третьих, для сохранения российских владений в Америке от притязаний иноземных конкурентов нужна сила — регулярные войска.

В-четвертых, господ Шелихова и Голикова следует наградить, дабы всем было видно, как ценит ее императорское величество старания своих подданных.

С учетом вышеизложенного предлагалось дать компании беспроцентный заем в 200 тыс. р. сроком на 20 лет и монополию на хозяйственное освоение открытых ею территорий. Кроме того, рекомендовалось выделить в

распоряжение компании отряд регулярных войск численностью 100 человек, а ее учредителей наградить почетными шпагами, медалями и похвальными листами.

Здесь я позволю себе некоторые комментарии. В советской литературе, как научно-популярной, так и художественной, перспективность шелиховских начинаний и возможность в целом удержать Аляску в составе русских владений находят различные оценки. Я лично полагаю, что в военном, политическом, а главное — в экономическом отношении русская колонизация Америки была совершенно бесперспективна.

Семена Николаевича и всех его единомышленников покорнейше прошу сидеть смирно и свою образованность не показывать. На этой теме я позднее остановлюсь подробнее. А пока отмечу, что Екатерина II дала неплохо аргументированный ответ комиссии о коммерции. Суть его сводилась к тому, что казна пуста и просимую сумму выделить не может. А если начинания оных купцов действительно солидно обоснованы, почему бы им не обратиться к частному капиталу? С другой стороны, просимый заем — 200 тыс. р. без процентов, да еще на 20 лет, — явление в коммерции необычное и в высшей степени сомнительное.

При этом императрица напомнила членам комиссии анекдот, который вам, очевидно, знаком (с некоторыми различиями в деталях). Некий хитрец обещал своему богатому соотечественнику (мопарху, покровителю) выучить слона грамоте в течение 30 лет за соответствующее вознаграждение, полученное заранее. Когда его спросили, реально ли то, что он обещает, и зачем ему именно 30-летний срок, хитрец ответил: за это время либо я, либо слон, либо тот, кто финансирует предприятие, непременно умрет. Далее императрица признала, что вооруженные силы компании нужны, но еще более они нужны Европе. И наконец, монополия, испрашиваемая Шелиховым и Голиковым, противна пользе государственной, а благие учреждения оных господ беспристрастными свидетелями не подтверждаются.

Быть может, господа Шелихов и Голиков действительно достойные люди, но таких людей и без них на Руси хватает. Закон должен охранять интересы всех и всем давать возможность для полезных коммерческих начинаний. Монополия же «суть стоглавое чудовище», и монопольные компании в Западной Европе разоряются одна за другой.

Как видим, Шелихов и Голиков потерпели в столице поражение. Впрочем, по одному пункту они добились своего: почетные шпаги, медали и похвальные листы им дали. На эти расходы Екатерина II пошла без колебаний.

Однако упомянутые купцы не пали духом, и дела у них со временем пошли на лад. Подозреваю, что либо, описывая свои финансовые затруднения, они несколько сгущали краски, либо последующее развитие событий позволило им получить солидную прибыль. Так или иначе, они расширили дело, взяв в долю купца Мыльников, и их стараниями в 1797 г. (уже при Павле I) было создано новое предприятие, названное Российско-Американской компанией. Владения ее простирались на Аляске от 55° с. ш. до Берингова пролива. Кроме того, в них входили Алеутские, Курильские и ряд других островов на севере Тихого океана.

Компания имела свои флаг, деньги, промысловый и торговый флот, хозяйственные постройки, прочие виды собственности (движимой и недвижимой), а также право на ведение внешней торговли. Основой ее деятельности была торговля пушниной, т. е. сотрудники компании добывали и скупали меха, а затем продавали их на русских и зарубежных рынках. На все это компания добилась-таки монопольного права. Надо сказать, что русское население, несмотря на обширность территории компании, было крайне малочисленным. Например, в 1863 г. оно составляло 1524 мужчины и 1135 женщин (вместе с потомками от смешанных браков)⁴³. Что же касается отношений русских с аборигенами, то они заслуживают более подробного описания.

Поначалу алеуты и индейцы встретили русских пришельцев враждебно (правда, в некоторых районах контакты были дружескими). Затем в результате умелой политики администрации компании были налажены в общем-то нормальные взаимоотношения. Показательно, в частности, мнение на этот счет Джеймса Кука. Будучи на Алеутских островах, он восхищался тем, насколько дружны русские с аборигенами. Ничего подобного он не видел в других колониях европейских государств⁴⁴.

И неудивительно, ведь инструкции Российско-Американской компании обязывали ее сотрудников не обижать туземцев, прививать им дружеские чувства к россиянам, а сам Шелихов предписывал своим людям не опутывать туземцев долгами. Мало того, он старался привить им па-

выки в сельском хозяйстве, а для детей их основал школу. В ней преподавались математика, чтение, письмо и пение, причем отличники получали от Шелихова гостинцы⁴⁵.

И наконец, губернатор Восточной Сибири (в его подчинении находилась и Аляска) дал указание совершенно невероятное по представлениям прочих европейцев той эпохи. Он предписывал поощрять смешанные браки. Впрочем, сотрудники Российско-Американской компании, не дожидаясь благословения свыше, начали рождаться с аборигенами. Дети, рожденные от этих браков, нередко становились администраторами и исследователями края. Так, Александр Филиппович Кошеваров, сын русского крепостного крестьянина и алеутки, дослужился до капитана 1-го ранга.

Для сравнения напомним, что в соседних Соединенных Штатах блюстители «чистоты крови» наказывали своих сограждан плетью за любую связь с туземками. Законный же брак между белым и краснокожей был там вообще невозможен.

Разумеется, я не хотел сказать, что отношения русских к индейцам и алеутам были идеальными и все население Русской Америки жило в достатке. Колония (а Русская Америка была таковой) есть колония. Тяжелый труд, скудное снабжение всем необходимым, социальное неравенство — все это имело место. Бросается в глаза и тот факт, что в отчетах компании о народонаселении имеется двойная графа: сколько живет русских и сколько креолов, т. е. какая-то разница в правах между этими категориями населения, очевидно, была.

Но все познается в сравнении. С гордостью за Россию можно сказать, что ее сыны на Аляске заметно оживили жизнь края и не запятнали себя кровавыми расправами над аборигенами.

Теперь пару слов о руководителях компании. Это были администраторы, назначенные Петербургом. Большая часть из них были офицерами флота, и далеко не все они соответствовали занимаемой должности, а из тех, кто ей соответствовал, стоит отметить прежде всего Александра Андреевича Баранова.

Можно сказать, он построил здание, фундамент которого воздвиг Шелихов. Будучи до назначения на пост главы компании купцом, он хорошо разбирался в вопросах хозяйствования и преуспел на своем посту. По его инициативе был построен ряд новых форпостов компании,

в частности город и порт Новоархангельск, ставший впоследствии административным центром Русской Америки. Фактории компании были созданы в Калифорнии и даже на Гавайских островах. Примечательно, что сделано это было без применения силы. С помощью переговоров россияне установили контакты и взаимовыгодный товарообмен с аборигенами Аляски, Алеутских и Курильских островов и даже с испанцами Калифорнии.

Здесь, пожалуй, следует рассказать весьма романтическую историю, достойную пера Шекспира или Пушкина. Суть ее заключается в том, что в 1806 г. русский корабль «Юнона» прибыл в залив Сан-Франциско. На его борту находился представитель правительства в составе правления Российско-Американской компании, кавалер орденов и камергер двора его императорского величества Николай Петрович Резанов.

Испанский губернатор Калифорнии доброжелательно встретил русских гостей. Большой интерес вызвали они и у юной дочери губернатора — красавицы Кончитты (по другим источникам, ее звали Консепсия)⁴⁶. А далее события развивались приблизительно по схеме, описанной еще в древнегреческом мифе о походе аргонавтов в Колхиду. Резанов увлекся Кончиттой, и та ответила ему взаимностью. Что же касается губернатора Калифорнии, то он (в отличие от царя Колхиды) благословил брачный союз своей дочери с «русским Ясоном».

Но, прежде чем описывать дальнейшее развитие событий, прокомментирую все сказанное. Дело в том, что невесте было не то 14, не то 16 лет, а жениху 42 года. Кроме того, само создание Русской Америки в Мадриде рассматривали как покушение на испанские интересы, т. е. будущий тесть мог видеть в будущем зяте политического противника. И наконец, невеста была католичка, а жених православный. Казалось бы, препятствия брачному союзу были очень серьезные. Но на решение Кончитты и ее отца они, как видите, не повлияли. Я лично объясняю это следующим образом.

В те времена столь необычная для нас разница в возрасте между мужем и женой была обычным явлением. Девушка в 14 лет считалась на выданье, а солидный возраст жениха ее не смущал. К тому же Резанов не только был достаточно видный мужчина, но и обладал, судя по всему, обаянием. К тому же он прибыл с целью закупки продовольствия для Российско-Американской компании, т. е. губернатор Калифорнии мог видеть в нем партнера

в торговле, выгодной для испанцев. А тот факт, что Резанов был представителем именно России — могущественной державы, которая к тому же никогда не воевала с Испанией, мог импонировать и отцу и дочери. И наконец, разница в вероисповедании супругов в те времена не являлась чем-то необычным (во всяком случае, в привилегированных слоях общества).

Что же касается Резанова, то, кроме женских чар Кончитты, на его решение могли повлиять вполне деловые соображения. Родство с губернатором испанской Калифорнии сулило существенную помощь в деле создания калифорнийской сельскохозяйственной базы для Русской Америки.

Одним словом, состоялось официальное обручение, а затем последовало выпужденное прощание. Камергер Резанов должен был отчитаться перед императором о результатах своей дипломатической миссии в Японии и о состоянии дел в Российско-Американской компании. Он клялся вернуться за невестой, как только позволят обстоятельства, а та клялась ждать жениха. Никто из них не нарушил клятву, но Кончитта так и не стала госпожой Резановой.

Корабль, на котором отправился в путь ее суженый, оправдал свое название (в древнеримской мифологии богиня Юнона — покровительница семьи и брака). Он благополучно доставил жениха по назначению, чего, увы, не удалось сделать сибирским ямщикам. Подъезжая к Красноярску, Резанов тяжело заболел. Возможности тогдашней медицины были ограничены, и сибирские лекари бессильно наблюдали, как метался в постели их пациент, повторяя в бреду нерусское женское имя. А потом наступил летальный исход, и на местном кладбище появилась еще одна могила.

Долго, очень долго не хотела верить Кончитта, что она овдовела, не успев стать женой. Она отказывала всем претендентам на свою руку, а когда ей были представлены неопровержимые доказательства, постриглась в монахини.

Однако хватит лирики. Вернемся к суровой прозе — к деятельности Российско-Американской компании в период ее расцвета, когда ее возглавлял А. А. Баранов. Я уже отмечал энергию и предприимчивость этого администратора. Добавлю, что организованные им экспедиции исследовали побережье и глубинные районы Аляски. В русских американских портах кипела деловая жизнь.

Там даже строились корабли, а в 40-х годах XIX столетия в Новоархангельске были построены два парохода (впервые на всем Тихом океане). Мало того, детали машины для одного из них были сделаны в мастерских Новоархангельска⁴⁷.

Иностранцы заходили в Русскую Америку для ремонта, ибо другой ремонтной базы на Американском побережье Тихого океана в то время не было. Кроме школ, для детей местного населения были основаны два училища. Одним словом, внешняя картина процветания (по меркам того времени), казалось, была налицо. Но в том-то и дело, что это была только внешняя картина. Грозные тучи сгущались над Русской Америкой. Слишком много неразрешимых проблем рождала ее деятельность. Основная же проблема вытекала из стремления официального Петербурга побольше получать от Российско-Американской компании и поменьше давать ей, а мысль отправлять за океан крепостных душ мнилась российским помещикам вообще преступной. Эмиграция в Русскую Америку была запрещена (и для крепостных и для свободных людей).

Кроме того, односторонняя ориентация хозяйства компании на пушную торговлю несла в себе зародыш ее финансового краха. Напомню, что акционеры компании (а в их числе находились члены правящей династии) были заинтересованы только в прибылях сегодняшнего дня, и торговые обороты компании в свое время обеспечивали их. Пушнина, доставляемая из Америки на рынки России, продавалась с большой выгодой. Кроме того, значительное количество мехов компания продавала в Китае, где на вырученные деньги покупались китайские товары (прежде всего чай). Их продажа в России также приносила акционерам солидную прибыль.

Но шли годы, капитализм развивался. Особых успехов добились американцы — близкие соседи Российско-Американской компании. Они прокладывали железные дороги, строили пароходы, фабрики. Понадобились новые территории, а Русская Америка находилась под боком. Американские купцы путем контрабандной торговли с индейцами начали основательно подрывать коммерцию. И вообще Русская Америка стала источником забот для отечественной дипломатии. Территорию эту можно было сохранить, но для этого необходимо было активно использовать все природные ресурсы края, т. е. строить промышленные предприятия по переработке местного сырья, стимулиро-

вать сельскохозяйственное производство, вовлекать в хозяйственную жизнь компании аборигенов, растить местные кадры специалистов, развивать торговлю и т. д. Но для этого требовались капиталы, труд свободных людей и, разумеется, поддержка правительства. Все это было невозможно в условиях крепостнического государства. Следовательно, потеря для России ее америкапских владений была предрешена.

Одним из первых эту горькую истину осознал В. М. Головин. Во время своего плавания на шлюпке «Диана» в 1809 г. он имел возможность ознакомиться с положением дел во владениях Российско-Американской компании. Тревожный сигнал, посланный Головиным в правящие сферы, ничего путного не дал, да и не мог дать, ведь удержать Аляску в составе России можно было только после проведения разносторонних реформ (прежде всего в самой России).

А теперь я расскажу вам о закате Российско-Американской компании. Прежде всего под давлением английской дипломатии пришлось закрыть русскую факторию на Гавайях. В 1841 г. была продана частному лицу фактория Росс. Затем начался период упадка компании. Долги компании росли из года в год, и в правящих кругах России начали раздаваться голоса о необходимости ее продажи.

Когда же началась Крымская война, одна из акций русской дипломатии побудила американцев проявить активность в вопросе покупки Аляски. Напомню, что в ходе этой войны вооруженные силы Англии и Франции атаковали русские владения где только можно: на Белом и Баренцевом морях, на Балтике, в Крыму. Кроме того, объединенная англо-французская эскадра атаковала русские владения на Камчатке. И лишь во владениях Российско-Американской компании не разорвалась ни одна бомба. Объясняется это тем, что русские дипломаты в Соединенных Штатах распустили слух о планируемом согласии России на создание Американо-Русской компании по совместной эксплуатации Аляски. Англия была заинтересована в том, чтобы соглашение на этот счет не было подписано в Петербурге. Помимо всего прочего, в Лондоне, очевидно, опасались, что организация этой компании приведет к созданию Русско-Американского союза, имеющего антианглийскую направленность.

Одним словом, английские власти срочно объявили, что рассматривают Аляску как нейтральную террито-

рию⁴⁸. Но этот успех русской дипломатии имел и обратную сторону: американцы уяснили, что продажа Аляски Россией — вещь вполне реальная. Заинтересованные лица в Соединенных Штатах развили бурную деятельность, не жалея средств на взятки, и в марте 1867 г. был подписан договор о продаже Аляски и Алеутских островов со всем имуществом компании за 7,2 млн долл. В среде русской общественности он вызвал негодование, просочившееся даже на страницы прессы.

Но еще большее негодование вызвала продажа Аляски у ее русского населения. Жители Новоархангельска дружно бойкотировали торжественную церемонию спуска русского флага. Кстати, в ходе ее произошел один любопытный и, я бы сказал, символический инцидент. Русский флаг не пожелал спускаться, сколько ни тянули его за фалы. Пришлось посылать на флагшток матроса с ножом, дабы он срезал стяг, поднятый на берегах Америки Берингом и Шелиховым (подозреваю, что кто-то из русских умышленно испортил устройство для спуска флага). Вскоре после этого большая часть русского населения Аляски и Алеутских островов уехала в Россию.

В заключение стоит отметить тот факт, что и спустя сто с лишним лет после ухода русских с Аляски память о них осталась. До сих пор индейцы и алеуты носят русские имена и фамилии, исповедуют православную веру. Сохранились и некоторые постройки Российско-Американской компании, в частности фактории Росс (недалеко от Сан-Франциско). После войны там создан исторический музей. Посетителям показывают дом русского коменданта, церковь, укрепления.

И наконец, православная церковь в Соединенных Штатах Америки канонизировала монаха Германа. Он объявлен святым Германом Аляскинским. Таким образом, Семен Николаевич, ваше недоверие к писаниям угодника божьего не что иное, как кощунство. Учтите это!

— Непременно учту, — улыбнулся доктор.

Этой шуткой и закончилось повествование Геннадия Васильевича Соловьева. Впрочем, на следующий день продажа Аляски вновь стала темой обсуждения. Она породила новый рассказ штурмана, но он заслуживает отдельного рассмотрения.

Прожект учреждения «Российской Вест-Индии»

Благо везде и всюду зависит от соблюдения двух условий: правильного установления конечной цели всякого рода деятельности и отыскания соответствующих средств, ведущих к конечной цели.

Аристотель

Доводы штурмана Г. В. Соловьева о неизбежности потери для России ее американских владений убедили не всех. Особенно горячо протестовал Женья Кочергин. «Аляска богата естественными ресурсами, и, если бы в Петербурге пеклись как следует об интересах родины, можно и должно было бы удержать эту землю. Законные права на нее России скреплены потом и кровью русских первооткрывателей». Примерно к этому сводились его доводы.

«И патриотов в Петербурге хватало,—отреагировал штурман,—и дураками российские министры не были. Они имели основания отказаться от Аляски. Кстати, в XVIII в. различные „доброжелатели“ предлагали Петербургу ряд прожектов создания русских колоний в Америке, причем не в Северной, а в Южной. И все они были отвергнуты».

Присутствующие начали с жаром просить рассказать об этом малоизвестном эпизоде отечественной истории, и Геннадий Васильевич приступил к рассказу. Начал с того, что авторами этих прожектов были западноевропейцы.

Первым из них был английский негоциант Руперт Бек. В 1710 г. он предложил русскому послу в Лондоне князю Б. И. Куракину основать русскую колонию на острове Тобаго (Малые Антильские острова)¹. Из объяснений Бека следовало, что хотя остров этот и был открыт испанцами, но дальнейшего интереса у них не вызвал, а аборигены-карибы удалились неведомо куда (о том, что карибы были истреблены испанскими колонизаторами, Бек умолчал).

После ряда военных столкновений остров оказался под властью английской короны, но освоен, очевидно, не был. Во всяком случае, король Карл I считал возможным подарить этот остров своему крестному отцу — курляндскому герцогу Якобу. Последний пробовал было основать на нем колонию, но его подданных изгнали французы. Тех, в свою очередь, изгнали англичане, и вопрос, чьим же владением является Тобаго, остался открытым. Правда, англичане собирались выкупить у курляндцев свои бывшие владения, но в силу ряда причин сделка не состоялась. Таким образом, Тобаго можно было формально рассматривать как составную часть Курляндского герцогства.

В 1710 г. победоносная русская армия изгнала шведов из Курляндии, и герцог Фридрих-Вильгельм, став вассалом царя Петра I, в том же году удачно посватался к царской племяннице Анне Иоанновне. Все эти события натолкнули Бека на заманчивую идею: если Курляндия — вассал России, а ее герцог к тому же царский родственник, то и его заморские владения можно использовать на благо Российской державы, т. е. царю предлагалось выкупить у Фридриха-Вильгельма права на Тобаго и основать там русскую колонию.

Прожект господина Бека был направлен в Петербург на высочайшее имя и там умер естественной смертью.

Однако на смену ему явилась целая серия прожектов основания русской колонии в Вест-Индии, причем не только на Тобаго, но и на близрасположенных участках континента. Один из таких прожектов был представлен Петру I незадолго до его кончины. Автор его неизвестен, но можно предположить, что им был голландец. Суть документа, написанного по-голландски, сводилась к тому, что в Южной Америке есть некая территория, не принадлежащая ни одной из европейских держав. Точные координаты ее не приводились. Климат там благодатный, земли плодородные, недра обильные (особый упор делался на золото и серебро). Что же касается аборигенов, то они с готовностью станут подданными русского монарха.

Для реализации прожекта необходимы были 12 тыс. солдат, 4 тыс. драгун, 90 транспортных судов (из них 30 небольших для плаванья по рекам), провиант на восемь-девять месяцев и 400 тыс. гульденов. За три-четыре месяца можно перебросить эти войска к месту назначения, и через два, максимум через три года под скипетром его императорского величества окажется поистине райская страна. Доходы от земледелия, торговли и экс-

плуатации недр, а также налоги (по ефимку с туземной души) будут приносить русской казне от 40 до 80 млн гульденов в год.

Территорию колонии следует разделить на графства и раздать их особо достойным мужам. Речь, судя по всему, шла о «ленных владениях» средневековой Европы, и, без сомнения, господин прожектер видел себя в числе упомянутых достойных мужей², решительно не усматривая тому препятствий.

Но у Петра I, очевидно, было иное мнение на сей счет. Делу «о завоевании зело великих и богатых земель» (так назывался прожект) хода он не дал.

Следующий прожект создания «Российской Вест-Индии» был представлен в 1736 г. бывшим служащим голландской колониальной администрации Симоном Абрагамом. Прожектер этот поведал в Петербурге, что сыскана им земляца против острова Тобаго (па Американском континепте). Правит ею туземный князь по имени Юпитер Таривари. Он благоволит к европейцам и приглашает их селиться в своих владениях. Земля же та богата золотом и серебром, а также дарами природы. Ко всему прочему климат там отменный.

Исходя из того, что упомянутая земляца ничейная (индейцы, разумеется, не в счет), господин Абрагам предложил россиянам основать на ней колонию³. В качестве первого шага рекомендовалось учинить купеческую компанию и отправить от лица оной во владения Таривари фрегат с грузом российских товаров, а во главе сего начинания поставить его, Симона Абрагама, и дать ему некоторое награждение.

Страховки ради господин прожектер отметил, что ежели коммерция эта авантажей (выгод) поначалу не даст, то в том большой беды не будет, ибо служители морские в таком дальнем вояже могут себя экзаменовать, т. е. предприятие во всех случаях принесет пользу.

Правительствующий сенат, коему Анна Иоанновна повелела рассмотреть вопрос, в свою очередь, запросил мнение Коллегии ипостраанных дел, а та дала заключение о неизбежности конфликта с Англией и Испанией в случае реализации прожекта. После этого творение господина Абрагама было направлено в архив, тем более что на рассмотрении находился еще один вариант создания «Российской Вест-Индии».

Прожект этот имел английское происхождение и возник в августе 1735 г., когда русский посол в Лондоне

Антиох Дмитриевич Кантемир направил в Петербург секретное донесение. В нем сообщалось, что некий выходец из Португалии по имени Ягап д'Акоста предложил английским купцам основать колонию в Южной Америке (между испанскими и португальскими владениями). Английское купечество откликнулось на это предложение, т. е. была создана компания и собран необходимый капитал, но, когда речь зашла о покровительстве короны (а оно было остро необходимо), дело застопорилось. Правительство его величества «волочило решение» (не отказывало учредителям и не давало согласия). Очевидно, это объяснялось нежеланием вступать в конфликт с пиренейскими державами. Когда терпение господина д'Акосты кончилось, он решил прибегнуть к высочайшей поддержке со стороны, выбрав для этой роли императрицу России. Д'Акоста стал искать контактов с послом будущей своей покровительницы в Лондоне.

Конкретно суть прожекта д'Акосты сводилась к следующему: 1) от Анны Иоанновны ожидалась жалованная грамота учредителям компании (с обещанием протекции, вплоть до военной помощи);

2) территория колонии становилась при этом собственностью ее учредителей. Им же давалось право назначать должностных лиц (военачальников и администраторов);

3) русская казна получала право на десятую часть стоимости проданных в колонии товаров и на столько же от стоимости проданной земли.

Затем доверенные лица учредителей колонии, приехавшие в Петербург, пачали уверять вице-канцлера А. И. Остермана, что близость владений прочих европейских держав их начинаниям не помеха: ни гишпанцы, ни португальцы войну не начнут. Ну а паче чаяния начнут, то доблестный российский флот учинит им знатную конфузию. А ежели помянутые державы станут захватывать российские купеческие корабли, то россияне ответят тем же. Более того, доблестное российское воинство и Бразилию и Перу у супостатов завоюет, и знатные богатства короне российской предоставит. Таковы были радужные посулы лондонских искусителей⁴.

Надеюсь, вам ясно, почему в Петербурге их прожекты были отвергнуты.

— Простите, Геннадий Васильевич,— сказал Женя Кочергин.— Мне не ясны причины вашего скептицизма. Вспомните историю, ведь испанские, португальские и про-

чие колониальные начинания происходили нередко при весьма и весьма сомнительных шансах на успех. Случались у господ колонизаторов неудачи, но и успехи были. Вот и возникает вопрос: почему русские не могли преуспеть в том, в чем преуспели прочие европейцы? Неужели не нашлось бы в России кораблей и людей для освоения заморских территорий?

Штурман улыбнулся:

— Господа прожекторы, Женья, говорили примерно то же самое: огромные нынешние богатства, из Америки вывозимые, начинались с малых колоний, и сумлений при учреждении оных было зело много. А теперь давайте-ка проанализируем, что скрывалось за проектами д'Акосты и компании.

Итак, вышеупомянутые господа прожекторы сходились на возможности освоения россиянами острова Тобаго и некоторых «бесхозных» территорий на континенте Южная Америка (где-то между устьем реки Ориноко и голландской Гвианой, или между 25 и 55° ю. ш.). В описаниях достоинств будущей колонии они не жалели красок: и гавань там отменная, и климат райский, и земли плодородные, и благородные металлы в недрах имеются, и туземцы тамошние — народ дружелюбный. Одним словом, сия земля обетованная сулила радужные перспективы.

К счастью для Русского государства, вся эта затея так и не вышла за пределы канцелярской переписки. Нашлись в Петербурге здравомыслящие государственные деятели, усмотревшие на пути начинаний подобного рода неучтенные препоны. Прежде всего к этим препонам следует отнести то обстоятельство, что все сколь-либо пригодные для колонизации территории в указанных районах к XVIII в. были если не освоены, то, во всяком случае, четко оприходованы колониальными державами. Отсутствие гарнизонов и таможен в отдаленных пунктах на побережье вовсе не означало их «бесхозность». Испания и Португалия, поделившие с помощью римского папы Александра VI Южную Америку еще в XV в., всякие попытки прочих европейцев вкушать от американского пирога рассматривали как грабеж. Следовательно, конфликт России с пиренейскими державами (в случае основания упомянутой колонии) был бы неизбежен.

Мало того, прочие европейские державы, имевшие колонии на Американском континенте (Англия, Франция, Голландия), мягко говоря, не были бы в восторге от рус-

ского соседства, а борьба с этими конкурентами потребовала бы таких жертв, на которые Россия не смогла бы пойти. Как видим, идея была мертворожденной в политическом отношении.

Теперь перейдем к тем «аваптажам», которые обещали Петру и его племяннице авторы вышеупомянутых прожектов. Для начала уясним, чем и с кем могла вестись торговля в «Российской Вест-Индии». Абрагам полагал, что русские купцы могли бы везти за океан холсты, металлы (изделия из них), бисер и пр. Импортировать же, помимо драгоценных металлов и камней, намечалось сахар, кофе, какао, краски, хлопок, лекарственное сырье и другие колониальные товары. Россия в них нуждалась, и господа прожектеры были правы, утверждая возможность их получения в указанных ими районах. Но они явно «позабыли» тот факт, что природа сама плантаций и рудников не создает. А о том, кто будет трудиться под тропическим солнцем в дебрях американской сельвы, в их прожектах ничего, по существу, не сказано.

Впрочем, одип план был. Господин Абрагам предложил весьма простое и дешевое решение проблемы. Россиянам предлагалось на первых порах обращение с туземцами иметь ласковое (дабы опые в смятение не пришли и в бега не кинулись), а потом, когда россияне числом умножатся и нушек у них станет вдоволь, надлежало оных дикарей (подданных Юпитера Таривари) в рабство обратить и на плантации работать отправить. О том, что надлежало делать с самим гостеприимным туземным князем, в прожекте не сказано ни слова. Исполно: участь его была бы незавидной и никаких сомнений морального плапа у господина Абрагама при составлении его прожекта не было.

Сомневался он, судя по всему, в другом: надолго ли хватит этих дикарей и много ли их удастся добыть. Во всяком случае, он учел и другой вариант — ввоз в колонию русских преступников (с тем, чтобы расселять их там после трех-четырех лет каторжного труда).

Идея эта выдавала в прожектере не только завзятого колонизатора, но и профапа. Практика к тому времени убедительно показала, что работать на тропических плантациях (даже под бичами надсмотрщиков) европейцы решительно не способны. Не были способны на это и индейцы. Лишь рабы-негры решали проблему. Во всяком случае, именно на их труде держались в то время американские плантации.

И наконец, пару слов о торговых партнерах. Из описаний того же господина Абрагама следовало, что князь Юпитер Таривари — феодальный владыка (самодержец), имевший свиту, подданных, вассалов. Европейцев он приглашал селиться в своих владениях. Но далее Абрагам констатировал, что подданные этого монарха суть дикари: «...ходят нагишом, дворов не имеют, питаются звериной и рыбной ловлею, землю не пахут, хлеба не имеют. Вместо хлеба едят некий корень, именуемый корсава (маниока)». Нетрудно догадаться, что коммерция с подобными «партнерами» была бы, мягко говоря, бесперспективной. Как, например, торговать с теми, кто не знает, что такое товарообмен, и к чему холсты тем, кто ходит нагишом? К тому же сам факт существования какой-либо государственности у упомянутых дикарей выглядел очень сомнительно, особенно наличие у них «самодержца», да еще с мифически-шутовским именем Юпитер (?) Таривари (??).

Столь же бесперспективной была бы русская торговля с европейскими соседями. Господин Абрагам и все прочие «забыли» о железном правиле всех колониальных держав того времени: торговля с колонией — монополия метрополии. Ведь ценность обладания колонией заключалась в значительной степени именно в этой торговле. Сбывая привозные промышленные товары по непомерно высоким ценам, метрополия выкачивала из колонии огромные богатства. Неудивительно, что монополия колониальной торговли защищалась всеми средствами. Показателем, в частности, эпизод, имевший место как раз во время представления прожекта д'Акосты. Англия оказала тогда военную помощь союзной Португалии. Двадцать шесть линейных кораблей было выделено для этой цели, и, разумеется, обеспечение действий столь значительных сил дорого обошлось английской казне. Учитывая этот факт и дружеские отношения союзных держав, Лондон направил в Лиссабон просьбу — разрешить отправить в Бразилию один торговый корабль для продажи там английских товаров. Португальские власти категорически отказались удовлетворить, казалось бы, скромную просьбу союзника. Суть их ответа можно выразить русской поговоркой: «Дружба дружбой, а табачок врозь!» Надеюсь, теперь вам ясно, на что замахивались господа прожектеры и в какую авантюру втягивали они Россию.

В этот момент штурман уловил усмешку Семена Николаевича Ващенко.

— Кажется, не все согласны с моими заключениями. Ну что же, я готов выслушать оппонентов.

— Позвольте, Геннадий Васильевич, поставить под сомнение одно ваше утверждение,— начал доктор.— Напомню вам, что русский солдат в свое время благополучно прошагал через пустыни Средней Азии, а кочегары русского Добровольческого флота исправно стояли у своих топков на участке от Суэца до Адена. В то же время их французские, немецкие и английские коллеги уступали свои рабочие места неграм и арабам. Так что ничего непреодолимого для русского человека, да и вообще для европейцев в восточном климате, по-моему, не было. Кстати, нынешнее население стран Латинской Америки, и в частности того же Тобаго, состоит не из одних негров. И не все белые в этих странах работают в офисах с кондиционерами. Переселенцы из стран Европы акклиматизировались и освоили работу на плантациях.

Что же касается неудачного эксперимента с европейскими рабочими в XVIII в., то ничего удивительного в этом нет. Вспомните, кто они были? Это были правонарушители всякого рода. К месту работы их везли через всю Атлантику, месяцами они не выходили из трюмов. О том, как их кормили и поили, можно догадаться. Нетрудно представить также, в каком состоянии они находились, ступая на землю Америки.

— Вы хотите сказать, Семен Николаевич, что неудачная попытка использовать европейцев в качестве рабочей силы на плантациях Америки объясняется тем, что их везли через океан не на пассажирских лайнерах и после прибытия не направляли в дома отдыха? — бросил реплику штурман.

— Отдаю должное вашему остроумию,— ответил доктор,— но я хотел сказать не то. Одно дело — труд истощенного дорогой и зверским обращением раба, который к тому же не акклиматизировался, а главное, не заинтересован в результатах своего труда, и другое дело — труд свободного труженика.

— Допустим, Семен Николаевич, что «двуличный» русский мужик с помощью «Дубинушки» и святых угодников божьих совершил бы свой геркулесов подвиг. Делает ли эта смелая гипотеза реальным сам замысел «Российской Вест-Индии»? Разумеется, нет! Ведь, кроме политических и экономических проблем, на пути реализации данного проекта стояло еще одно грозное препятствие — «джептльмены удачи». Пираты наводили в те времена

ужас не только на мореплавателей, но и на жителей прибрежных городов Американского континента. Напомню вам, что колониальные власти европейских держав в отношениях с этими «джентльменами» исходили из принципа «деньги не пахнут». Они делали вид, что не догадываются, чем занимается в море капитан, доставивший в колониальный порт ценный груз весьма сомнительного происхождения.

Ну а когда упомянутые державы вели между собой войны, «джентльмены» спускали «веселого Роджера» (черный флаг с пиратской символикой) и поднимали государственный флаг, т. е. превращались в каперов, действующих с официального разрешения своего правительства.

Одним словом, пираты были грозой американских колоний, а европейские конфликты способствовали расширению масштабов их деятельности. Именно такая ситуация сложилась в начале XVIII в., когда господин Бек представил свой прожект в Петербурге. Россия вела упорную, продолжительную войну со Швецией за Балтийское побережье, и в борьбу эту в той или иной форме вмешивались европейские державы, а это значит, что русские колонии в Америке подвергались бы массированным пиратским атакам. Отражение же этих атак было бы делом безнадежно трудным.

Во время представления прожектов д'Акосты и Абрагама политическая обстановка была ничуть не лучше. Шла война с Турцией, а конфликт с Францией (из-за Польши) едва не привел к военным действиям. К тому же назревала новая война со Швецией, не примирившейся с поражением в Северной войне.

Таким образом, совершенно очевидно, что защищать свои американские владения Россия практически не смогла бы. Что же касается каперской войны русского флота, которую д'Акоста предлагал как возможную контрмеру, то одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять ее бесперспективность. Мало того, что фрегаты под андреевским флагом должны были бы вести борьбу с превосходящими силами, им пришлось бы отводить захватывающие призывы на огромное расстояние, пересекая при этом контролируемые противником проливы. Ну а планы завоевания Бразилии и Перу настолько нелепы, что не заслуживают опровержения.

Теперь попробуем подвести итоги. Прежде всего политико-экономическое обоснование всех вышеупомянутых

проектов стоит на сыпучем песке. Их авторы обнаружили поразительное невежество в деталях своих проектов. Так, паппример, неизвестный голландец утверждал, что в центральной части Южной Америки расположено свыше 80 независимых королевств и княжеств. Державы эти он видел якобы собственными глазами со всеми их монархами и богатствами.

Далее этот же автор уверял, что аборигены склонны принять подданство какого-либо европейского государя, а с европейскими соседями конфликты не предвидятся. Но вслед за этим он же утверждал, что завоевание колонии потребует армии и военных действий в течение двух-трех лет. Причем речь у него шла не об экспедиции, а о постоянном содержании в колонии 80-тысячной армии и флота из 50 кораблей. Для сравнения напомним вам, что русская армия под Полтавой насчитывала всего 42 тыс. человек, а русский флот на Балтике к концу Северной войны имел в своем составе 27—28 линейных кораблей⁵.

Невольно напрашивается вопрос: с кем же должны были сражаться столь значительные вооруженные силы? Быть может, с индейцами? Но аборигены не имели регулярной армии, а тем более флота. К тому же автор проекта рассматривал их как союзников, т. е. планировалось отправить в Европу 100-тысячную индейскую армию. Если же предполагаемыми противниками были европейцы, то зачем вести солдат-индейцев в Европу, а русских в американские тропики? И наконец, автор ничего не сказал о проблемах снабжения колониальной армии и флота, а они были явно нерешаемы. Одним словом, в проекте неизвестного голландца явственно различимы «белые нитки».

Другой проектер — Абрагам уверял россиян, что дары земли и недр американских без денег достать можно: корчевка тропического леса, посадка плантаций и уход за ними, а также сбор и обработка плодов будут производиться без всяких затрат.

Столь же «достоверны» и прочие детали абрагамовского проекта. Подумать только, в «ничейной» Америке (во владениях князя Юпитера Таривари) он ухитрился обнаружить кофейные бобы, какао, хлопок и пр. Господин проектер упустил из виду, что эти дары тропической флоры произрастают в Америке только на плантациях, которыми не могли владеть подданные туземного владыки. Следовательно, Абрагам мог видеть оные плоды лишь во владениях какой-либо европейской державы. Деталь

эта нимало его не смущала. Более того, отношения россиян с европейскими соседями в Америке он описывал как сплошную идиллию: гишпанцы, скучающие, по его убеждению, в своем заокеанском захолустье, будут только рады новым соседям, особенно таким, как россияне.

Господин д'Акоста также не усматривал в своем проекте причипы для международного конфликта. Более того, он уверял, что жители соседней гишпанской колонии к россиянам симпатию иметь будут, ведь тамошние власти зело обирают их высокими ценами на привозные товары. А в российских владениях товары те опи по сходной цене получить смогут. Да и инквизиции жестокой многие жители колонии той страшатся, а во владениях российских они и пожитки свои сохранят, и вольной совестью пользоваться будут.

Как видим, предусматривалось нарушение монополии колониальной торговли Испании и переманивание ее подданных в русские владения. И после всего этого господа прожекторы уповали на невмешательство и даже на доброжелательность Мадрида.

Надеюсь, вы согласитесь со мной, что они либо были дремучими невеждами в вопросах колониальной политики, либо рассчитывали на невежество тех, кому адресовывали свои проекты. Здесь, пожалуй, следует вспомнить, какими средствами утверждали свое господство в Новом Свете европейские колонизаторы. Вот вам несколько эпизодов...

В 1604 г. испанцы захватили два английских торговых корабля вблизи принадлежавших им Антильских островов. Всем пленным англичанам «благочестивые» католики отрубили ноги, руки, отрезали носы, уши, затем их обмазали медом и привязали к деревьям на съедение насекомым. (Кстати, между Англией и Испанией в то время был мир.)

В 1562 г. французы попробовали основать колонию во Флориде. Испанская эскадра незамедлительно доставила туда карательную экспедицию. Колонисты были зверски перебиты, а с их предводителя живьем содрали кожу и отправили сей «трофей» в Испанию. Деяния эти встретили полное одобрение в Мадриде⁶.

Само собой разумеется, что англичане и французы в долгу не остались. Что же касается аборигенов Америки, то было бы нелепо рассчитывать на их желание стать подданными какой-либо европейской державы. К тому же от карибов (карубов) осталось только название моря,

на берегах которого они в свое время имели несчастье проживать. А те, кому удалось уцелеть, имели основания ненавидеть и избегать белых пришельцев.

По описаниям д'Акосты, в бразильском городе Пернамбуку золото буквально валялось под ногами и его никто не добывал. Между тем в отдаленных районах континента добыча его велась. Делалось это по приказанию португальского короля и мотивировалось тем, что в Пернамбуку золото все равно никуда не денется, а в отдаленных районах оно может быть потеряно из-за мятежей аборигенов или нападения европейцев.

В ситуацию, при которой золото валяется на земле в населенных европейцами местах и его никто не добывает, трудно поверить, поскольку известно, что творили европейцы в золотоносных районах Америки.

Этот перечень фальсификаций и вздорных фантазий можно было бы и продолжить, но, считаю, в том нет необходимости. Надеюсь, вы согласитесь со мной, что причины краха проектов «Российской Вест-Индии» вполне закономерны.

Женя Кочергин молча поднял руки, демонстрируя тем самым свое согласие с выводами рассказчика, а я решил подбросить дровишек в костер дискуссии.

— Геннадий Васильевич, значит ли это, что все упомянутые вами прожектеры были мошенники?

Подумав немного, штурман ответил:

— Утверждать категорически «да» или «нет» я не могу. Возможно, что некоторые из них заблуждались, т. е. в какой-то степени сами являлись жертвами дезинформации. Прочие, несомненно, искали в правящих кругах Российской империи легковверных, неопытных людей, которым можно было морочить головы заманчивыми посулами. На что они рассчитывали?

Руперт Бек, неизвестный голландец и Симон Абрагам, очевидно, надеялись урвать кое-что от царских щедрот. Вспомним: «Потребуется 400 тыс. гульденов». Однако не исключено и то, что Абрагам имел несколько иные замыслы. Дело в том, что, побывав в Америке, он сменил голландскую службу на шведскую (сменил сам или его выгнали голландцы, история умалчивает). Затем господин Абрагам объявился в Стокгольме, вошел в доверие, стал «коммерции комиссаром» (экспертом по экономике) и предложил шведам создать колонию в Америке. Затея эта, судя по всему, кончилась крахом. Коммерции комиссар получил отставку, после чего предложил свои услуги России.

То, что этот авантюрист хотел нажиться в России путем эксплуатации той же вздорной идейки, очевидно. Однако не исключено, что он действовал по тайному заданию шведских властей. Швеция в то время носилась с идеей реванша — готовилась к новой войне с Россией. Надеясь посорить будущего противника с колониальными державами Европы, шведы подумывали создать антирусскую коалицию.

Что же касается прожекта д'Акосты, то он представлял собой целую серию политических провокаций. Начнем с того, что английским подданным в то время запрещалось создавать колонии для других держав. Учитывая это, д'Акоста предложил направить первый корабль в будущую колонию под русским флагом. После объявления указанной д'Акостой территории русскими владениями английская компания должна была получить привилегию на ее эксплуатацию. Таким образом, вся ярость Испании (или Португалии) фокусировалась бы не на Англии, а на России. Наивно также думать, что эта юридическая уловка связала бы руки английским властям.

И наконец, сколько бы ни клялся д'Акоста в верности России, его измена (причем в ближайшем будущем) была бы предрешена. Об этом, кстати, говорят и последующие действия господ учредителей компании. Джебтльмены эти решили, что вполне обойдутся без «цепных указаний» господина д'Акосты. Они самостоятельно снарядили экспедицию и приступили к делу, не дожидаясь королевского благословения. Вzbешенный д'Акоста объявил бывших компаньонов пиратами и рекомендовал россиянам послать корабль для уничтожения английской колонии, учрежденной без его согласия. Но к тому времени никто в Петербурге уже не принимал его всерьез.

Очередная пауза, сделанная штурманом, была заполнена чьей-то репликой: Невежество государственных мужей царской России в немалой степени способствовало этим прожектam. Бирон и прочие временщики не очень-то в них разбирались.

— Не следует судить людей XVIII в. с позиций века XX, — ответил штурман. — И психология людей того времени, и уровень их знаний отличались от наших. К тому же продолжалась эпоха Великих географических открытий. Европейцы просто не успевали осмыслить весь поток новой географической информации. При этом реальные или хотя бы правдоподобные объекты поиска перемешивались зачастую с заведомо фантастическими. Искал ведь

португалец на испанской службе Кирос остров, на который библейский царь Соломон посылал свой флот за золотом⁷. Несколько веков испанцы надеялись найти в дебрях Южной Америки богатую золотом страну Эльдorado.

На картах XVIII в. восточнее Курильских и южнее Алеутских островов были нанесены Земли Гамы, Иезо, Компании, Гога и Магога. По сведениям из «авторитетных источников», они изобиловали благородными металлами.

Немало авторитетов в Европе верили подобному вадору, а следовательно, нет ничего удивительного в том, что в Петербурге к упомянутым прожекам отпеслись, по крайней мере вначале, серьезнее, чем они того заслуживали. Стоит отметить и то, что в некоторых европейских столицах (особенно в Лондоне и Мадриде) слухи о возможности создания русской колонии в Южной Америке вызвали беспокойство. В связи с этим Каптемиру было предписано информировать правительство Англии и Испании о беспочвенности данных слухов. Однако иноземные «доброжелатели» России не ограничивали свои проекты островом Тобаго и Южной Америкой. Имелся еще один проект, но о нем речь пойдет как-нибудь в другое время.

Индоокеанская экспедиция Петра I

Когда мы правильно оцениваем нашу силу и совершенство, мы ясно видим, что мы должны делать для достижения нашей доброй цели. С другой стороны, зная наши недостатки и немощь, мы видим, чего должны избегать.

Б. Спиноза

На следующий день возможности Геннадия Васильевича и желания аудитории совпали.

— Предприятие, о котором я собираюсь вам рассказать, было секретным — так начал он свое повествование. — Причем дело не ограничилось кабинетными рассуждениями и канцелярской перепиской. Впрочем, не будем забегать вперед. Вспомним, в какой политической обстановке происходили события.

Итак, победный для России Ништадтский мирный договор положил конец Северной войне. Несколько ранее закончилась война за испанское наследство. Однако политической гармонией в Европе, как говорится, и не пахло. Причин для этого было много, но я останавлиюсь только на одной — на колониальных противоречиях великих держав. Суть их можно изложить следующим образом.

Обширные колонии Испании и Португалии возбуждали лютую зависть во многих столицах. Более того, особые права пиренейских держав на заокеанские земли, дарованные им еще папой Александром VI, прочие европейские державы (прежде всего Англия, Голландия, Франция) решительно не признавали. И дело было не в отсутствии подходящих юридических аргументов, а в очевидной неспособности пиренейских держав удержать все то, что открыли и завоевали Колумб, Васко да Гама, Кортес, Писарро, Магеллан, Альбукерке и др.

Кровопролитная война за раздел колоний продолжалась многие десятилетия, по существу, без всяких перемирий. Когда мир заключали правительства, борьбу продолжали пираты. А те, кто стоял у кормила государств

венной власти, нередко помогали им (естественно, неофициально). Весьма показательными для той эпохи были ситуации, когда испанский посол, заявляя решительный протест английскому монарху по поводу грабежа, учиненного его подданными в испанских владениях, в ответ слышал клятвенные уверения в том, что этот при- скорбный инцидент — следствие деяний преступных элементов, стоящих вне закона. Что же касается виновника дипломатического конфликта, то он не забывал от- считать своему августейшему покровителю и сообщнику его долю добычи. И уж само собой разумеется, королев- ской полиции «никак не удавалось» напасть на след дерз- кого пирата, хотя награбленное им испанское добро про- давалось на лондонских рынках совершенно открыто.

Ну а когда англиканская Великобритания находилась в состоянии войны с католической Испанией, «джентль- мены удачи» сбрасывали «фиговые листочки» конспира- ции. Здесь, пожалуй, целесообразно сделать некоторое пояснение. Я не случайно остановился именно на англи- чанах, описывая европейское пиратство. Дело в том, что сыны Альбиона особенно в нем преуспели. Объясняется это не врожденной склонностью последних к разбою, а ря- дом объективных факторов.

Прежде всего начиная с XVI в. в Англии происходил процесс сгона крестьян-арендаторов с земли. Ее владель- цы получали больший доход от пастбищ для овец, чем от папшен. Но безземельные крестьяне оказались при этом в бедственном положении. Колоний в то время Англия не имела (эмиграция практически исключалась), и бывшие земледельцы уходили в город. Часть из них становились рабочими, другие устраивались в сфере торговли или обслуживания, кое-кто пополнял ряды люмпен-пролетари- ев, а самые смелые, энергичные и здоровые шли в море. Ну а там обстоятельства и заразительный пример не од- ного из них приводили под черные знамена.

Под эти же знамена шли младшие сыновья англий- ских аристократов, не наследовавшие титулы и поместья своих родителей. Мораль той эпохи не осуждала пират- ство, особенно если его объектом становились враги на- ции (в данном случае паписты-испанцы). И если «джентльмен удачи» чтит бога и короля, не забывая инте- ресы последнего, он принимался в лучших домах Лондона как почетный гость.

О комплектовании команд пиратских кораблей позво- лю себе привести одну забавную подробность. Предводи-

тели «джентльменов удачи» старались не доверяться случаю, когда речь шла о подборе кадров, — с неизвестными бродягами дело иметь они не желали. «Соискателям вакансии» рекомендовалось предоставить соответствующие документы. Последние должны были подтверждать, что их владелец совершеннолетний (не моложе 18 лет), что он добрый христианин — верует в бога, как того требуют догмы англиканской церкви, и, наконец, что он известен своим добропорядочным поведением¹. Не подумайте, что это юмор. Именно добропорядочным поведением, без всяких кавычек, хотя под этим термином подразумевалось нечто специфическое, свойственное эпохе и среде. От будущего пирата требовались смелость в бою, повиновение старшим, честность при дележе добычи, а также наличие чувства долга и товарищества. Таким образом, в пираты шла дееспособная, инициативная и образованная часть английского общества, а не его отбросы, как это было в других странах.

С другой стороны, процветанию английского пиратства способствовали удобное географическое положение Англии (вблизи коммуникаций, связывавших Европу с обеими Индиями) и активная поддержка со стороны властей. Король и парламент в Лондоне не только закрывали глаза на заведомо уголовные деяния своих подданных, но и снабжали их всем необходимым.

Происходило все это примерно по следующей схеме. Предприимчивый джентльмен, обладающий необходимыми качествами и знаниями в области мореплавания, покупал за наличные или брал у казны в аренду корабль, а также пушки и другие виды вооружения вместе с соответствующими припасами. Одновременно он вербовал команду из числа себе подобных и, дождавшись благоприятного ветра, выходил в море. Достигнув испанских владений где-нибудь в Вест-Индии, пират грабил прибрежные селения и корабли. Крови при этом лилось немало, но вместе с ней в английские сундуки лился поток золота, драгоценных камней и прочих колониальных даров.

Возможно, у вас возник вопрос: почему испанцы не принимали меры по охране своего торгового судоходства? Кажется, чего тут сложного? Поставить на корабли пушки, разместить там отряды солдат, вооружить команды и положить тем самым копец пиратству. Но в том-то и дело, что меры эти, в принципе возможные, не могли найти широкого применения. Во-первых, корабли той эпохи были

небольшими по размерам и водоизмещению. А это значит, что артиллерия и солдаты на борту резко уменьшали грузоподъемность и скорость. К тому же солдат нужно было поить, кормить, им нужно было платить деньги, и пушки также даром не ставились. Короче говоря, судовладелец должен был выбирать: либо безопасность, либо выгода. А какой же смысл в торговле без выгоды?

Более рациональным средством защиты торгового мореплавания были конвои: торговые корабли совершали групповые переходы через Атлантику в охранении военных кораблей. Надо сказать, что к конвоям прибегали с глубокой древности вплоть до второй мировой войны. Однако даже в середине XX в. (для кораблей с механическими силовыми установками, оснащенных эффективными средствами судовождения) плавание в составе конвоя было сопряжено с известными трудностями, а в эпоху парусного флота эти трудности были столь велики, что вся система конвоев нередко теряла эффективность. Объясню вам это на примере.

Представьте себе, что в конце XVI в. из Вест-Индии в Испанию отправился конвой и мы имеем возможность наблюдать развитие событий. Итак, несколько десятков испанских галеонов идут на запад под охраной военных кораблей. Кажется, у испанцев нет повода для беспокойства. Проходят дни, недели, и ситуация начинает меняться. Дело в том, что мореходные качества у кораблей конвоя различные, а парусный маневр — вещь сложная и длительная. К тому же польза при каждом порыве ветра гонять матросов на мачты.

Короче говоря, ветры и течения растянули корабли конвоя на многие мили. Они идут не сомкнутой группой, оплывшейся пушками эскорта, а в виде растянувшейся, изогнутой, местами разорванной ленты. Иные корабли вообще исчезли за горизонтом. А пираты тут как тут. Их корабли хорошо вооружены, быстроходны, и, самое главное, они атакуют с наветренной стороны, т. е. имеют превосходство в маневре.

Немногие оказавшиеся на их пути корабли охранения связаны артиллерийским боем, а транспорты тем временем берутся на abordаж другими кораблями пиратской эскадры. С бессильной яростью наблюдают за всем этим на прочих кораблях конвоя. Испанцы не могут, точнее говоря, не успевают помешать нападению.

В ходе abordаж команд транспортов благоразумно не оказывают сопротивления. Ну а если кастильская гор-

досье побуждает кого-то взяться за оружие, палуба обогрета кровью. Исход абордажа в обоих случаях одинаков: колониальные грузы меняют своих владельцев, транспорт же приводится в непригодное для плавания состояние либо топится (в зависимости от настроения пиратов).

Разумеется, нападение на конвой не всегда проходило так гладко, т. е. пиратство было опасным занятием, связанным с риском утонуть в штормовом океане или повиснуть на рее (в случае встречи с сильнейшим противником), но игра стоила свеч. Так, например, о Фрэнсисе Дрейке рассказывают, что в ходе одного из своих пиратских рейдов по испанским колониям он приказал выбросить за борт часть награбленного золота, ибо корабль его оказался опасно перегруженным.

А теперь я должен остановиться еще на одной особенности пиратской тактики. Суть ее заключается в том, что «джентльмены удачи» не были привязаны к базам снабжения. Их корабли могли месяцами находиться в море и годами не заходить в портовые города. Проблема боеприпасов и продовольствия решалась за счет грабежа или торговли (имелись у пиратов свои торговые агенты). А когда возникала необходимость отремонтировать корабль (очистить днище от обрастаний), или реализовать награбленное, или просто отвести душу в кабаке, к услугам рыцарей черного флага были портовые города в английских колониях. Само собой разумеется, что последние входили в порт не под черным, а под государственным флагом. И если за ними не водились грешки (грабеж подданных его величества), власти «не замечали их».

Ну а если у какого-нибудь «джентльмена», как говорится, рыльце было в пуху и визит в Саванну или в Бостон был чреват крупными неприятностями со стороны королевских шерифов, он мог воспользоваться известной ему укромной бухтой на одном из островов Антильского архипелага. Там можно было и корабль отремонтировать, и с нужными людьми встретиться. А встречи эти были очень желательны, ведь для расширения дела (для нападения на конвой и на прибрежные города) требовалось объединение усилий — создание пиратских эскадр.

К тому же очень полезно было получить информацию об обстановке на театре (узнать, где можно пожить, а где и голову потерять). И наконец, следовало опять,

где действуют коллеги, чтобы не мешать им и не создавать пиратской уособицы.

Одним словом, «джентльмены удачи» стремились упорядочить свой промысел, и процесс этот временами приобретал некоторые черты государственных отношений. В районах наибольшей активности европейских пиратов возникали их корпорации. Последние имели свои законы (узаконенные обычаи), выборных предводителей, а также связи с европейскими негодьями и правительствами.

Судя по всему, именно эти пиратские объединения, например «Береговое братство», и породили слухи о пиратских государствах. Россияне узнали об одной из таких «держав» вскоре после окончания Северной войны, причем информация эта способствовала организации одной секретной экспедиции. Именно о ней и пойдет речь.

Начну с исторической справки. В 1506 г. португальский мореплаватель Лорензон Альмендог открыл в Индийском океане гигантский остров. Он назвал его Сен-Лоран и нанес на карту. Соотечественники Альмендог в те времена бредили сокровищами Индии и не проявили интереса к его открытию, зато им заинтересовались в Париже. Сен-Лоран был переименован в Дофинов остров и объявлен собственностью французской короны, затем французы начали превращать новую колонию в тропическую плантацию и базу на морских коммуникациях, связывающих Европу с Индией.

Что же касается аборигенов, то их безжалостно сгоняли с земли и превращали в рабов, а смиренные слуги божьи в рясах католических монахов обращали в истинную веру темпокожих язычников.

И плантаторы и миссионеры действовали с великим рвением. Первые обращали жизнь туземцев в ад, а вторые обещали им рай на небесах.

Такая ситуация имела место до 1670 г., когда лютая несправедливость к белым угнетателям и горький опыт прошлых выступлений против них позволили туземцам создать единый фронт и достаточно мощные силы. Они уничтожили французских захватчиков, после чего европейское проникновение на остров, получивший к тому времени название Мадагаскар, было временно приостановлено. Точнее говоря, европейское присутствие на острове сохранилось в виде пиратских баз в укромных бухтах восточного побережья.

Об этих индоокеанских пиратских «малинах» россияне были в общем-то наслышаны. Однако в конце 1723 г. царь Петр I узнал на сей счет нечто совершенно новое. Оказалось, что на Мадагаскаре существует пиратское королевство. Автором этой сенсации был вице-адмирал Вильстер. Бывший шведский подданный, эстонец по национальности, он объявился в Ревеле и заявил, что не является врагом России и имеет важное государственное дело к ее царю. Аудиенцию у Петра I он получил, после чего в Ревеле началась срочная подготовка к какому-то не просто секретному, а сверхсекретному вояжу. Лишь крайне ограниченный круг лиц знал, куда, когда, под чьим командованием и с какой целью фрегаты «Амстердам Галей» и «Декрон де Ливде» выйдут в море. В начале декабря того же года оба корабля подняли якоря и покинули Ревель. Однако штормовые повреждения, полученные в районе балтийских проливов, заставили их вернуться. Экспедиция была сначала отложена, а затем и вовсе отменена.

Со временем пелена секретности, скрывавшая это предприятие, спала, по некоторые его детали так и остались невыясненными, хотя прожект, которым Вильстер ухитрился было соблазнить Петра I, неоднократно привлекал внимание историков². Одним из них был некто И. Зейдель. В 1867 г. он опубликовал в журнале «Морской сборник» статью, в которой весьма путано изложил ход событий и еще более путано их подоплеку. К тому же господин Зейдель не блистал эрудицией, и все это заставляет весьма критически относиться к его сочинениям. Прочие же авторы ограничивались преимущественно констатацией фактов без должного их анализа.

Я лично не претендую на лавры первооткрывателя, но кое-какие заключения позволю себе дать. Начну с того, что, согласно описанию Зейделя, в начале XVIII в. в Стокгольме была получена петиция от индоокеанских пиратов шведского происхождения. Они испрашивали у властей амнистии и права на возвращение на родину. Король Карл XII с готовностью простил своих многогрешных подданных, а наследовавшая ему королева Ульрика подтвердила решение своего брата.

Решение это объяснялось, конечно, не христианским милосердием, а надеждой на то, что раскаявшиеся грешники вернутся на родину не с пустыми руками. Для шведской казны, истощенной войной, пиратская добыча

(ее казенная доля) была бы даром небес. Однако никаких последствий это высочайшее милосердие не породило, т. е. индоокеанские пираты в Стокгольме не объявились. Зато там возник проект создания шведской колонии на острове Мадагаскар. Из числа шведских подданных к нему были причастны командор Ульрих, вице-адмирал Вильстер и штатный секретарь министерства иностранных дел фон Гепкен.

Основным же действующим лицом в проекте был англичанин по имени Генри Морган, хотя он и действовал, так сказать, за кулисами. Именно он предложил организовать шведскую колонию на Мадагаскаре. Мало того, он вызвался финансировать ее организацию. Обращая ваше внимание на то, что эти заманчивые предложения были сделаны в письменном виде. Однако сам Морган в Стокгольме не показывался, а от его лица там действовал кто-то другой. Судя по всему, командор Ульрих.

Разумеется, у вас возник вопрос: а кто же он такой, этот таинственный Генри Морган — богач и радетель шведских интересов? У Зейделя сказано, что он был незнатного происхождения (выходец из крестьянской среды), в молодые годы ушел искать в море счастья под черными знаменами. Смелость, находчивость, умение ориентироваться в сложной обстановке, абсолютная свобода от каких-либо моральных догм и, наконец, удачливость помогли ему преуспеть на поприще морского разбоя. Когда же деяния Моргана стали вредить английским интересам, он был привлечен к судебной ответственности. Но «аргументы», которые пират извлекал из своих сундуков, были настолько «убедительны», что королевские судьи полностью оправдали его. Более того, Морган был принят на государственную службу и назначен губернатором острова Ямайка. На этом посту он заработал ненависть влиятельных лиц и был отозван в Англию, где ему снова пришлось «давать на лапу» представителям правосудия.

Свободу себе Морган обеспечил, но его пиратской карьере вблизи английских колоний (в Карибском море) пришел конец. Не желая расставаться с любимым занятием, он искал возможность продолжить его в Индийском океане, для чего решил обеспечить себе надежную базу на Мадагаскаре. Это, в свою очередь, требовало покровительства со стороны какого-либо сильного морского государства. Англия отпадала: с отечественными властями

у Моргана были натянутые отношения. Французы также исключались: они уже обожглись на Мадагаскаре. Испанцы и португальцы смотрели на Моргана как на пса чужака. Оставались Дания и Швеция (Россия, по тогдашним представлениям, еще не являлась морской державой).

Английский пират решил обратиться к шведам. Учтя ограниченные возможности шведской казны, опустошенной Северной войной, он предложил на свои средства снарядить 30 кораблей. Шведское же участие в предприятии предлагалось ограничить одним или двумя кораблями. Для большей убедительности Морган разыскал среди своих коллег (бывших подчиненных) две или три дюжины шведов и убедил их подписаться под прошением с просьбой о помиловании.

В Стокгольме сложилось впечатление, что на Мадагаскаре есть соотечественники, которые могут быть опорой в деле освоения этого острова. А тут еще Морган заявил, что европейские пираты на Мадагаскаре и тамошние аборигены желают стать шведскими подданными.

Все это сочеталось с обещаниями сказочных прибылей, и неудивительно, что королевские министры не устояли перед соблазном.

Затем проект организации шведской колонии на Мадагаскаре был утвержден в высочайших инстанциях, но к его реализации удалось приступить лишь в 1721 г., после окончания Северной войны. Доля государственного участия в предприятии была при этом увеличена. Морган должен был получить для своих кораблей шведскую артиллерию, продовольствие, людей, а также 30 капитанских дипломов без указания фамилий, т. е. ему давалось право подбора командных кадров экспедиции. И наконец, он назначался губернатором шведской колонии Мадагаскар. Ну а общее руководство всем предприятием возлагалось на капитана-командора шведского флота Карла Ульриха.

Специальная секретная инструкция предписывала ему организацию четкого взаимодействия с эскадрой Моргана, а так как последний находился в Лондоне, то Ульрих должен был отправиться туда инкогнито для установления негласного контакта с английским пиратом. Затем ему надлежало следовать на Мадагаскар для создания там колонии и приведения в шведское подданство тамошнего населения. Правда, реализовать этот проект не удалось: Морган к тому времени снова угодил в тюрьму,

в которой и умер. А без его участия затея стала нереальной.

Вот, собственно говоря, и все, что можно уяснить из статьи Зейделя. Как я уже отмечал, в пей имеется изрядная доля дезинформации. Так, например, английский пират Генри Морган действительно был из крестьян Уэльса. И то, что он отличался храбростью, дерзостью, находчивостью, изобретательностью, соответствует истине. И то, что он преуспел в морском разбое и достиг высоких почестей в своем отечестве, тоже совершеннейшая правда. Однако прочее, о чем говорится в статье Зейделя о карьере Моргана, — чистейший вымысел. В тюрьме он ни разу не сидел и вообще имел наилучшие отношения с отечественными властями, а свою карьеру закончил, будучи губернатором Ямайки. Там Морган и умер еще в XVII в. Наконец, историки обстоятельно описали его деяния, и среди них не числятся какие-либо подготовки к экспедициям в Индийский океан.

Таким образом, в проекте, адресованном Петру I, имела место мистификация, и автором ее был, очевидно, Вильстер. Во всяком случае, то, что он предлагал россиянам, являлось вариантом проекта, предложенного шведам от лица Моргана. Разница была в некоторых деталях. Причем объяснений на этот счет господин Вильстер не представил. В частности, на Мадагаскаре обнаружилось некое королевство. Владыка его искал европейского покровителя, и роль такого господина-проектера предлагал русскому царю.

Надо сказать, что Петр заинтересовался проектом Вильстера, в частности он пожелал ознакомиться с деталями шведской экспедиции на Мадагаскар. Тогда Вильстер посоветовал царю подкупить штатного секретаря министерства иностранных дел Швеции фон Гепкена, что, судя по всему, и было сделано — секретная инструкция командору Ульриху попала в руки Петра I. Ознакомившись с ее содержанием, он принял решение отправить в Индийский океан экспедицию, однако круг ее задач был расширен.

Во-первых, Вильстер должен был передать письмо Петра мадагаскарскому владыке и договориться с ним об установлении дипломатических и торговых отношений между двумя странами. Планировалась также организация мадагаскарской миссии в Петербург, желательно во главе с самим королем.

Во-вторых, Вильстер должен был следовать с Мадагаскара в Индию (в Бенгалию), дабы передать послание Петра I Великому Моголу, а также договориться об установлении дипломатических и торговых отношений между Индией и Россией.

Как видите, Петр I планировал экспедицию в Индийский океан не для колониальных захватов, а для расширения дипломатических и экономических контактов своей державы со странами Востока. А для того чтобы европейские недруги не ставили препоны задуманному, царь принял меры по обеспечению секретности. Прежде всего вице-адмирал Вильстер, хотя и был назначен начальником экспедиции, никакого участия в ее подготовке не принимал. Более того, его препроводили в Рогервик (впоследствии Балтийский порт), где до самого начала плавания он жил в доме коменданта в строжайшей изоляции, на положении узника.

С другой стороны, вся переписка, связанная с экспедицией, велась в походной канцелярии командующего русским флотом генерал-адмирала Ф. М. Апраксина (без привлечения сотрудников Адмиралтейств-коллегии и Коллегии иностранных дел). Таким образом, был сужен круг лиц, знающих детали предприятия. Кроме того, даже в секретных документах было сказано: «Следовать в назначенное вам место», т. е. пункт прибытия не доверялся бумаге.

Предписывалось также избегать оживленных морских дорог (идти не Ла-Маншем, а вокруг Англии и не под военным флагом, а под торговым). В случае же острой необходимости зайти в какой-либо заграничный порт (когда скрыть военное назначение кораблей будет невозможно) и поднять военный флаг, но не адмиральский, а капитанский. И наконец, командир одного из фрегатов капитан Мясной и помощник Вильстера капитан-поручик Киселев получили особые инструкции. Они являлись копиями инструкции, полученной Вильстером, но тот об этом ничего не знал.

Отсюда можно заключить, что Петр I, хотя и называл Вильстера «честным и высокоповеренным флагманом», стопроцентного доверия к бывшему шведскому подданному не испытывал. Негласный надзор за его деятельностью он поручил русским офицерам, а инструкции всем троим вручил в запечатанном виде. Вскрыть же их они должны были только в Северном море, когда всякая возможность разглашения секрета будет утеряна. Согласи-

тес, что меры обеспечения секретности русской Индо-океанской экспедиции были неплохо продуманы.

Когда эскадра Вильстера вернулась в Ревель, царь был огорчен, но от своего решения не отказался. Корабли экспедиции по просьбе Вильстера были заменены фрегатами «Принц Евгений» и «Крюйсер». Однако в навигации 1724 г. они плавали совершенно с другими целями, т. е. экспедиция была отменена.

Здесь Геннадий Васильевич прервал свое повествование и обратился к слушателям с вопросом: как они объясняют причины отказа от экспедиции в Индийский океан?

Всех нас вопрос этот озадачил. Молчание в кают-компании становилось тягостным, и я решил высказать хоть какую-нибудь гипотезу, не утруждая себя особо анализом ее правдоподобности.

— Геннадий Васильевич, по-моему, для русского флота в Петровскую эпоху подобный вояж был слишком сложен: Россия не имела необходимых для этого людей и кораблей.

Ответ штурмана для меня был несколько неожиданным.

— Ваша точка зрения, Михаил Валентинович, совпадает с мнением видного историкографа русского флота Ф. Ф. Веселаго. Он считал, что «техническая сторона юного флота находилась далеко не в таком состоянии, при котором возможно было осуществление подобного колоссального предприятия. Кроме того, усилению неудачи способствовал и дурпой выбор судов и страшная спешность их приготовления»³.

Тот факт, что Вильстер после возвращения в Ревель просил Петра I заменить корабли его эскадры, подтверждает мысль Веселаго об ошибке в выборе кораблей (в спешке). Но ссылка его на техническую слабость русского флота как на причину срыва экспедиции выглядит все же неубедительно. В техническом отношении русский флот в последние годы царствования Петра стоял достаточно высоко. Во Франции, например, обсуждался вопрос о возможности закупки в России военных кораблей. Английские специалисты также давали высокую оценку продукции русских верфей⁴. И наконец, профессиональная подготовка русских моряков соответствовала требованиям мореплавания этой эпохи. Правда, опыта дальних плаваний россияне не имели, но под андреевским флагом служило немало опытных иностранцев, т. е. из-

вестные трудности с кадрами все же не смогли сорвать экспедицию.

Истинные препятствия заключались в другом. Начну с того, что на Мадагаскаре в то время не было никакого государства, а тем более короля из европейцев. Следовательно, устанавливать дипломатические отношения было не с кем. Русская коммерция на острове также была невозможной. У европейских пиратов были свои клиенты, да и возможность контактов с ними была очень проблематичной.

Что же касается аборигенов, то французы надолго привили им ненависть ко всем белым людям. К тому же они вряд ли смогли бы представить для обмена что-либо достойное внимания (даже если бы россиянам и удалось вступить с ними в контакт). И наконец, всякое проникновение русских купцов на Мадагаскар вызвало бы противодействие европейских колониальных держав (прежде всего Франции). Дело в том, что от мысли овладеть Мадагаскаром французы не отказались. Они обосновались поблизости, на Сейшельских островах, и, без всякого сомнения, русское начинание вызвало бы у них активное противодействие. Не менее враждебной была бы реакция Англии. Ведь англо-русские отношения в те времена были далеко не дружественными.

Таким образом, вся мадагаскарская часть проекта не что иное, как следствие дезинформации. Что же касается автора этой затеи, то я затрудняюсь давать ему категорическую характеристику. Возможно, Вильстер — провокатор, посланный в Россию с целью втянуть ее в конфликт с колониальными державами Европы. Возможно, он простодушный и малоосведомленный моряк, стремившийся протолкнуть, хотя бы и нечистыми методами, проект, в целесообразность и реальность которого искренне верил.

Из того, что писал о Вильстере Зейдель, можно уяснить только то, что он был храбр, в ходе Северной войны отличился в боевых действиях против датчан, а в конце войны находился в конфликтных отношениях со своим командованием. Согласитесь, это слишком мало для того, чтобы делать какие-либо заключения об истинных плапах вице-адмирала Вильстера. Категорически можно утверждать лишь то, что он был авантюрист, и то, что проект, в котором он был замешан, являлся авантюрой как для Швеции, так и для России.

А теперь перейдем к индийской части Индоокеанской

экспедиции Петра I. Даю еще одну историческую справку. После крестовых походов состоятельные западноевропейцы возымели страсть к восточным пряностям, а также к предметам роскоши, которые производились большей частью в Индии. В течение нескольких веков держалась мода на индийские ткани, причем цена на них была такова, что даже в XVIII в. английские фабриканты требовали введения запретительных пошлин на ввоз в страну продукции индийских кустарей⁵. Перед изделиями индийских ювелиров блекли творения самого Бенvenuto Челлини.

Индийские товары со временем стали неременной принадлежностью рынков Европы, и торговля ими сделала процветающим не одно коммерческое предприятие. Однако все это будет позже, а поначалу товары из Индии поступали к европейцам в ограниченном количестве, пройдя через многие руки. И разумеется, каждая из них урывала для себя часть конечной цены товара. Например, безвестный индийский мастер (скорее всего, из кашмирской деревушки) создавал поразительную по красоте ткань. Местный купец скупал ее за гроши и продавал на рынке Калькутты арабскому коллеге. Тот перевозил индийскую ткань через Бенгальский залив и Красное море в Александрию, где ее приобретал египетский купец, с тем чтобы перепродать венецианцам. От них ткань поступала на склады крупных оптовиков Западной Европы, которые, в свою очередь, сбывали продукцию индийских кустарей торговцам помельче. Именно они и развозили ткани, ювелирные изделия и, конечно, пряности по городам и рыцарским замкам.

К концу XV в. европейская торговля с Индией еще более осложнилась. Турки, захватившие Северную Африку, стали брать с купцов поистине грабительские пошлины, а корсаров развелось так много и они настолько преуспели в своем ремесле, что всякое мореплавание на востоке Средиземноморья нередко вообще прекращалось. Одним словом, возникла острая необходимость найти какой-либо иной путь в Индию.

Надо сказать, что к тому времени европейцам были созданы и освоены новые типы парусных судов (каравеллы, каракки, галеоты), использовавших ветры разных направлений.

Все это позволяло мореходам совершать дальние океанские вояжи, т. е. были созданы технические предпосылки для поиска нового пути в Индию. А теоретиче-

ские предпосылки содержались в трудах ученых-географов. Суть их сводилась к тому, что Индии можно достичь, огибая Африку с юга. Задача эта казалась не такой уж сложной. О размерах нашей планеты и о конфигурации ее материков европейцы имели в то время весьма смутное представление. Африка, в частности, представлялась им в виде некоего полуострова (сравнительно неширокого и не очень длинного).

В силу ряда причин морской путь в заманчивую Индию первыми проложили португальцы (разумеется, им пришлось при этом углублять свои географические познания). В 1498 г. экспедиция Васко да Гамы достигла индийского города Калькутты, после чего настала пора расцвета Португальской колониальной империи — страны смелых мореходов, предприимчивых купцов и колонизаторов. На первых порах португальцы мирно торговали. Однако поведение их резко изменилось, когда они создали в Индии свои фактории и уяснили, что богатейшая страна не имеет армии и флота, способных защитить ее. Более того, само понятие «Империя Великого Могола» было в то время весьма эфемерно, ибо единого государства на территории Индостана не существовало.

Стоит ли удивляться тому, что сравнительно небольшие отряды португальцев закреплялись в ключевых районах Индостана, где вели торговлю, весьма похожую на грабеж.

Разумеется, немало голов в Лондоне, Париже, Мадриде, Амстердаме задумывались над тем, а нельзя ли наладить собственную торговлю с Индией. В среде европейских географов и мореплавателей возникла идея найти иной (не португальский) путь в Индию. Так, Христофор Колумб, следуя в Индию курсом на запад, открыл, сам того не создавая, континент, неизвестный его современникам.

Когда же европейцы осознали это, поиски западного пути в Индию были продолжены. Фернан Магеллан, в частности, пытался дойти до нее, обогнув открытый Колумбом материк. Чем это закончилось, вы знаете. Затем отец и сын Каботы (итальянцы на английской службе) пытались достичь Индии, огибая Америку с севера. Это привело к открытию Ньюфаундленда и Лабрадора. И наконец, свой оригинальный план достижения Индии предложил француз Жан Анго: из Европы курсом на восток вокруг Сибири. Реализацией же этого плана первым занялся англичанин Джон Уиллоби. В ходе экспеди-

ции сам он погиб, а его помощник Ричард Чепслер достиг русских владений в Белом море. Но от Архангельска до Индии было далеко, а попытки прочих европейских мореплавателей пройти далее на восток Северным Ледовитым океаном копчались неудачей. Разумеется, Индии можно было достичь и по маршруту Афанасия Никитина — тверского купца, еще в XV в. совершившего «хождение за три моря». Но путь этот, в значительной степени сухопутный, означал опять-таки транзитную торговлю. К тому же португальцы быстро изгнали арабские суда из Бенгальского залива.

Как видим, Индия продолжала манить к себе взоры негоциантов, мореходов и политиков Европы. Маленькая Португалия, в экономике которой ведущее место принадлежало торговле, а не промышленности, не смогла сохранить свою монополию на индийскую торговлю. В XVII в. у берегов Индостана начали появляться корабли других европейских держав, а в XVIII в. борьбу за ключевые позиции в этой стране вели между собой уже Англия и Франция. Португалия сохранила к тому времени лишь крохи своих былых владений.

А теперь вернемся к теме моего повествования — к идее Петра I наладить политико-экономические контакты России с Индией. Надеюсь, вы уяснили из вышесказанного, что попытка реализации этого замысла встретила бы активное противодействие со стороны правящих кругов Лондона, Парижа, Лиссабона. Более того, есть основания предполагать, что дело могло дойти до применения оружия. Добавьте к этому пиратов различных рас и национальностей, европейскую конкуренцию на индийских рынках, а также непомерные транспортные расходы, и бесперспективность морской русско-индийской торговли станет очевидной.

Как видим, замысел экспедиции был переосмыслен с политической и экономической точек зрения. И Петр I со временем осознал это. В немалой степени изменению царских планов способствовала информация, полученная из зарубежных источников. Так, в 1724 г. в Ревеле объявился вышеупомянутый командор Ульрих (как и Вильстер, он решил сменить подданство). О своей службе под шведскими знаменами командор рассказал весьма подробно. Поведал он, в частности, об экспедиции на Мадагаскар в 1722 г. и о ее бесславном завершении.

Судя по всему, эта информация повлияла на решение Петра I. Вот, пожалуй, и все, что мне известно о планах

русской экспедиции в Индийский океан в первой половине XVIII в.

Присутствующие пачалл было благодарить Генпадия Васильевича за интересный рассказ, но тут не помню кто именно задал вопрос: правда ли, что в XVIII в. группа русских каторжников бежала с Камчатки на Мадагаскар и пыталась создать там государство социальной справедливости?

— С одинаковой убежденностью можно сказать, что это было и что этого не было,— ответил штурман после короткого раздумья. Но это, собственно говоря, уже другая история.

Присутствующие дружно изъявили желание услышать ее, и Геннадий Васильевич рассказал нам, как во времена царствования Екатерины II произошло бегство с Камчатки группы политических ссыльных. Возглавлял это предприятие барон Мориц Аладар де Бенев — венгр по национальности, австриец по подданству, авантюрист по натуре.

С другой стороны, он был во многих отношениях незаурядной личностью, в частности талантливым организатором, обладающим к тому же способностями лидера.

Родовые владения и пределы отечества барону пришлось покинуть из-за конфликта с родственниками, припавшего, судя по всему, криминальный характер. Он перешел польскую границу и предложил свои услуги польским конфедератам, которые вели боевые действия с русскими войсками. Предложение было принято, и Бенев превратился в Беневского.

Служба его под польскими знаменами очень скоро закончилась русским пленом. Однако красноречие и находчивость помогли ему выпутаться из опасной ситуации. Свое пребывание на польской территории венгерский аристократ объяснил столь невинно и убедительно, что его отпустили на свободу «под честное слово». Обещание не поднимать оружия против России Беневский немедленно нарушил и через год снова вынужден был сдать саблю русскому офицеру.

Не имея сведений, был ли он опознан, или его участие в делах конфедератов было слишком заметным. Возможно, имело место и то и другое, и все это привело к ссылке в Казань. Очевидно же, от кого зависела судьба барона Бенева (Беневского), надеялись, что в России он одумается и угомопится.

Увы, эти должностные лица явно не учли особенностей данной натуры. Ссылный конфедерат бежал из места, ему предназначенного, в Петербург, откуда намеревался покинуть Россию морем. В силу ряда причин он был схвачен по дороге, после чего в Петербурге решили, что столь активному и коварному врагу место на Камчатке.

В те времена эта отдаленнейшая окраина Российской империи служила местом ссылки «отпетых голов». Однако Бенеvский не пал духом и не смирился под ударами судьбы. Он активно изучал обстановку, знакомился с людьми, устанавливал полезные контакты, изучал русский язык, причем в последнем, судя по всему, преуспел. Во всяком случае, к моменту прибытия на Камчатку он уже достаточно хорошо мог объясняться по-русски. (Об этом говорит та роль, которую он сыграл в последующих событиях.)

Столь же успешно Бенеvский разобрался в антиправительственной оппозиции. Суть ее заключалась в отрицании частью российского дворянства законности царствования императрицы при наличии совершеннолетнего наследника престола.

Эта «салопная» оппозиция носила в общем-то характер фронды, и Екатерина II без особого труда ликвидировала ее: одних купила чинами и крепостными душами (туманные обещания об освобождении которых она быстро забыла), других отправила — кого в деревни, кого в тюрьмы, кого в отдаленные уголки своей обширной империи, в частности на Камчатку.

Надо сказать, что ссылные камчадалы были относительно свободны, т. е. могли встречаться втайне от коменданта Большерецкого острога. А он, кстати, и не стремился быть цербером для своих поднадзорных. Более того, капитан Нилов «пил горькую» и к служебным обязанностям относился «зело нерадиво». Поэтому ссылным Большерецкого острога охраной скорее были отдаленность края да суровая природа.

Среди ссылных были дворяне и простолюдины, сторонники свергнутой Анны Леопольдовны и участники заговора с целью освобождения Ивана Антоновича (шлисельбургского принца-узника), а вместе с Бенеvским туда была доставлена группа офицеров гвардии, которые считали Екатерину II узурпаторшей.

Оторванные от родных мест и людей, лишенные привычного образа жизни и положения в обществе, прпнуж-

даемые к тяжелому физическому труду, они, конечно, страдали (духовно и физически) и, разумеется, надеялись: а вдруг в Петербурге верх возьмет кто-то другой, а вдруг всемогущий господь «призовет к себе» треклятую узурпаторшу или (чего на свете не бывает) пробудит у нее совесть. И ссыльные Большерецка ждали, ждали, ждали.

Так продолжалось до тех пор, пока в их среде не появился этаким сорви-голова иноземных кровей, находчивый, энергичный, красноречивый. На черную работу он не пошел, а устроился домашним учителем сына коменданта острога, получив тем самым возможность познакомиться с камчатскими проблемами и должностными лицами поближе. Затем Беневский установил контакты с другими ссыльными, после чего разработал план их освобождения, несомненно рискованный, но ему-то нечего было терять. Суть задуманного сводилась к тому, что бывший польский конфедерат «надел политическую личину». Он объявил товарищам по ссылке, что пострадал за сына императрицы Павла Петровича, несправедливо лишённого матерью престола. Мало того, он имел поручение от царевича: просить для последнего руки дочери австрийского императора. В подтверждение этому Беневский демонстрировал ссыльным бархатный конверт, скрепленный якобы личной печатью Павла Петровича, с его письмом на имя австрийского императора.

По уверению барона, миссия его была сорвана в результате незаконных действий недругов цесаревича, но, если ее все же удастся довести до конца, в России многое может измениться. Тем самым «доверенное лицо престолонаследника» не только зародило надежду в истрадавшихся душах, но и заставило смотреть на себя как на мессию.

Оставалось только найти способ бегства, и тут произошло счастливое стечение обстоятельств. Во-первых, Беневский узнал, что в Челавинской гавани (недалеко от Большерецка) готовится очередная морская экспедиция в Русскую Америку. Во-вторых, в Большерецке произошел конфликт. Дело в том, что один из местных богатеев, пользуясь поддержкой коменданта, зверской эксплуатацией аборигенов края и русских ссыльных довел их до отчаяния. Произвол этот вызвал волнения, и комендант приказал арестовать смутьянов. Правда, сил, имевшихся в его распоряжении, для подавления бунта было явно недостаточно, да и отсутствие оперативной связи с центром

он не учел, а главное, не знал того, что против него действует энергичная, смелая личность, способная убеждать и вести за собой массы. Одним словом, произошло вооруженное выступление ссыльных Большерецкого острога, в ходе которого комендант был убит, а Мориц Беневский занял его место.

Здесь, пожалуй, уместно сделать отступление. Кажется, ни одна страна в мире не имела столько самозванцев, сколько Россия. И было бы неправильно думать, что они обманывали только темных людей. Им верили (иногда делали вид, что верят) даже представители привилегированных классов, особенно если эти самозванцы действовали им на руку. И в то, что барон Беневский именно тот человек, за которого он себя выдает, очевидно, верили не все ссыльные Большерецкого острога. Но человек в беде пойдет на многое во имя надежды, хотя бы и призрачной. Казаки же Большерецкого гарнизона, будучи в большинстве своем неграмотными и лишенными достоверной информации о положении дел в столице империи, также оказались загипнотизированными страстными призывами и радужными посулами Морица Беневского. Именно поэтому весь гарнизон и все ссыльные Большерецка были приведены к присяге «законному государю» Павлу Петровичу.

Затем в Челавинской гавани повстанцы захватили галеот «Святой Петр», экипаж которого также не устоял перед чарами Беневского. На береговых складах были обнаружены запасы продовольствия, пороха и всего необходимого для плавания. Таким образом, дорога к бегству была в общем-то открыта. Новый комендант Большерецка деятельно готовился к будущим испытаниям, и в частности, весьма предусмотрительно провернул одну политическую акцию. Суть ее заключалась в следующем.

Участникам выступления было предложено называть себя «Собранная компания для имени его императорского величества Павла Петровича». Короче говоря, антиправительственное выступление прикрывалось авторитетом августейшего лица.

Затем было составлено «Объявление сенату». В этом обличительном для Екатерины II и оправдательном для самих себя документе члены «Собранной компании» утверждали, что цесаревич незаконно лишается престола, что вмешательство в польские дела разоряет Россию и выгодно только Понятовскому (фавориту Екатерины II), что система винных и соляных откупов разоряет

многих и обогащает немногих и т. д. Одним словом, все в России плохо, и «Собранная компания», следовательно, не какие-то там пугачевцы, а патриоты, болеющие за законность и процветание отечества.

Учитывая классовый состав повстанческой верхушки, можно сказать, что этот документ был изрядно пропитан дворянской демагогией и истинной целью его была не забота о благе общества, а круговая порука. Подписав это дерзкое обличение царствующей императрицы, участники выступления отрезали себе дорогу к отступлению, т. е. становились вольными или невольными соучастниками всего того, что намеревался совершить их руководитель Беневский.

Одновременно с этой морально-политической подготовкой была проведена и материальная: галеот был вооружен, загружен необходимыми припасами. Летом 1774 г., когда все приготовления были закончены, а море очистилось ото льда, «Святой Петр» вышел в море.

Покинуть пределы России и идти в Европу, чтобы отсюда добиваться справедливости, — ничего другого Беневский не мог предложить своим сподвижникам. Куда именно идти, от кого ждать помощи, в какой форме она будет оказана и каких конкретно целей они будут добиваться — все это, судя по всему, было достаточно неопределенно. Но и сама Европа была очень и очень далеко, т. е. до нее еще нужно было добраться. На повестке же дня стояли проблемы технического, кадрового и политического характера.

Прежде всего на галеоте не было карт для плавания в трех океанах и штурман. не имел необходимого опыта.

Кроме того, в распоряжении восставших вряд ли были сколь-либо значительные суммы в иностранной валюте. Отсюда возникала проблема: как рассчитываться с поставщиками продовольствия в портах и не сочтут ли тамошние власти, что перед ними бунтовщики? Но, как уже отмечалось, мосты были сожжены.

Погода в целом благоприятствовала россиянам, однако попытка пополнить запасы на встречах островах положительных результатов не принесла. Японские власти, в частности, не пустили их на берег и отказались от переговоров. Более того, они даже пытались арестовать «Святого Петра», и только угроза применения артиллерии обеспечила свободу камчатским беглецам. На Тайване обстановка сложилась еще хуже. Дело в том, что аборигены островов Тихого океана к тому времени

уже убедились, какие беды приносят белые люди, приплывающие на кораблях, и люто их возненавидели. Вследствие этого происходили вооруженные столкновения россиян с туземцами, сопровождаемые потерями с обеих сторон. Запасы удалось пополнить только в Макао (португальской колонии на территории Китая), где россияне установили контакты с колониальными властями. А далее произошло в общем-то неизбежное — политическая организация камчатских ссыльных распалась. Однако, прежде чем переходить к описанию всего, что случилось в Макао, вспомним, в каких условиях происходило плавание на «Святом Петре».

Начнем с того, что галеот не был рассчитан на столь продолжительный вояж. К тому же он был явно перегружен. А если добавить к этому скудное однообразное питание, изнуряющую качку и тропическую жару — станет ясно, сколь мучительно было это путешествие. Нет ничего удивительного и в том, что со временем в среде повстанцев возникли подозрения относительно Беневского (действительно ли он персона, приближенная к особе престолонаследника, и вообще насколько реальны его проекты?). Сомнения эти, возможно, переросли бы в бунт, если бы Беневский, предупрежденный доброжелателями, не принял соответствующие меры. Представители оппозиции были высажены на берег с запасом продовольствия, что помогло им благополучно вернуться на Камчатку.

Однако данная радикальная мера не изменила в целом психологический климат на борту галеота, и Беневский наверняка сознавал это. А впереди были еще два океана и приличный отрезок третьего. К тому же камчатские запасы кончились, а пополнение их оказалось трудной проблемой. И наконец, штурман «Святого Петра» оказался в числе оппозиции.

Учитывая все эти трудности, Беневский решил продать галеот и продолжить плавание в Европу в качестве пассажиров. Очевидно, это решение не встретило возражения со стороны его спутников. Протест вызвала его очередная политическая метаморфоза — Мориц Беневский объявил губернатору Макао, что он является австрийским подданным, католиком по вероисповеданию. Своим русским спутникам он приказал последовать его примеру. Надо сказать, что это решение Беневского было вполне резонным и даже оправданным. Ведь губернатор Макао, узнай он, с кем имеет дело, мог стать на пози-

цию официальной законности: заковать в кандалы бунтовщиков и отправить их в трюме какого-нибудь корабля в распоряжение российской императрицы.

С другой стороны, католику-португальцу нужды единоверцев-австрийцев были, несомненно, ближе, чем нужды «схизматов»-россиян.

Однако в стапе новой оппозиции из-за мапевра Беневского начался раскол: одни подчинились приказу, другие категорически отказались признать себя католиками и австрийскими подданными. Вот тут-то Беневский и показал, па что он способен. Губернатору Макао было представлено сообщение (правильнее было бы назвать его доносом), из которого следовало, что группа русских людей из числа тех, кто прибыл в Макао на галеоте «Святой Петр», планирует захват колонии. Опровергнуть эту клевету члены оппозиции не могли прежде всего потому, что только Беневский мог говорить с губернатором (оба они знали латынь), т. е. языковой барьер и дипломатические способности делали начальника экспедиции камчатских ссыльных хозяином положения.

В итоге новая оппозиция угодила в португальские застенки. Причем Беневский обещал ее членам освобождение, если они в письменной форме пообещают ему верность и послушание. Тяжелейшие условия содержания в португальской тюрьме, непривычный климат и перенесенные тяготы свели в могилу часть камчатских беглецов, остальные решили покориться. Сам же Беневский и его спутники, похоже, успели изрядно надоесть португальцам, и те искали способы избавиться от беспокойных гостей. Во всяком случае, им была предоставлена возможность отбыть в Европу на зафрахтованных кораблях.

Во Франции пути участников экспедиции окончательно разошлись. Беневский с немногими русскими спутниками отправился в Париж с предложением завоевать Тайвань для французской короны. Остальные тоже двинулись в столицу Франции, но с иными целями. Пешком и наверняка без денег добрались они до русского посольства и поведали там столь драматическую историю своего странствия, что Екатерина II на их просьбу вернуться на родину наложила резолюцию: «Своими муками беглецы с Камчатки сами себя наказали, пускай возвращаются».

Что же касается Беневского, то он предстал со своим прожектом перед соответствующими инстанциями, но поддержки не получил. Точнее говоря, от них он услы-

шал контрпредложение: основать на Мадагаскаре факторию (как базу для дальнейшей колонизации острова). Беневский согласился и с жаром принялся за дело. Была организована морская экспедиция, целью которой являлось создание небольшой фактории на Мадагаскаре. К тому времени бывший барон австрийской империи, бывший польский конфедерат, бывший приближенный русского престолонаследника, бывший руководитель камчатских повстанцев решил стать владыкой Мадагаскара.

Узнав его намерения, французы нашли способ избавиться от непомерно честолюбивого авантюриста. Был организован заговор, в результате которого барон Мориц Аладар де Бенев был убит.

Американская негоциация вятского купца

Статую красит вид,
а человека — деяние его.

Пифагор

Как-то раз после очередного прослушивания по радио политических новостей в кают-компанию нашего корабля зашла речь о том, с чего началась американская государственность, каков был характер на первых порах экономических отношений Соединенных Штатов с Западной Европой и Россией.

Геннадий Васильевич Соловьев бросил при этом реплику насчет того, что американцы проявляли в свое время инициативу в деле установления дипломатических отношений с Россией, а попытка одного русского купца организовать русско-американскую торговлю встретила у них живейший интерес. Присутствующие заинтересовались подробностями, и штурман рассказал нам историю, как он выразился, «американской негоциации вятского купца». Представляю ее вниманию читателя в том виде, в котором она сохранилась в моей памяти.

Русское купечество можно было делить не только на гильдии. Были в его среде Разуваевы и Дикие — бессердечные обиралы и невежественные стяжатели; были Шелиховы и Третьяковы — предприимчивые коммерсанты, меценаты и патриоты. К категории последних стоит отнести и Ксенофонта Алексеевича Анфилатова. Родился он в 1761 г. в небогатой купеческой семье и значительную часть жизни провел в городе Слободском (Вятская губерния). Образование молодой Ксенофонт получил обычное для детей своего века и сословия. Азбука, счет, письмо, чтение — вот, пожалуй и все науки, которые вятские просветители (священники, отставные солдаты, мелкие чиновники) преподавали местному юношеству. Однако природный ум, любознательность и трудолюбие позволили Анфилатову накопить запас знаний, выделявших его из среды провинциального русского купечества.

Коммерческая и общественная деятельность Ксено-

фонта Алексеевича началась довольно успешно. Был он учредителем и участником торгово-промышленных обществ, строил богоугодные заведения, избирался па общественные должности, основал один из первых в России общественных городских банков, имел солидную клиентуру (в том числе и за рубежом), ворочал большими капиталами — одним словом, некоторое время преуспевал.

Примечательно, что его начинания отличались профессиональной смелостью, новизной и оригинальностью замысла и пользу несли не только самому Анфилову, но и его согражданам. Заразительный, казалось бы, пример коллег-современников не побуждал его жертвовать совестью во имя корысти. И в том, что конец коммерческой деятельности Анфилова был печален, есть своя закономерность. К 1812 г. он разорился и в 1820 г. умер всеми забытый¹. Жизнь и деятельность этого человека сами по себе достойны описания, но я остановлюсь лишь на одном его предприятии, и начать мне придется с небольшой исторической справки.

В 1776 г. в результате борьбы американских колонистов против английского господства на политической карте мира появилось новое независимое государство — Северо-Американские Соединенные Штаты. Отдавая должное мужеству американских борцов за свободу и организаторским способностям генерала Вашингтона, все же следует признать, что их победа в значительной степени была обусловлена тремя внешними факторами: во-первых, военными действиями, которые Британская империя вынуждена была вести в Европе и Азии (особо следует отметить борьбу народов Индии против английских колонизаторов); во-вторых, разносторонней и обширной по масштабам помощи со стороны Франции; в-третьих, той позицией, которую заняла в американо-английском конфликте Россия.

Екатерина II отказалась предоставить Англии русских солдат для борьбы с восставшими колониями. Объясняется это обострением англо-русских противоречий, имевших место в то время. Более того, Россия оказала США существенную помощь, провозгласив Декларацию о вооруженном нейтралитете.

Здесь я сделаю отступление и напому вам о романе Лиона Фейхтвангера «Лисы в винограднике». Основная тема его — деятельность французского драматурга Бомарше и американского ученого и дипломата Франклина по обеспечению французской помощи Соединенным Штатам.

Деятельность эта была весьма успешной, и результаты ее заметно повлияли на развитие событий за океаном. Все это так. Однако ни Фейхтвангер, ни современные американские историки не показали своим читателям, почему могущественный английский флот (а Англия была в то время первой морской державой в мире) не смог помешать переброске военных грузов из Франции в Америку.

А объясняется этот парадокс именно вышеупомянутой декларацией. Сущность ее сводилась к провозглашению не только нейтралитета, но и права на свободную торговлю с обеими воюющими сторонами, т. е. Россия отвергла блокаду Англией Соединенных Штатов и грозила применением силы в случае противодействия ее торговому мореплаванию. Позднее явно под влиянием русского демарша к этой декларации присоединились ряд других государств Европы. Как видим, сформировалось что-то вроде антианглийского блока. Ведущая роль в нем принадлежала, конечно, России. Именно угроза иметь дело с русским флотом заставила Лондон лишь пассивно наблюдать за потоком транспортов, следовавших в восставшие колонии с грузом военного снаряжения.

Стоит отметить и то, что значительная часть французских грузов в Соединенные Штаты направлялась на транспортех под русским флагом. Отправители грузов считали его самым безопасным для подобной цели. И наконец, в числе этих грузов были товары русского происхождения (железо, парусина и т. д.)².

Как видим, Россия оказала Соединенным Штатам немалую услугу в трудный для них период. Американцы, как известно, добились независимости, однако англичане не оставили мысли о реванше. Обстановка, сложившаяся в мире к началу XIX в., как будто этому благоприятствовала: франко-американский союз канул в Лету, в Канаде стояли английские войска, господство Англии на море также было очевидным. Одним словом, независимость молодого государства была под угрозой. Сознывая все это, правительство Соединенных Штатов обращало свои взоры к Европе в поисках союзников или хотя бы дружественных нейтралов. И нет ничего удивительного в том, что с особой надеждой в Вашингтоне поглядывали в сторону Петербурга. Конфликтные отношения Англии с Россией были известны, и о «вооруженном нейтралитете» американцы еще не успели забыть. Вот и решили государственные мужи заокеанской республики отправить миссию в Петербург с целью установления дипломатиче-

ских отношений, очевидно действуя по принципу: враг моего врага — мой друг.

Послом в России континентальный конгресс назначил Фрэнсиса Дейна, а секретарем и переводчиком у него был Джон Адамс — будущий президент Соединенных Штатов. Надо сказать, что господа конгрессмены несколько поторопились со своей «нерегулярной» дипломатией (назначили посла без согласия на то русского правительства), но, главное, они не учли политических взглядов и симпатий Екатерины II. Конечно, самодержица всероссийская имела основания ненавидеть английское правительство, т. е. политические подпожки премьеру Британской империи Вильяму Питту она ставила с великим удовольствием. Но вступать в союз с мятежными подданными государя брата своего Георга III — это уж слишком! Принимать посла бунтовщиков, у которых парижские цареубийцы списали свою богомерзкую Декларацию прав, как можно! Здесь, пожалуй, уместно напомнить о том, что, перечисляя «грехи» журналиста Новикова, Екатерина констатировала следующее: он (Новиков) бунтовщик похуже Пугачева, он хвалит Франклина. То есть российская императрица не видела принципиальной разницы между мятежным казаком и одним из основателей американской государственности.

Отсюда ясно, почему миссия Дейна кончилась провалом. Однако в петербургских салонах посланец Соединенных Штатов получил достаточно теплый прием.

Лучшие умы тогдашней России приветствовали борьбу американского народа за свою независимость, и то, что в Петербурге у Соединенных Штатов есть друзья, а следовательно, не все еще потеряно, Дейн, очевидно, уяснил. Во всяком случае, американская сторона не отказалась от попыток установления с Россией если не дипломатических, то хотя бы экономических отношений. Так, например, в качестве частного лица, по с ведома президента Джефферсона в Россию отправился некий Джон Ледьярд. Официально миссия его имела следующую цель: достичь Камчатки, оттуда добраться до Аляски, а затем до американских владений, с тем чтобы проложить дорогу русско-американской торговле. Совершенно очевидно, что Ледьярд не по своей инициативе и не на свои деньги решился на это рискованное и дорогостоящее предприятие. Несомненно, за ним стояли влиятельные силы, которые были заинтересованы в русско-американских контактах на высоком уровне.

Увы, из этой затеи также ничего не получилось. Екатерина приказала выдворить из России настырного американца, и вождям заокеанской республики пришлось записаться терпением, т. е. дожидаться смены власти в Петербурге.

Начало новой эпохи в русско-американских отношениях совпало с царствованием Александра I. Большинство государств Европы оказались в то время втянутыми в вооруженные конфликты, и, как всегда бывает в подобных ситуациях, налаженные экономические связи оказались нарушенными. Каперы на морях, боевые действия на суше, многочисленные таможенные барьеры — все это било по карманам европейских купцов, и в частности купцов русских. Пошатнулись дела и у Афилатова. Ряд неудачных торгово-промышленных начинаний поставил его перед угрозой финансового краха. Учитывая все это, решил купец взять компаньона, чтобы объединить два капитала и поправить расстроенные дела смело задуманной negociation. Суть же ее заключалась в организации прямой торговли с Соединенными Штатами Америки (без английского посредничества).

Сознавая рискованность данного предприятия, Ксенофонт Алексеевич попробовал заручиться поддержкой правительства — написал прошение с просьбой оказать содействие на имя министра коммерции графа Румянцева³. Последний усмотрел в начинании Афилатова полезное для государства мероприятие и хлопотал ему временное освобождение от налогов, а также пособие в размере 200 тыс. р.

Ободренные компаньоны с жаром принялись за дело. Было решено отправить за океан два корабля — «Архистратиг Михаил» из Петербурга в Бостон и «Иоанн Креститель» из Архангельска в Нью-Йорк. В качестве каргандора (уполномоченного лица отправителя груза для его сопровождения и продажи) в Соединенные Штаты отправился компаньон Афилатова Иосиф Смолин.

Что именно отправляли за океан русские купцы, к сожалению, не установлено. В документах Архангельской таможни сказано: «Различные российские товары». Можно предположить, что это были железо, лен, пенька, кожа, а также готовые изделия: оружие, инструменты, канаты, ткани (парусина) и т. д.

В конце августа 1806 г. корабли вышли в море, а в начале октября в Петербург с грузом американских товаров благополучно прибыл «Иоанн Креститель». Что же

касается «Архистратига Михаила», то его плавание не было столь удачным. На обратном пути корабль дважды садился на мель (в балтийских проливах), товары с него выгружались на берег, затем он ремонтировался в Копенгагене и прибыл в Ревель в конце 1806 г., имея на борту лишь часть принятого в Бостоне груза. Вот тут-то пришлось Анфилатову побегать, похлопотать и, разумеется, раскошелиться. Дело в том, что часть груза была оставлена в Швеции, и в связи с начавшейся русско-шведской войной о его получении нечего было и думать. Только после заключения мирного договора такая возможность появилась. Однако корабль, посланный в Швецию, вышел из строя; второй же корабль был задержан в Архангельске таможенными крючкотворами. Анфилатов метался по кабинетам должностных лиц, писал прошения, и наконец к июню 1809 г. все товары были доставлены в пакгаузы.

Каков же был коммерческий итог первой русской торговой экспедиции в Соединенные Штаты Америки? Точный ответ на этот вопрос получить трудно. По подсчетам таможни, прибыль превышала миллион рублей. Сам же Анфилатов утверждал, что чистая прибыль составила только 150 тыс. р., ибо продажная цена некоторых товаров была завышена чиновниками таможни, а главное, непредвиденные расходы поглотили значительную часть суммы, полученной от продажи американских товаров. Перечень их сохранился в таможенных документах: гвоздика, гвоздичная головка, мускатный орех, перец, имбирь, какао, каролинское пшено, сахарный песок, сандал, брусковая краска, индиго, лавр, корица, красное дерево, кофе, ром, шоколад. Кроме того, были доставлены запрещенные к ввозу товары: пиво, ликеры, анапасы.

О том, каким образом они оказались на борту анфилатовских кораблей, можно только догадываться. То ли американцы были застигнуты врасплох русской инициативой и не знали, чем расплачиваться, то ли языковой барьер породил ошибки при переговорах. Возможно, и то, что Смолин увлекся дарами Бахуса и подписал подсыпанную ему бумагу (бросается в глаза обилие спиртного среди американских товаров: только рома было закуплено 222 бочки). Совершенно ясно лишь то, что американские бизнесмены имели слабое представление о русском рынке, а каргадор Анфилатова оказался не на высоте положения. Подумать только, он тащил через океан пиво и ликеры, запрещенные к ввозу, и не удо-

сужился закупить хлопок, ставший к тому времени традиционным предметом русского импорта.

Впрочем, даже с учетом всех этих ошибок и затрат, можно сказать, что предприятие оказалось удачным как для русских, так и для американцев, причем американские купцы быстро среагировали на анфилатовскую инициативу. В Архангельске были открыты две американские торговые конторы, и их успешная деятельность проложила дорогу дипломатам. В 1809 г. между Соединенными Штатами Америки и Россией были установлены дипломатические отношения, а в 1832 г. был подписан торговый договор, устанавливавший режим наибольшего благоприятствования. «Благодаря либеральным условиям этого договора,— отмечал президент США Э. Джексон,— между Россией и США развивается, процветает и увеличивается торговля, что, в свою очередь, придает новые мотивы той взаимной дружбе, которую обе стороны до сих пор питали в отношении друг друга».

Вернемся, однако, к деятельности Анфилатова. Успех первой экспедиции побудил его отправить за океан третий корабль — «Ксенофонт». В 1809 г. он вышел из Архангельска в море и пропал без вести. Ураган ли или пушки капера отправили его на дно океана — неизвестно. Известно лишь то, что Америки он не достиг и что его гибель ощутимо поколебала финансовое благополучие Анфилатова. Ну а далее неприятности посыпались на него в соответствии с поговоркой: «Пришла беда — отворяй ворота».

Прежде всего Тильзитский мирный договор, принудивший Россию присоединиться к континентальной блокаде Англии, ударил по Анфилатову сильнее, чем по его коллегам. И дело было не только в прекращении русско-английской торговли, но и в махинации европейских партнеров Анфилатова. Суть ее заключалась в том, что они отправили ему корабль с грузом заказанных им товаров якобы континентального происхождения. В Петербурге же выяснилось, что они сделаны в Англии. Русские чиновники решили, что именно Анфилатов нарушил закон, и стоимость товаров — 127 тыс. р. — незамедлительно взыскали с «виновника».

Последний не сложил оружия, т. е. начал бегать по департаментам, писать прошения, взывать к справедливости, и через три года добился своего. Деньги вернулись к законному хозяину, но последствия «усердия» императорских чиновников не прошли бесследно. Все это время

Анфилатов был оторван от торговых дел, привязан к Петербургу и, главное, ограничен в средствах, ведь он не держал деньги в кубышке, а вкладывал их в дела. Изъятие же из оборота такой солидной суммы расстроило финансовые устои анфилатовской фирмы.

Кроме того, объявился на Севере некий пират, который начал топить анфилатовские промысловые суда. Плавал тот пират под французским флагом, но, судя по всему, флаг был маскировкой. Нетрудно догадаться, кому были особенно вредны антифилатовские коммерческие эксперименты. А тут еще курс русских ассигнаций упал в 4 раза (по отношению к золотому рублю). И наконец, компаньон Анфилатова оказался «злым гением» фирмы. Одним словом, к 1812 г. Ксенофонт Алексеевич Анфилатов разорился (объявил себя несостоятельным должником). Из купца первой гильдии он превратился в мещанина и последние два года жизни провел «наедине с чистой совестью и бедностью», как образно выразилась его дочь.

Вот, собственно говоря, и все, что я могу вам рассказать по интересующей вас теме.

После этого слушатели начали обмениваться мнениями об услышанном, и кто-то спросил, а что такое «гильдия»?

— Термин этот имеет несколько значений,— ответил штурман.— В России он означал установленное государством имущественно-правовое деление купеческого сословия. В эпоху, о которой идет речь, существовало три гильдии. К первой относились купцы, имевшие капитал 50 тыс. р. и более, ко второй — 20 тыс. и к третьей — 7 тыс. р. Закон обеспечивал каждой гильдии определенные права и налагал ряд ограничений, весьма странных, я бы сказал, даже диких по современным понятиям. Вызваны они были тем, что упомянутые суммы капитала указывались самими купцами (тогдашняя государственная бюрократия еще не разработала эффективной методики контроля доходов). А это затрудняло налогообложение, ведь большой капитал требовал соответственного налога, что побуждало купцов прибедняться. В борьбе с этим злом государственные умы Российской империи разработали методику мелочной регламентации не только торговых дел, но и образа жизни купцов (их жилищ, средств транспорта, одежды).

Так, например, купец третьей гильдии обязан был жить в скромном деревянном доме типа избы. Ездить по

городу он мог только в однокопной телеге. Разрешалось подвергать его телесным наказаниям. И наконец, одеваться он должен был в строгом соответствии с гильдийскими ограничениями. Принадлежность ко второй гильдии освобождала от телесных наказаний и давала право на езду по городу в пароконной коляске. Кроме того, давались послабления в одежде и ряд других льгот. Ну а первогильдийцы могли иметь загородные дачи, поместья. Им разрешалось ездить по городу в карете, запряженной четверкой лошадей. Их освобождали от воинской повинности, и одеваться они могли по-благородному.

Эта регламентация личной жизни неукоснительно соблюдалась, т. е. появление на улице какой-нибудь Аграфены Матвеевны Кондрашкиной (жены третьегильдийца) в модной шляпке (как у госпожи городничихи) влекло за собой соответствующую кару. Квартальный, а он-то отлично знал, кто и в каком чине-звании проживает на подведомственной территории, хватал дерзкую модницу и препровождал ее в участок. После этого супругу нарушительницы постановлений приходилось развязывать кошель и устранять инцидент известным способом. Разумеется, при этом он не мог не задуматься: а не лучше ли быть во второй гильдии? Хотя и налог больше, зато достойно жить можно, ведь третьегильдийцу при случае говорят: «Куда прешь!», а второгильдийцу: «Пожалуйте вперед, ваше степенство!» Надо полагать, и Аграфена Матвеевна вряд ли бы возражала против такого уважительного отношения.

Как вы сами понимаете, все это делалось ради роста налоговых поступлений в государственную казну. С этой же целью принимались меры по защите интересов русских купцов на внешних рынках. Но они явно уступали принятым в странах Запада: торговое сословие там жило лучше.

Трагедия Анфилатова заключалась в том, что он, в сущности, один пытался решить задачи государственного масштаба: развитие промыслов в Северном Ледовитом океане, прямой товарооборот с Америкой, пресечение махинаций иностранных купцов в России, совершенствование банковского дела и т. д. В условиях крепостнического государства Анфилатов с его благими и, несомненно, прогрессивными идеями оказался белой воропой.

Что же касается его эксперимента в торговле с Соединенными Штатами, то он показал следующее: 1) торговля эта была взаимовыгодной даже в то время, когда

заокеанская республика могла предложить покупателю лишь колониальные товары, а Россия — сырье, полуфабрикаты и сравнительно узкий ассортимент промышленных изделий; 2) в Европе начала XIX в. имелись силы, для которых русско-американская торговля была крайне нежелательной (по политико-экономическим причинам); 3) торговые контакты повлекли за собой дипломатическое признание Соединенных Штатов Россией, что соответствовало государственным интересам обеих стран.

Загадки Камчатских экспедиций

Знать только часть — опаснейший обман,
Пей вдосталь истины или прочь ступай,
Глотнул — и вот ты, полузнайка, пьян,
Чтоб снова отрезветь — до дна черпай.

Александр Поп

(английский поэт XVIII в.)

Как-то Геннадий Васильевич Соловьев сказал, что младший научный сотрудник Женя Кочергин обладает чертой, свойственной гениям, — он рассеян, как многие светила науки. Конечно, штурман пошутил, хотя ему как начальнику экспедиции это свойство самого юного члена нашего коллектива доставляло немало хлопот, да и сам Женя очень из-за этого переживал. Большую вбучку он получил от шефа, когда вскрылась путаница с документами, ведение которых было ему доверено.

Следует отметить, что наш начальник был человек требовательный. Скидок на возраст и на неопытность он не делал и, будучи выведенным из себя чьей-то нерадивостью, отходил не скоро. Так было и на этот раз. Изрядную выволочку виновник получил утром того дня, когда открылось его «грехопадение»; после обеда последовала добавка, а когда после ужина шеф изыскал повод для очередного разноса за ту же провинность, я не выдержал:

— Герман Николаевич, будем надеяться, что Женя осознал свой проступок и не повторит его. В конце концов на ошибках учатся.

Те из членов кают-компании, которые сочли для себя возможным как-то реагировать на происходящее, также начали заступаться за Женю, а он, почувствовав поддержку, стал ссылаться на стечение обстоятельств, свою загруженность и т. д. Аргументы младшего научного сотрудника выглядели малоубедительно, и, очевидно, он сам понял это. Во всяком случае, оправдания его приняли иной характер.

— А вообще-то мне, товарищи, непонятны причины этих строгостей. Не увлечение ли это эпохи? Ведь были времена — отправлялась в море русская экспедиция, а ко-

мандовал ею датчанин, среди участников были немцы, французы и прочие иностранцы. Весь мир знал о ней и изучал привезенные материалы.

— Вы глубоко заблуждаетесь, молодой человек, — ответил штурман Соловьев. Причины такого рода строгостей на нашем судне вам объяснят коллеги, я же могу добавить, что многие научные экспедиции прошлого были засекречены. Например, Джеймс Кук после возвращения из первого кругосветного плаванья сдал сотрудникам Адмиралтейства не только корабельные карты и журналы, но и личные дневники своих подчиненных. При этом всем им было приказано держать язык за зубами¹. Маршрут и цели французской кругосветной экспедиции под командованием Луи Бугенвиля были государственной тайной². О маршруте и целях русской высокоширотной экспедиции под командованием Чичагова не имели никакого представления даже члены сената³.

Что же касается упомянутой вами Камчатской экспедиции, то она была не только секретной, но и замаскированной, т. е. неофициальные цели предприятия прикрывались официальными. Как видите, Женья, сетования ваши на режимные увлечения века необоснованны.

Здесь я должен сделать небольшое пояснение. Корабль наш около месяца находился в море, и имеющиеся на борту кинофильмы были неоднократно просмотрены. Прочие способы развлечений также изрядно надоели, и у меня возникла идея — расшевелить штурмана. Сделать это я решил с помощью маски скептика.

— Геннадий Васильевич, странные вещи вы говорите. Все знают, что Камчатская экспедиция должна была доказать наличие пролива между Азией и Америкой. При чем же здесь секретность, да еще маскированная? Моя «провокация» блестяще удалась.

— То, что вы сказали о целях экспедиции, Михаил Валентинович, и есть самый настоящий камуфляж предприятия: Истинные цели его были совсем иные.

Я попросил штурмана рассказать о секретах Камчатской экспедиции, и присутствующие поддержали меня. Штурман ответил, что это длинная история, по кают-компания дружно согласилась слушать до победного конца. После этого Геннадий Васильевич начал свое повествование:

— Итак, в 1725 г. офицер русского флота Витус Беринг возглавил экспедицию, призванную открыть пролив между двумя континентами. Но, судя по всему, вам не-

известно, что некоторые архивные документы, посвященные данной экспедиции, не только опровергают хрестоматийные представления о ее задачах, но и дают повод для противоречивых толкований на этот счет.

Я расскажу вам о том, что написано в сочинениях историков, и кое-что о том, что можно прочесть между строк. Витус Беринг возглавлял две экспедиции, называемые Камчатскими: первую — с 1725 по 1730 г., вторую — с 1733 по 1741 г. Назначение первой экспедиции, казалось, было отражено в заглавии инструкции, составленной лично Петром I: «Об открытии соединения Азии с Америкой»⁴. Напрашивается вывод: царь верил в наличие перешейка между континентами, причем поиск его являлся целью предприятия, не так ли?

— Судя по сказанному вами, да,— неуверенно согласился Женья.

— В том-то и дело, что нет! Буквально в то же время, когда писалась упомянутая инструкция, царь имел разговор с командующим русским флотом генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным. Петр I высказал тогда следующую мысль: «Будучи в Европе, слышал я от тамошних специалистов уверения насчет того, что Азия отделена от Америки проливом под названием Аннап (Аннапский). Во имя славы и пользы России считаю необходимым принять меры по поиску этого пролива»⁵.

Отсюда следует, что Петр I в действительности верил в существование пролива между континентами. Мало того, он даже привел его название. О происхождении последнего имеется несколько версий. Так, например, есть мнение, что русские карты Сибири попадали за границу, где картографы могли прочесть их по-разному. При этом русское слово «океан» на востоке Азии могло превратиться в «Аннап», ведь спутать нечетко написанное «к» с «п» было нетрудно⁶.

Из прочих версий стоит отметить ту, которая связана с именем Марко Поло. В XIII в. этот итальянский купец вернулся в родную Венецию из дальних странствий по диковинным землям Азии. Обо всем виденном и слышанном он поведал в своих сочинениях. В частности, венецианец писал о том, что на востоке империи монгольского хана, в Аннапской провинции, находится пролив, отделяющий Азию от близрасположенных островов. Судя по всему, Марко Поло имел в виду один из проливов в Юго-Восточной Азии (он никогда не был на севере этого континента и не встречался с людьми, бывавшими там).

Однако некоторые читатели его сочинений истолковали их содержание по-своему. Они решили, что речь идет о проливе в Анианской провинции, отделяющем Азию от Америки.

Какая из этих версий более достоверна, говорить не буду. Отмечу только, что с легкой руки итальянского картографа Гастальди в XVI в. на европейских картах Азии появился Анианский пролив, разделяющий два континента⁷. Петр I видел карту Гастальди и, побеседовав с учеными, уверовал в наличие Аниана.

Таким образом, можно констатировать, что в названии инструкции (о соединении Азии с Америкой) содержится мысль, чуждая ее автору. Вот вам первая загадка Камчатской экспедиции.

— Позвольте, Геннадий Васильевич! — воскликнул корабельный врач Семен Николаевич Ващенко. — Насколько мне известно, документы, составленные Петром I, красотой стиля и ясностью изложения не отличались. Принимая в расчет это соображение, заглавие упомянутой вами инструкции можно истолковать не как категорическое утверждение, а как предположение, например, о возможности соединения Азии с Америкой. Следовательно, из названия царской инструкции ровным счетом ничего не следует. Верил Петр I в пролив между континентами или нет — утверждать нельзя.

— Ну что же, Семен Николаевич, если сказанное мной выглядит недостаточно убедительно, предоставляю вашему вниманию еще один документ. Полагаю, вам известно, что царь-преобразователь, как поется в старинной солдатской песне, «сам командовал войсками, сам и пушку заряжал», т. е. он имел разносторонние интересы и таланты. В частности, им лично, точнее говоря, при его участии была составлена карта Каспийского моря (кстати, это послужило поводом для Парижской академии наук избрать царя своим членом). Но я хочу рассказать не о ее научной ценности, а о другой карте, которая была изображена на одном листе с картой Каспийского моря и по указанию Петра I отправлена в Париж. На ней были изображены Камчатка и Чукотка, а восточнее их — два участка суши, отделенные проливами от Азиатского материка.

Представляя французским ученым карту, Петр I тем самым документально подтверждал, что Азия омывается на востоке Северным Ледовитым и Тихим океанами. Похоже, уверенность эта базировалась не на карте Гасталь-

ди, а на информации сибирских казаков. Ведь русские землепроходцы в XVII в. имели представление об очертаниях Азиатского материка на северо-востоке. Например, Владимир Атласов составил карту, на которой можно различить контуры Курильских и Командорских островов, а также Чукотского и Камчатского полуостровов. Следовательно, у нас есть основания утверждать, что царь верил в пролив между Азией и Америкой, не так ли, Семен Николаевич?

— Допустим, что это действительно так, Геннадий Васильевич, но у всякого пролива есть два берега. О том, что на карте, отправленной Петром I в Париж, была изображена Чукотка, вы сказали. Хотелось бы узнать, а что конкретно было изображено к востоку от нее?

— Увы, о земле сей я мало что могу сказать, да и сам составитель карты знал о ней, очевидно, немного. Он изобразил узкий участок суши, вытянутый с севера на юг. Причем северные его границы находятся за пределами карты. Обозначения рельефа местности, а также реки и другие детали отсутствуют. Очевидно, этим автор карты хотел сказать, что положение сомнительно или что данные пуждаются в проверке. Можно предположить, что в своей работе над картой он пользовался искаженной информацией об островах Святого Лаврентия, Диомида или о Кенайском полуострове.

Более подробно стоит остановиться на другой земле. Она расположена на карте примерно в 200 милях к востоку от Камчатки и несколько превосходит последнюю по размерам. На побережье отмечены горы и река, впадающая в океан. Примечательно, что северо-восточные границы таинственной земли на карте не обозначены.

А теперь позвольте напомнить вам выдержку из текста царской инструкции. Начальнику экспедиции предписывалось в ходе плавания по Тихому океану следовать вдоль земли, вытянутой к северу и являющейся, очевидно, частью Америки⁸. Судя по всему, речь шла именно о загадочной земле, изображенной на царской карте к востоку от Камчатки. Какие же выводы, по-вашему, можно сделать на основании сказанного?

Рис. 4. «Карта новооткрытой земли Камчатка», составленная С. Атласовым в 1700 г. На изображенных на ней территориях можно узреть Чукотку, Камчатку и часть Курильских островов. Изогнутый полуостров к востоку от Чукотки, судя по всему, часть Большой земли за Чукотским Посом (Заносье), или «Земли Кымыл» (так называлась Аляска в различных «снасках»)

Те, кто решился изложить свое мнение, были единодушны: Петр верил в наличие пролива между Азией и Америкой. Ну а земля, о которой шла речь в его инструкции, очевидно, являлась следствием неточной информации о Командорских и Курильских островах.

— С вашими заключениями трудно не согласиться, — заметил штурман. — Однако вы не обратили внимания на одну очень существенную деталь царской инструкции. Напомню, что документ сей назывался «Об открытии соединения Азии с Америкой», но речь-то в нем шла не о перешейке и не о проливе между континентами, а о какой-то земле, являющейся предположительно частью Америки. Землю эту Беринг должен был обследовать и нанести на карту вплоть до ближайших владений европейских государств, т. е. название инструкции не соответствует ее содержанию. Вот вам вторая загадка Камчатской экспедиции. У кого есть объяснения на этот счет?

Слушатели воздержались от гипотез, и штурман продолжил рассказ:

— Получив царскую инструкцию, Витус Беринг отправился на восток. Там, на берегах Тихого океана, был построен гукер, на котором члены экспедиции совершили плавание. Но не к востоку от Камчатки (к берегам земли, указанной в царской инструкции), а на северо-восток, к тому месту, где на современных картах изображен пролив, разделяющий Азию и Америку.

Таким образом, получается, что Витус Беринг не руководствовался инструкцией, написанной Петром. Вот вам и третья загадка Камчатской экспедиции!

— Позвольте, позвольте, Геннадий Васильевич! — воскликнул доктор. — Я не вижу здесь никакой загадки. Просто Беринг проявил разумную инициативу. В ходе первой экспедиции он обследовал северо-восточное побережье Сибири (в том районе, где можно было ожидать его соединения с Америкой).

Возражение доктора не застало штурмана врасплох.

— Семен Николаевич, для уяснения истины мне придется напомнить вам, что Витус Беринг официально должен был открыть пролив между двумя континентами, точнее, между Камчаткой и Аляской. Последняя, по мнению географов той эпохи, находилась примерно в 200 ми-

лях к востоку от Петропавловска. Кроме того, Петр приказал Берингу следовать вдоль американского побережья, нанеся его на карту вплоть до ближайших владений европейских держав.

Отсюда можно сделать заключение, что Беринг должен был следовать вдоль южных границ земли (мнимого полуострова Америки), ведь на северо-западе Американского континента никаких европейских владений в то время не было. Совершенно очевидно, что к тому Аниалу, о котором Петр I говорил Апраксину, курс, выбранный Берингом в ходе первой экспедиции, не привел бы. Следовательно, начальник экспедиции не выполнил того, что было намечено в царской инструкции. Более того, он даже не пытался это сделать. Надеюсь, я вас убедил?

Доктор на секунду-другую задумался, а затем сказал: «Не буду злоупотреблять терпением вашей аудитории, Геннадий Васильевич. Прошу вас, продолжайте».

— В таком случае я должен сделать небольшое пояснение. Как уже отмечалось, после Первой Камчатской экспедиции была организована Вторая, которую некоторые историки называют Северной. Она состояла из нескольких отрядов. Часть из них занималась исследованием северного побережья Сибири, другие действовали в бассейне Тихого океана. Именно о последних и пойдет речь.

Начну же я с одного положения сенатской инструкции по поводу организации экспедиции. В нем было сказано, что секретную инструкцию получит не только американский отряд, но и тот, который направляется к берегам Японии⁹.

Вполне резонно задать вопрос: почему часть сил экспедиции была направлена, если верить официальным документам, на решение задач, ей совершенно не свойственных, и зачем было секретить инструкции ее отрядов? Пожалуй, это четвертая загадка Камчатских экспедиций!

Здесь интурман сделал паузу, ожидая реакции слушателей. Продолжение рассказа последовало после того, как он убедился в нашем нежелании выступать с рискованными гипотезами.

— Кажется, я поставил достаточно вопросов, и пора бы дать на них ответы.

Итак, с какой же целью были организованы экспедиции, возглавляемые Витусом Берингом? Официальные документы той эпохи гласили, что цели эти были сугубо научные: капитан-командору было поручено выяснить,

сходятся континенты или нет¹⁰. Я привел вам доводы, опровергающие эти утверждения.

— Простите, Геннадий Васильевич, я прерву вас! — неожиданно воскликнул Женья. — Мне непонятна сама постановка вашего вопроса. В ходе первой экспедиции Беринг «железно» доказал разделение двух континентов. Таким образом, вторая экспедиция могла иметь какие угодно цели, но только не поиски уже открытого пролива!

— В том-то и дело, Женья, что факт разъединения континентов Витус Беринг, строго говоря, на 100% так и не доказал! Напомню, что в первой половине XVIII в. отряды Второй Камчатской экспедиции, возглавляемые В. Прончищевым и С. И. Челюскиным, Х. П. Лаптевым и П. Ласиниусом, свидетельствовали об отсутствии перешейка между континентами в районе от Карских Ворот до 165°. Витус Беринг в ходе первой своей экспедиции доказал, что нет перешейка в районе 67° с. ш. и 168° з. д. А тот факт, что он не находится севернее и западнее этого района, доказан не был, и авторитетные исследователи заявляли, что Америка все же соединяется с Азией.

Что из того, что Беринг утверждал обратное?! Ведь такие известные мореплаватели, как М. Г. де Фриз, Ж. Ф. Лаперуз и И. Ф. Крузенштерн, были столь же категоричны в отношении Сахалина, называя его полуостровом. И лишь скептицизм и добросовестность позволили Геннадию Невельскому доказать ошибочность этих представлений. Одним словом, ученые-географы продолжали интересоваться проблемой Аниана и после Второй Камчатской экспедиции. Существование пролива окончательно было доказано лишь в начале XIX в. в ходе экспедиции Ф. П. Врангеля. Таким образом, доказательства Беринга явно не были «железными».

— Геннадий Васильевич, вы забыли Дежнева! — бросил реплику Женья. — Ведь он прошел из одного океана в другой и замкнул тем самым недостающее звено!

— Это не я, а дьяки Сибирского приказа забыли про Семена Дежнева, — ответил штурман. — И ничего удивительного в этом не было. Подумать только, какой-то казак из далекой Сибири утверждал, что ему удалось пройти морем от Лены до Аладыря! Сделал он это на свой страх и риск, к тому же интересовали Дежнева не географические открытия, а ясак. И наконец, попытки других казаков пройти по его маршруту кончились неудачей (льды помешали). Все это привело к тому, что о Дежневе вскоре забыли. Как видим, факт существования проли-

ва между континентами в то время еще нужно было доказать.

Не увереп, обосновал ли я скептицизм ученых мужей Санкт-Петербурга, но уверен в том, что мне пора перейти ко второй версии. А суть ее такова. Камчатская экспедиция 1733—1742 гг. должна была определить возможность мореплавания по Северному Ледовитому океану (из Европы в Азию) для установления торговых контактов с азиатскими странами¹¹. Такое объяснение следует признать, безусловно, верным. Но оно применимо в основном к тем отрядам экспедиции, которые изучали северное побережье Сибири. Таким образом, версия о попытке хозяйственного освоения Северного морского пути убедительна лишь частично.

О том, что это предприятие имело практические цели, говорит и третья версия. Авторы ее утверждали, что Камчатские экспедиции должны были способствовать установлению торговых отношений России с Мексикой¹². При этом они ссылались на пункт петровской инструкции, где было сказано: идти вдоль Американского побережья вплоть до европейских владений.

Опровергнуть эту версию очень просто. Во-первых, торговля с американскими колониями была в то время монополией метрополии, даже обычный заход в колониальный порт иностранного корабля (торгового или военного) требовал специального разрешения из Европы. С учетом этого фактора предположение о том, что испанская корона поступилась бы своими коммерческими интересами, дабы угодить короне российской, выглядит беспочвенной фантазией. Во-вторых, торговля России с Мексикой была бы бесперспективной по чисто экономическим соображениям, ведь товары приходилось бы перевозить через всю Сибирь и Тихий океан. Считаю излишним объяснять вам, как бы это повлияло на их стоимость.

А теперь перейдем к четвертой версии. Ряд исследователей полагали, что Камчатские экспедиции должны были заняться восточным побережьем Сибири с целью закрепления его за Россией¹³. Одним из первых критиков данной точки зрения был М. В. Ломоносов. Он, в частности, отмечал, что суровый климат и трудности снабжения сделали бы авантюрой любые попытки европейских держав захватить северо-восточную часть Азии¹⁴. С этим доводом великого помора трудно не согласиться.

И наконец, пятая версия. Задачей Камчатских экспедиций являлись не столько поиски пролива между континентами, сколько обследование ничейных территорий на северо-востоке Азии и северо-западе Америки. Делалось это опять-таки для достижения практической выгоды. Суть же ее заключалась в том, что пушные богатства Сибири к тому времени изрядно поистощились и возникла идея организовать промысел «мягкой рухляди» в Америке¹⁵.

Но это еще не все. Есть основания полагать, что не одна пушнина манила организаторов Камчатских экспедиций. В Петербурге знали, что металл, из которого делались испанские, португальские и прочие европейские монеты, доставлялся преимущественно из Америки. А это могло породить заманчивую идею — поискать на ничейных берегах Тихого океана «русское Эльдorado, русское Потоси»¹⁶.

Даю справку: Эльдorado — таинственная (точнее говоря, фантастическая) страна в Центральной Америке, якобы сказочно богатая золотом. Потоси — район Боливии, где действительно в крупных масштабах добывалось серебро. В пользу данного предположения говорит и тот факт, что огромные расходы, а также колоссальные трудности, создаваемые климатом и удаленностью района исследований, не остановили тех, кто вершил в то время судьбами России. Скажем, только на Вторую Камчатскую экспедицию было затрачено 360 тыс. р. Для сравнения напомним вам, что в 1725 г. стоимость всего русского экспорта в Европу составляла около 3 млн р.¹⁷

Таким образом, есть основания полагать, что Камчатские экспедиции были организованы не для нужд чистой науки, а засекречены они были с целью избежать противодействия европейских колониальных держав. Для них русский флаг в бассейне Тихого океана даже на ничейных землях был крайне нежелателен. Именно поэтому для экспедиции были разработаны открытые и закрытые документы. Первые — к сведению господ дипломатов, аккредитованных при русском дворе, вторые — для руководства начальствующим лицам экспедиции.

Здесь мне придется сделать пояснение. Дело в том, что царь Петр I не ограничивал постановку задач подобным предприятиям одной письменной инструкцией. Так, например, в 1719 г. геодезисты Иван Евреиннов и Федор Лужин получили царскую инструкцию, которая предписывала им ехать в Сибирь до Тобольска, а далее они

должны были следовать туда, «куда им указано». (Обращаю ваше внимание на эту формулировку.) Об общих целях экспедиции было сказано: выяснить, сошлась ли Азия с Америкой. Таким образом, получается, что Евреинов и Лужин были предшественниками Беринга. Однако не будем торопиться с выводами. Остановимся лучше на некоторых деталях этого предприятия.

В 1721 г. Евреинов вернулся из Сибири и лично доложил Петру I о проделанной работе. О том, остался ли доволен царь итогами содеянного, никакой официальной информации не последовало. Когда же историки стряхнули пыль с некогда секретных документов, то обнаружили удивительный факт: экспедиция Евреинова—Лужина не только не решила поставленную перед ней задачу, но и не была в том районе, где ее надо было решить. Упомянутые геодезисты на самом деле занимались обследованием Курильских островов, чтобы составить карты этого района¹⁸. Отсюда вытекает, что Лужин и Евреинов руководствовались не письменной инструкцией, а устным инструктажем.

Аналогичный подход к обеспечению секретности наблюдался при организации Индоокеанской экспедиции. Вспомните, в ее инструкции о конечном пункте плавания говорилось: «В назначенное вам место»¹⁹. Как видим, в документах Петра I, посвященных секретным экспедициям, имеется одна общая особенность. Кто из вас попробует объяснить ее?

— По-моему, все предельно ясно,— сказал Женья.— Петр I, стремясь обеспечить секретность экспедиций, давал их руководителям письменные инструкции общего характера, а конкретные цели и задачи руководители предприятий получали в устной форме (с глазу на глаз). Тем самым вероятность утечки информации была сведена к минимуму.

— Добавьте к этому, Женья, что петровский метод обеспечения секретности сбивал с толку не только современников, но и потомков, изучавших историю русских географических открытий.

А теперь вернемся к Первой Камчатской экспедиции. В конце 1725 г. ее участники уже отправились в Сибирь, а Витус Беринг дожидался в Петербурге царского инструктажа. Однако так и не дождался. Петр I умер, и начальнику экспедиции пришлось руководствоваться документом, который его автор наверняка не считал исчерпывающим. Изрядно поломав голову над царской инструкцией,

Беринг решил все же искать пролив в том районе, где Азия максимально простирается к востоку.

Принимая во внимание его опыт в мореплавании, можно догадаться, чем было вызвано это решение. Ведь обследовать район вблизи мыса Дежнева можно было за одну навигацию (с учетом возвращения на Камчатку), а достичь европейских владений на Американском побережье можно было только в ходе многолетнего плавания.

Напомню вам, что по картам, имевшимся у Беринга, от Камчатки до Мексики было около 6 тыс. верст²⁰. Прибавьте к этому сравнительно невысокие мореходные качества гукера, отсутствие достоверных карт, тихоокеанские тайфуны, и вам станет ясно, что вояж по царскому маршруту давал бы мало шансов на возвращение.

После окончания плавания в район пролива Беринг поспешил в Петербург. Не берусь судить, как он сам оценивал результаты экспедиции, но сенат и Адмиралтейств-коллегии оценили их невысоко. Было решено организовать вторую экспедицию, с тем чтобы выполнить предначертания Петра I. И опять-таки истинные цели предприятия были замаскированы. Например, в именном указе императрицы Анны Иоанновны Берингу предписывалось принимать меры по хозяйственному освоению Восточной Сибири (по организации там судостроения). Святейший синод и сибирские власти должны были оказывать ему помощь²¹. Что же касается секретных инструкций сената, то в них речь шла об обследовании неосвоенных земель в северной части Тихого океана и о приведении в подданство их населения (без вторжения во владения европейских и азиатских государств)²².

— А теперь, Женья, сделайте вывод из всего услышанного!

— Признаю свое заблуждение, Геннадий Васильевич! Камчатские экспедиции действительно были секретными! И ясно, что цели их заключались не столько в поисках пролива между Азией и Америкой, сколько в освоении Северного морского пути и свободных земель на севере Тихого океана. Секретность же этого предприятия объясняется стремлением избежать противодействия недругов России.

— Вы правильно меня поняли, Женья. Стоит, пожалуй, добавить, что одной из задач Камчатской экспедиции было установление политических и экономических контактов с Японией и что задачу эту россияне секретили не от японцев, а от европейцев. А для того чтобы сказанное

стало понятным, напомним вам кое-что из истории контактов европейских держав с Японией.

Впервые об острове Чипангу, к востоку от Китая, поведал в Европе Марко Поло. Суть же его информации сводилась к тому, что островитяне красивы, учтивы и независимы. Земли же их богаты золотом и жемчугом²³. Четыре столетия спустя в документах русского дипломата Николая Спафария также сообщалось, что недра Японии содержат золота и серебра, а также иных сокровищ больше, чем недра Китайского государства²⁴. Аналогичные сведения приводились и в других источниках. Одним словом, в XVIII в. богатства Страны восходящего солнца стали в Европе общепризнанным фактом. Это нашло отражение даже в художественной литературе. Я имею в виду Робинзона Крузо, который, путешествуя по Сибири, рассчитывался слитками японского золота²⁵.

О том, какие причины породили слухи о «золотой» Японии, я распространяться не буду. Отмечу только, что они были далеки от действительности и что проверить их достоверность европейцы не могли. Дело в том, что еще в XVII в. японцы запретили европейцам посещать свои порты. Исключение было сделано лишь для голландцев, которым разрешалось торговать в Нагасаки. Однако условия коммерции были довольно унижительные для набожных голландцев, в частности их заставляли попирать ногами распятие.

Значит ли это, что никто из европейцев, кроме голландцев, в те времена не вступал в контакты с населением Японских островов?

— Разумеется, нет! Ведь изолировать от внешнего мира целое государство практически невозможно. Не контролируемые властями встречи японцев с иностранцами, конечно, происходили. Например, когда японские суда терпели бедствие у побережья Сибири или Камчатки, казаки оказывали им помощь. Именно от спасенных моряков и купцов узнавали русские люди разного рода новости. Например, что страна Япония богата и могуча. Есть в ней царь, большие города, регулярная армия, богатое купечество, искусные мастера. Неудивительно, что Москва проявила интерес к соседям. В Сибирь был направлен указ — доставлять спасенных японцев в столицу, и история сохранила имена некоторых из них: Саним, Денбей, Гонза, Сода.

Жизнь и деятельность этих людей в России достойны отдельного описания, но я отмечу только одну деталь

русской биографии некоего Денбея — торговца из Нагасаки. В 1702 г. он был отправлен в Москву, где имел многочасовую беседу с Петром I. Сохранившаяся запись этой беседы позволяет заключить, что спасенный казаками-японец звезд с неба не хватал и образованием не блистал: географию, историю, экономику родной страны знал слабо, а недостаток своих знаний компенсировал пересказом слухов и вздорных домыслов²⁶. Ясно, что он хотел поднять свои акции в глазах тех, от кого зависело его будущее, а потому не жалел красок в описаниях богатств Японии, где золота и серебра так много, что им отделывают царские дворцы, из него же делают статуи богов и посуду. Да и сам он, Денбей, взял в плавание два ящика с золотыми монетами, по два пуда каждый.

Вскоре после этой беседы в Петербурге по царскому указу была основана специальная школа, в которой русских юношей стали обучать японскому языку. Вышеупомянутый Денбей был назначен преподавателем сего учебного заведения, а его соотечественник Сода опубликовал первый русский учебник по японскому языку.

На основании всего изложенного можно заключить, что в Петербурге всерьез поверили в перспективность русско-японской торговли. Но для этого необходимо было сначала проложить дорогу к землям восточного соседа и установить с ним контакты на официальном уровне. Именно эти цели (в числе прочих) имела Вторая Камчатская экспедиция. Но не только о Японии думали организаторы этого предприятия. Предполагалось, что на северо-западе Тихого океана есть свободные земли, весьма волнующие воображение и других монархов, и предпринимчивых коммерсантов. Так, Марко Поло писал, что вблизи Апианской провинции есть острова, богатые золотом и медью²⁷.

Примерно в этом же районе в начале XVII в. португалец Жуан да Гама видел землю, нареченную впоследствии его именем. Затем к северо-востоку от Японии на европейских картах появились Земли Иезо, Итатов, Компанин и даже Гога и Магога. Кроме того, ходили слухи о наличии там некоей Страны золота и себера (*Rico de Ora, Rico de Plata*)²⁸. Разумеется, со временем эти Земли исчезли с карт или сменили названия (острова Хоккайдо, Итуруп, Уруп), но произошло это значительно позднее, а в начале XVIII в. слухи на сей счет будоражили умы мореплавателей и государственных деятелей.

Как известно, Петр I бывал в Голландии, Англии,

Франции, Австрии, Германии. И если учесть любовь царя к морю, а также его глубокие познания в области морских наук, то можно вполне обоснованно предположить, что он имел достаточно подробную информацию о вышеупомянутых Землях.

Однако не подумайте, что организация Камчатской экспедиции является следствием одних недоразумений в географии. Земля Гамы была мифом, но богатая золотом Аляска была реальностью. Реальностью были и стада морских бобров — каланов у берегов этой части Америки. Одним словом, неосвоенные земли на севере Тихого океана могли многое дать Русской державе. Большие выгоды сулила России и торговля с азиатскими государствами.

С другой стороны, я вовсе не хотел внушить вам ту мысль, что научное обоснование Камчатской экспедиции всего лишь маскировка. Исключительная научная ценность результатов первой и особенно второй экспедиций признается историками самых различных школ.

Последняя экспедиция состояла из нескольких отрядов, перед которыми были поставлены следующие задачи: 1) обследование северного побережья Сибири; 2) поиски Земли Гамы; 3) изучение северо-западного побережья Америки; 4) обследование Курильских островов и поиски путей в Японию.

Решая первую задачу, русские мореплаватели (Прончищев, Челюскин, Ласиниус, Муравьев, Павлов, Малыгин, Овцын, Стерлегов, Мипин и братья Лантевы) нанесли на карты северные берега Сибири и убедились в невозможности регулярного судоходства по Северному морскому пути (точнее, в преждевременности этого замысла).

Вторую и третью задачи решал отряд Витуса Беринга (на пакетботах «Святой Петр» и «Святой Павел»). Он достиг Аляски и обнаружил ряд островов на севере Тихого океана. При этом был собран богатый научный материал. Открытия эти проложили дорогу русским купцам и промышленникам. Их деятельность со временем привела к созданию Российско-Американской компании. Четвертую задачу решал отряд капитана 1-го ранга Мартина Шпанберга. Его корабли (гукер «Архангел Гавриил», дубельшлюп «Надежда» и палубный бот) прошли вдоль Курильской гряды на юг, затем вдоль Тихоокеанского побережья Хоккайдо до Хопсю.

Моряки отряда имели контакты с японцами, но к установлению дипломатических отношений это не приве-

до, хотя власти на местах и понимали, что изоляция от внешнего мира папосит вред их стране. Именно этим можно объяснить доброжелательный прием, оказанный русским морякам. По первой их просьбе на суда экспедиции были доставлены пресная вода, дрова и свежая провизия. Затем начались визиты вежливости и наконец обмен товарами. Русская водка, меха, шерстяные и льняные ткани, стекло, а также ряд других товаров понравились японцам. Русских же привлекли японский шелк, фарфор, жемчуг и, разумеется, золотые монеты.

Одним словом, начало русско-японских контактов было как будто многообещающим. Однако дальнейшего развития, как уже говорилось, они не получили. Японские власти отлично сознавали, что дружественный прием иностранцев и самовольная торговля с ними могли повлечь за собой суровые кары со стороны столичного начальства. Именно поэтому японские градоначальники и предприняли весьма оригинальный ход. В своих отчетах они объясняли все случившееся самоуправством иностранцев, внезапно появившихся на японской территории. То есть русские сами (без всякого на то разрешения) брали японские товары и сами (без всякой договоренности) оставляли взамен свои. Их хотели задержать, но они успели скрыться на своих кораблях ²⁹.

Очевидно, японские чиновники все же в тайне души на что-то надеялись. Но этого, увы, не случилось. Центральная власть в Японии к тому времени еще не осознала пагубность самоизоляции. Здесь, пожалуй, следует дать небольшую историческую справку. Дело в том, что в XVI—XVII вв. европейцы проложили дорогу в страны Юго-Восточной Азии, и местные жители увидели людей, моральный облик которых произвел на них ужасное впечатление. Именно из-за преступных деяний «белых дьяволов» в Индии, Индонезии, на Тайване и на юге Китая в ряде стран были приняты политические решения, по тем временам, несомненно, единственно правильные: Китай, Корея и Япония законодательно запрещали любые контакты своих подданных с европейцами, равно как и посещения европейцами территорий упомянутых государств.

Впрочем, небольшие щели в стене изоляции (для ограниченного товарообмена) все же остались. Я уже упомянул о голландской торговой привилегии. А в конце XVIII в. такая же щель образовалась и для россиян. Именно тогда (в 1792 г.) в японском порту Матемай бросила

якорь русская бригантина «Екатерина». Ее командир Адам Лаксман установил контакты с японскими властями и добился-таки разрешения на посещение раз в году порта Нагасаки русским торговым кораблем. Однако далее произошло событие, удачно иллюстрирующее поговорку: «Поиски отличного портят хорошее». В Петербурге решили щель превратить в открытую дверь, для чего и была снаряжена дипломатическая миссия во главе с камергером Н. П. Рязановым. Неожиданное появление в Нагасаки двух военных кораблей (с пушками и военными командами) встревожило японские власти, а Рязанов, судя по всему, оказался недостаточно искусным дипломатом. В итоге миссия окончилась полным провалом. Мало того, японцы закрыли «русскую щель», отказавшись от договора, подписанного с Адамом Лаксманом. Вот и получилось, что четвертая задача Второй Камчатской экспедиции была решена лишь в 1855 г., когда к берегам Японии прибыл русский фрегат «Паллада» с дипломатической миссией, возглавляемой адмиралом Е. В. Путятиным.

На этом разрешите закончить рассказ о секретах Камчатских экспедиций.

После короткой паузы слушатели начали задавать вопросы, и один из них запомнился мне. Речь шла о территориальных претензиях к Советскому Союзу, выдвигаемых правящими кругами современной Японии, т. е. о правах японцев как первооткрывателей и, следовательно, хозяев Курильских островов.

Подумав немного, Геннадий Васильевич сказал:

— Вынужден уклониться от детального ответа на этот вопрос. В противном случае мой рассказ рискует превратиться в нечто напоминающее повествование Шахерезады, а меня на 1001 вечер физически не хватит. Кратко же могу сказать, что в первой половине XVIII в. японские власти не считали Курилы (Северные и Южные) своей территорией. Это подтверждается документами (кстати, не только русскими, но и японскими). Более того, в то время даже северная часть острова Хоккайдо не была освоена японцами³⁰.

Из документов же сената о Камчатской экспедиции следовало, что четыре острова к югу от Камчатки до самой Японии являются российскими владениями, а остальные никому не подвластны³¹. В инструкциях Шпанбергу (начальнику японского отряда Камчатской экспедиции) также предписывалось производить описания остро-

вов к югу от Камчатки, часть из которых уже являлись российскими владениями ³².

И надо сказать, что русские люди не только описывали Курилы, но и осваивали их, составляли карты, давали названия, устанавливали знаки государственной принадлежности, а население островов (аинов) приводили в русское подданство. Особенно активно этот процесс происходил после создания Российско-Американской компании (в сферу ее деятельности входили и Курилы). На острове Уруп, в частности, было основано русское поселение, известное под названием «Курилороссия». Несмотря на ярость стихий (тайфуны, цунами), россияне успешно занимались там сельским хозяйством (возделывали рожь, ячмень, овощи, разводили скот) и поддерживали торговые контакты с японскими соседями.

Таким образом, можно обоснованно утверждать, что сибирские казаки и промышленники, а также участники экспедиций, организованных русским правительством и Российско-Американской компанией, нанесли на карты мира Курилы и, как говорится, застолбили их.

Представители же японских властей начали появляться на южных островах гряды лишь в последние годы XVIII столетия. Примечательно, что на острове Уруп они разрушили столбы с обозначением их принадлежности российским владениям и водрузили свои, на которых было написано буквально следующее: «Остров, подчиненный великой Японии пока продолжается небо и остается земля» ³³. Эту фразу, очевидно, следует понимать как провозглашение японских прав на вечные времена. Упомянутые акты стали возможны прежде всего потому, что политическая обстановка в Европе не позволяла России держать сколь-либо значительные вооруженные силы на Тихом океане. Можно сказать, что преградой для японской экспансии на север служили лишь немногие корабли русского регулярного флота, отличная выучка и высокий моральный дух их экипажей.

В 1807 г. на южном побережье Сахалина, где японцы сумели построить укрепление с артиллерией и достаточно многочисленным гарнизоном, произошло первое вооруженное столкновение. Отряд кораблей лейтенанта Хвостова (бриг «Юнона» и тендер «Авось») подвергся внезапному артиллерийскому обстрелу из упомянутого укрепления. В ответ на этот акт агрессии Хвостов высадил десант, который атаковал японцев и после упорного боя обратил их в бегство. На поле боя остались японские

пушки, боеприпасы и другое военное снаряжение. Командант японской крепости сделал себе харакири, а его помощник с остатками гарнизона покинул Сахалин.

Следующее столкновение между русскими и японцами произошло в 1811 г., когда к берегам острова Кунашир подошел русский шлюп «Диана» под командованием лейтенанта Головнина. О том, что японцы претендуют на Сахалин и Курилы, и о том, что между русскими и японцами уже произошел вооруженный конфликт, командир «Дианы», по-видимому, не знал. Именно этим я могу объяснить непринятие им должных мер предосторожности. Вместе с семьей своими подчиненными Головнин высадился на берег, где встретил группу японцев (как выяснилось позднее, представителей властей). Русские моряки были захвачены ими в плен, где и пребывали до 1813 г.

Что же касается «прав» японцев на Курилы, то Россия их не признавала. Лишь в 1875 г. она уступила южную часть архипелага Японии. Это был один из актов, показывающий слабость царского правительства, его неспособность защищать должным образом интересы страны.

Однако не подумайте, что японские территориальные претензии распространялись только на Курилы. В конце XIX в. не только все Курилы, но и Камчатку в Токио объявили частью японских «северных территорий». Более того, в Токио была даже издана Большая историческая национальная энциклопедия. В ней прямо говорилось, что Япония должна считаться повелительницей тех мест, которые она занимает ныне, и тех, которые она пока еще не занимает³⁴. И наконец, следует отметить, что в 1951 г. в Сан-Франциско Япония подписала мирный договор, в котором есть статья о том, что она отказывается от всех прав и оснований на Курильские острова. Вот, пожалуй, и все, что я могу сказать в самой краткой форме о японских территориальных претензиях к Советскому Союзу.

Присутствующие начали было благодарить штурмана за интересный рассказ, причем было высказано пожелание услышать подробности о Камчатских экспедициях.

Геннадий Васильевич ответил, что расскажет о них завтра, и, пожелав присутствующим доброй ночи, покинул кают-компанию. Однако на следующий день случилось нечто непредвиденное. Один из траулеров камчатской приписки послал в эфир сигнал «Мэйдей» (терплю

бедствие), и нам срочно пришлось идти на помощь. Затем неутешительный прогноз погоды заставил изменить сроки некоторых работ и уплотнить график их проведения. Одним словом, продолжение рассказа штурмана мы услышали примерно через неделю.

Начал же он с того, что Беринг и его спутники не были первооткрывателями Аляски. Эту часть Америки впервые увидели участники русской экспедиции на боте «Гавриил». Возглавляли ее геодезист Михаил Федоров и подштурман Иван Гвоздев. В 1732 г. «Гавриил» подошел к побережью Аляски в районе нынешнего мыса Принца Уальского, а затем спустился на юг вдоль берега до района острова Пунивак. Неблагоприятная погода не позволила русским морякам высадиться на берег. Представляю вам самим решать, кто же «застолбил» Аляску.

— Простите, Геннадий Васильевич,— подал голос Женя Кочергин,— в свете сказанного вами непонятно, почему столь очевидная истина, я имею в виду предприятие Федорова и Гвоздева, до сих пор замалчивается и в школьных учебниках, и в популярной историографии? Ведь то, что вы нам рассказали, паверияка известно профессионалам.

— Закономерный вопрос,— ответил штурман.— То, что экспедиция на боте «Гавриил» оказалась как бы «затесненной» Камчатской экспедицией, объясняется не только большим размахом последней (обилием участников, обширным кругом задач, лучшим обеспечением), но и запутанными отчетами первой русской экспедиции к берегам Америки. Можно сказать, это была еще одна загадочная экспедиция русского флота. Разумеется, историки не оставляли ее без внимания, по полной ясности в ее описании и оценке, насколько мне известно, они не достигли.

Вкратце об экспедиции Федорова—Гвоздева можно сказать следующее. В 30-х годах XVIII столетия на востоке Сибири действовала не только Камчатская, но и другие экспедиции. Одна из них, возглавляемая капитаном Павлущим, должна была искать Большую землю на севере Тихого океана (т. е. Америку) с целью панести ее на карту, затем вступить в контакты с аборигенами и склонить их к принятию русского подданства. Предприятие это было, конечно, трудным, особенно если учесть скудное материально-техническое снабжение и крайне ограниченное число квалифицированных специалистов. А тут еще единственный штурман экспедиции потерял зрение

(вследствие болезни). Сам же Павлущий в силу ряда обстоятельств идти в море не мог. Вот и пришлось ему доверить бот «Гавриил» подштурману Федорову и геодезисту Гвоздеву.

В конце июля бот вышел в море из Большерецка (западное побережье Камчатки), в середине декабря того же года вернулся из плавания. После этого оба начальствующих лица отчитались перед капитаном Павлущим о сделанном. Когда же Охотская канцелярия затребовала доскональный отчет, его писал уже один Гвоздев, ибо Федоров к тому времени умер. Спустя девять лет он написал еще один отчет — весьма отличный по содержанию от первого. Маршрут «Гавриила» и в том и другом документе прямо не указан, но ссылки на береговые объекты, наблюдаемые в ходе плавания, показывают, что бот шел на северо-восток, к Берингову проливу.

Здесь явно уместны комментарии. На западноевропейских картах той эпохи ближайшая к Азиатскому материкову земля (предположительно часть Американского континента) располагалась к востоку от Камчатки. А напротив мыса Дежнева зачастую имелось «белое пятно» — убедительное свидетельство полного незнания географии данного района. Но Федоров вел «Гавриила» именно к мысу Дежнева — туда, где Американский континент действительно расположен ближе всего к континенту Азиатскому. Это доказывает, что русские первопроходцы не доверяли в то время зарубежным авторитетам. Они имели собственные карты северной части Тихого океана. Составлялись они, скорее всего, казаками, охотниками, купцами, администраторами.

Об одном из них я скажу несколько слов. Звали его Иван Львов, был он сибирским дворянином-приказчиком Ападырского острога. Прошу учесть, что слово «приказчик» означало в то время не торговец, а администратор (очевидно, от слова «приказывать»). Судя по всему, он пользовался у казаков авторитетом. Во всяком случае, казацкий бунт стоил жизни его коллегам, сам же он, находясь в центре возмущения, остался невредимым. Известно также, что Иван Львов интересовался географией края, куда его забросила судьба, и все, что узнавал из «скасок» первопроходцев, папосил на бумагу.

Итогом его трудов и была карта, на которой изображены оба берега Берингова пролива. Конфигурация Чукотского полуострова в общем-то сравнима с данными современных карт. Чисто условно в проливе обозначены

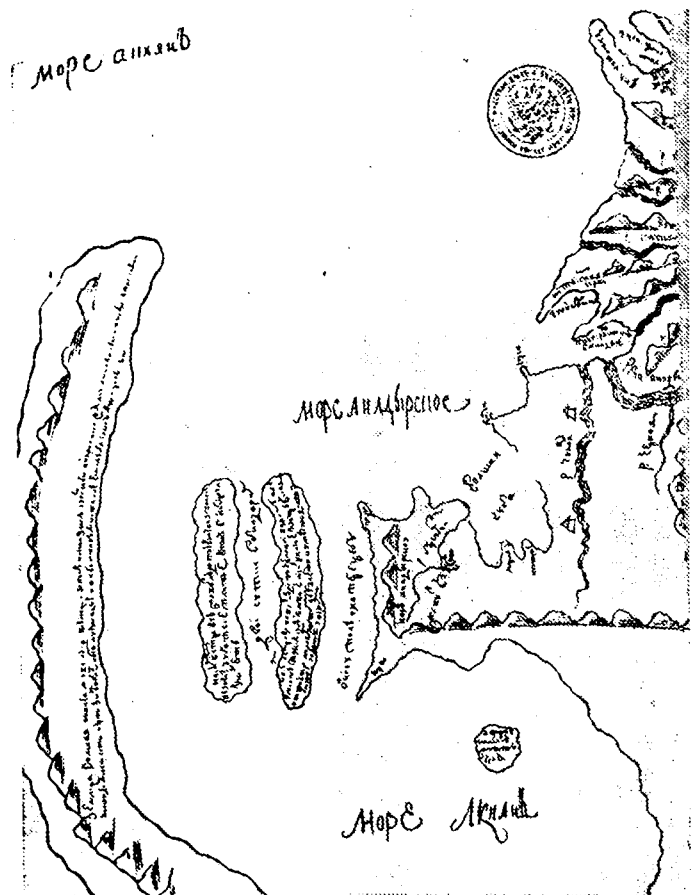

Рис. 6. Карта сибирского дворянина И. Львова. Внизу показан Север, справа — Азия, слева — Америка. Дана характеристика животного мира, растительности, населения. Карта эта получила такую известность, что землю, изображенную на ней к востоку от Чукотского Поса, одно время даже называли «Землей сибирского дворянина», или «Землей Львова»

острова Диомид, а восточнее их некий полуостров — слегка изогнутый и вытянутый с севера на юг.

Я уже упоминал об этой таинственной земле, когда говорил о карте, направленной Петром I в Париж. Однако на карте Львова она обозначена более детально. В частности, на ней обозначены горы, а в легенде к кар-

те даются сведения о поселении, растительном и животном мире, позволяющие предполагать, что эта земля — полуостров Аляска, несколько смещенный к северу и развернутый в меридиональном направлении.

Весьма вероятно, что данное творение Ивана Львова было известно капитану Павлуцкому и его подчиненным. Во всяком случае, сам Львов и его карта были настолько популярны у сибиряков, что землю, расположенную к востоку от Чукотского полуострова, называли «Земля сибирского дворянина», или «Земля Львова».

Невольно напрашивается аналогия. Америго Виспуччи доказал, что Христофор Колумб открыл не Индию, а новый континент. Со временем он получил название сначала «Земля Америго Виспуччи», а затем просто «Америка».

А теперь вернемся к отчетам Михаила Гвоздева. Прежде всего следует отметить, что они расходятся с тем, что поведал о плавании «Гавриила» один из рядовых его участников — казак Илья Скурихин. В его «скаске» имеются такие детали: следуя на восток от Анадыря, «Гавриил» достиг Большой земли. На лесистом берегу россияне увидели жилые постройки и стада оленей.

Крейсируя вдоль побережья к северу и югу, конца земли обнаружить им не удалось. При этом отмечался весьма показательный эпизод. Один из аборигенов подплыл на байдаре к «Гавриилу» и начал расспрашивать россиян (на борту корабля был переводчик), куда, с какой целью они следуют и много ли их. Реакция Федорова на эту «дипломатическую» миссию аборигенов была совершенно непонятной. Он приказал членам команды спрятаться в трюме, а туземцу объявил, что его подчиненные умерли от голода. Что же касается немногих уцелевших, то они заблудились в океане и теперь ищут дорогу на Камчатку. Туземец обещал снабдить россиян продовольствием, если они высадутся на берег, а когда Федоров одарил его иглами, отдался мехами. Далее «Гавриил» пошел на Камчатку.

А теперь попробуем проанализировать все вышеизложенное и сделать кое-какие выводы.

Итак, в 1732 г. бот «Гавриил» достиг сначала Чукотки, а затем, следуя на восток, некоей обширной земли. Обилие на ней леса позволяет предполагать, что это была северо-западная часть Американского континента. Туземец на байдаре благополучно плавал от берега к боту. Мало того, некоторое время «Гавриил» стоял у открытой

земли на якоре, что заставляет усомниться в достоверности ссылок на «дурную погоду», якобы мешавшую высадке. Не мешали оной и обитатели открытой земли. Наоборот, они демонстрировали свое миролюбие и доброжелательность.

Полагаю, что все эти неувязки можно объяснить следующим образом. Подштурман (унтер-офицер) Иван Федоров признавал, что его знания и опыт не соответствуют возложенным на него задачам. К тому же он болел цингой, и у него были ранены ноги. А помощник его, Михаил Гвоздев, был геодезистом и мало что смыслил в судовождении. Таким образом, экспедиция на «Гаврииле» была в достаточной степени авантюрной, и Федоров признавал это. Сначала он пытался протестовать, отказываясь принимать командование. Известно, в частности, что на борт «Гавриила» его затащили на носилках, помимо его воли. Затем, по здравому размышлению, он решил соблюдать устав (приказ командира — закон для подчиненного), но выше своих скромных сил не прыгать.

Ему, конечно, повезло. Погода была самая благоприятная, ветры большей частью попутные, и никаких рифов, мелей и прочих опасностей на его пути не оказалось. Федоров довел «Гавриила» до Чукотки, а затем достиг Аляски в районе, расположенном напротив мыса Дежнева (на современных картах он называется мыс Принца Уэльского). После непродолжительного плавания вдоль побережья открытой земли начальник экспедиции решил, что собрал материал для отчета, за который его не наградят, но и головы с него не спимут. Не исключено и то, что ссылка на дурную погоду была придумана для обоснования невысадки на побережье. С этой же целью, очевидно, была разработана и легенда о смерти команды «Гавриила». То есть Федоров пытался спровоцировать аборигенов Аляски на нападение. Отразить его картечью было бы нетрудно, а в отчете появилась бы еще одна уважительная причина невысадки.

Когда же, что называется, господь прибрал пачальника экспедиции, отвечать за все содеянное пришлось его помощнику. Михаилу Гвоздеву сначала повезло — его отчет застрял в сибирских канцеляриях. Но в 1741 г. итоги экспедиции заинтересовались в столице, и канцелярия Иркутска дала соответствующий запрос. Геодезиста он не на шутку встревожил. Ведь в Сибири в то время было немало людей, от которых он мог узнать, что значит расследование в тайной канцелярии и как карают за не-

выполнение приказа. Одним словом, единственный из живых руководителей первой русской экспедиции к берегам Аляски в своем отчете старался не столько показать истинные события, сколько уберечь голову от топора. «Со мной не советовались, я был поставлен перед свершившимся фактом, я всего лишь геодезист и вообще человек маленький». Таков смысл его отчета.

Конечно, результаты экспедиции Федорова—Гвоздева можно трактовать иначе, но то, что именно ее участники первыми показали русский флаг у берегов Америки, надеюсь, не вызывает у вас сомнения? Штурман сделал паузу и в упор посмотрел на своего постоянного оппонента.

— Ну, разумеется,—отреагировал врач,—если не считать новгородских ушкуйников, казаков-дежневцев и других, станет ясно, что первый русский корабль к берегам Аляски привели Михаил Федоров и Иван Гвоздев. От себя добавлю, что второй корабль под андреевским флагом привел туда Алексей Чириков и лишь третьим был Витус Беринг.

— Полностью с вами согласен, а теперь перейдем к Первой Камчатской экспедиции. Началась она в январе 1725 г., когда 34 человека и 25 саней с грузами двинулись на восток. По пути к ним присоединялись новые люди и грузы. Всего же в предприятии участвовало около 400 человек⁸⁵. Через год, преодолев примерно половину пути, экспедиция зазимовала в Илимске, а весной следующего года начался самый тяжелый участок пути к океану.

Огромный к тому времени обоз экспедиции перевозил якоря, вооружение, боеприпасы, продовольствие, приборы, инструменты, паруса, канаты, гвозди и многое другое, а транспортными средствами были лошади, олени, собаки. На пути экспедицию преследовали морозы, бездорожье, бескормица. Животные зачастую падали, и людям самим приходилось впрягаться в сани. Там, где реки были судоходны и течение их совпадало с маршрутом экспедиции, нужно было строить лодки и переплавлять на них экспедиционные грузы, минуя перекаты, мели, пороги. Паек был весьма скудный: ржаная мука да немного крупы.

В Охотске экспедиция зимовала вторично, а летом 1727 г. переправилась на Камчатку, где ее участники построили бот «Святой архангел Гавриил». Именно на нем в 1728 г. и совершил Беринг воляж к проливу, пося-

щему ныне его имя. Не обнаружив там перешейка между континентами, он затребовал от своих помощников (Шпанберга и Чирикова) изложить в письменной форме их мнение насчет обстановки и дать предложения, что делать дальше. Шпанберг посоветовал подняться к северу, до 66° с. ш., а затем возвращаться, ибо зимовка на Чукотке невозможна: нет леса и чукчи относятся к русским враждебно. Чириков считал целесообразным идти на запад, до устья Колымы или до тех пор, пока льды не преградят дорогу, зимовать же на земле, лежащей против Чукотского Носа (т. е. на Аляске). По рассказам чукчей, там имеется лес.

А теперь вспомните царскую инструкцию: идти вдоль земли, протянувшейся к северу (предположительно Америки), до тех пор, пока не встретятся владения европейских держав. Где эта земля, куда она тянется, соединена ли она с Америкой и где начинаются европейские владения? Всего этого Беринг так и не узнал. Он счел паличие пролива доказанным фактом, а затем, ссылаясь на объективные обстоятельства, принял решение возвращаться.

Адмиралтейств-коллегия, рассмотрев итоги экспедиции, признала ее бесплодной, а самого Беринга обвинила в том, что он не довел до конца порученное ему дело³⁶. Правда, со временем появились другие оценки итогов экспедиции, но то, что замысел Петра I нуждался в завершении, было очевидно.

В этой ситуации Адмиралтейств-коллегия запросила у Беринга, какие полезные для державы Российской империи следует провести на востоке Сибири, и он представил свои соображения на сей счет. После этого Адмиралтейств-коллегия и сенат решили, что руководство новой экспедиции разумнее всего поручить именно капитан-командору Берингу, благо у него есть опыт и за него есть кому поручиться.

Вторая Камчатская экспедиция планировалась как добровольная и русская по составу участников (очевидно, с целью более надежного обеспечения секретности). Однако трудности предприятия были настолько велики и настолько хорошо известны, что желающих участвовать в нем было немного. Вот и пришлось зачислять в штат иностранцев. А русских брали без учета содержания кондута (личного дела офицера). Более того, некоторые из участников экспедиции попали в нее прямо из тюрем.

Как видим, положение с кадрами у Беринга нельзя было назвать блестящим. И ничего удивительного в этом не было. Знающие люди рассказывали о суровом климате, диком, необжитом крае, скудном снабжении и недружелюбных туземцах. И наконец, предстояло плавание в неведомых водах Тихого океана. Именно поэтому и в Центральной России, и в Сибири люди под разными предлогами уклонялись от участия в экспедиции, несмотря на предлагаемые им блага. Правда, Беринг имел право производить принудительную мобилизацию, но от людей, привлеченных в экспедицию подобным способом, толку было бы мало.

Что же касается сибирской администрации, то она далеко не всегда оказывала Берингу содействие. Ее чины, судя по всему, исходили из принципа: до бога высоко, до царя далеко, а я здесь и царь и бог. Полномочия капитан-командора и указ сената их мало смущали. В сибирской глухомани они элементарно игнорировались со ссылками на объективные трудности: природные условия, скудность ресурсов, отсутствие людей и т. д.

Здесь целесообразно сказать, что существуют разные мнения о начальнике Камчатских экспедиций и его помощниках. Но все отмечают исключительную сложность задач, стоявших перед ними, и то, что дружного коллектива в экспедициях не было.

По моему убеждению, на ненормальные взаимоотношения членов экспедиции отчасти повлияло пагубное решение сената: участникам экспедиции разрешалось брать с собой семьи. Предприятие планировалось на шесть лет, и господа сенаторы решили, что представительницы прекрасного пола избавят его участников от тоски и будут способствовать их успехам в делах. Это привело к тому, что в слабообжитые районы Сибири потянулись обозы со скарбом, женщинами, детьми, слугами.

Нетрудно представить, как эта разношерстная масса людей, скученная в сибирском захолустье, стала обрывать сначала мелкими склоками, как последние перекинулись на мужчин, как прихоти и капризы жеп заставляли мужей забывать свой долг и честь, как семейные дразги отрывали их от проблем экспедиции и как негодовали, глядя на все это, сибиряки.

Трения и конфликты начались задолго до начала плавания, при этом «благородное» сословие не жалело чернил и перьев для писания претензий и доносов. Ученые

и офицеры обвиняли друг друга и сибирские власти. Те в долгу не оставались, и все вместе обличали начальни-ка экспедиции.

Кончилось же все это тем, что Беринг подал рапорт с просьбой освободить его от занимаемой должности. Помошники его (Шпанберг и Чириков) послали в Петербург аналогичные рапорты. Каждый мотивировал свою просьбу по-своему, но ответ из столицы на далекую Камчатку приходил примерно через год, и все трое в ожидании решения руководства вынуждены были «тянуть служебную лямку».

Как видим, некоммуникабельность участников экспедиции усугубляла сложность работ в суровом, необжитом крае. Надо сказать, что Камчатка имела хорошие пастбища для скота, богатые охотничьи угодья, изобилие рыбы и леса. Кроме того, на земле полуострова произрастала многолетняя трава агататка, имевшая особую ценность у россиян. Дело в том, что сок ее содержит некоторое количество сахара, и местные «химики» быстро разработали соответствующую технологию приготовления горячительного напитка. Государевы целовальники моментально оценили это техническое «достижение», и производство водки из агататки превратилось в золотую жилу для русской казны. Триста казаков и рота солдат, составлявших в то время гарнизон Камчатки, получали свое жалованье исключительно из «водочных» сумм. Таким образом, собираемый ясак полностью шел в пользу казны. Более того, рассчитавшись с казаками, кабатчики нередко отправляли в центр тысячные суммы чистых доходов³⁷.

Помощник Беринга Свен Ваксель, ознакомившись с действием «агататовки», был восхищен. Правда, позднее он все же впал в сомнение насчет полезности для здоровья сего напитка и свои подозрения решил проверить: опустил серебряный рубль в штоф и на следующий день обнаружил, что монета стала совершенно черной. Судите после этого сами о химическом составе «агататовки». Что же касается экспериментатора, то он глубокомысленно констатировал, что «напиток» этот не может быть особенно полезен для здоровья.

Приспосабливаясь к местным условиям, участникам экспедиции пришлось отказаться от некоторых «предрассудков цивилизации», вроде чувства брезгливости, например, попробовать рыбу, консервированную по-камчатски (правда, не всем), спать в ямах вместе с собаками,

а также мерзнуть, мокнуть, голодать. Но все это было, так сказать, прелюдией к главному испытанию — плаванию в Тихом океане.

Прежде чем приступить к его описанию, целесообразно остановиться на одном неудачном усовершенствовании идеи Петра I. Напомню вам царскую идею — построить один небольшой корабль (палубный бот). В ходе первой экспедиции в соответствии с царской инструкцией и был построен бот «Святой архангел Гавриил». Этот двухмачтовый кораблик имел длину 18,3 м и ширину 6 м. На его борту находились годовой запас продовольствия для 44 человек, четыре пушки и несколько фальконетов (малокалиберных пушек). Бот был достаточно мореходен и мог совершать плавание не только при попутном, но и при встречном ветре. В ходе экспедиции на «Гаврииле» происходили отдельные поломки, но в целом он успешно выдержал испытание.

Как видим, практика показала целесообразность использования кораблей типа «бот». Увы, чины Адмиралтейств-коллегии пачали искать отличное и испортили при этом хорошее. Вместо одного бота было построено два пакетбота (длиной 27 м, шириной 7 м), каждый из которых имел две мачты с прямым парусным вооружением и 14 пушек, т. е. это были пакетботы-бриги³⁴. Численность команды и пассажиров составляла 77 человек (на «Святом Петре»). Оба корабля обошлись казне довольно дорого, строительство их затянуло сроки подготовки к плаванию, а сложность парусного вооружения в сочетании с массовым заболеванием цингой сделала пакетботы на копечном этапе плавания почти неуправляемыми. Ничем иным, как отсутствием опыта планирования и организации подобных экспедиций, объяснить этот просчет я не могу.

А теперь несколько слов о построении кораблей беринговского отряда в ходе плавания. В качестве походного ордера капитан-командор избрал кильватерную колонну. Однако первым шел не флагман, а чприковский «Святой Павел». Историкограф экспедиции А. П. Соколов полагал, что, уступив своему помощнику лидерство, Беринг признал тем самым его превосходство в области навигации. Однако построение это можно объяснить и стремлением Беринга подстраховаться.

Напомню вам, что русские пакетботы плыли буквально в неизвестное, ведь карт, достойных доверия, экспедиция не имела. Глаза вахтенных были единственным сред-

ством наблюдения и предотвращения опасности. Петрудно было представить возможную ситуацию: темная ночь или густой туман, слишком поздно замеченные рифы или мель неизвестной земли (хотя бы той же Земли Гамы). В этом случае впереди идущий корабль имел бы мало шансов на спасение, но сигнальный выстрел из пушки позволил бы ведомому уклониться от опасности.

Впрочем, развитие событий в ходе плавания внесло существенные коррективы в планы Беринга. Прежде всего он имел возможность убедиться в иллюзорности Земли Гамы. Кстати, Чириков предлагал отправить на разведку этой земли один из малых кораблей экспедиции, с тем чтобы оба пакетбота сразу плыли к Америке. Однако Беринг не одобрил инициативы своего помощника. В итоге его отряд потратил много времени на поиски мифической земли.

Затем капитан-командор повел свои пакетботы к берегам Америки. И тут случилось то, чего можно было ожидать. Непогода развела корабли, и их дальнейшее плавание проходило по индивидуальным маршрутам. Причем на долю участников экспедиции выпали трудности, с которыми даже бывалые моряки не часто сталкивались: теснота, затхлый воздух, сырость, кровососущие насекомые, ограниченное потребление воды, несвежая пища, изнуряющая качка, тяжелый физический труд.

Но самое тяжелое испытание им уготовила вспышка цинги. Болезнь эта была обычной спутницей мореплавателей той эпохи и порождалась отсутствием витаминов в рационе, а также низким уровнем медицинских знаний. Так, например, Свен Ваксель — человек пытливого ума и большого жизненного опыта — был уверен, что он «заразился цингой» и что главная причина возникновения болезни заключалась в тяжелой работе, в сырости и во «вредных испарениях»³⁹. А что такое «витамины», не знали даже светила медицины. Но если бы и знали, откуда было им взяться в рационе участников экспедиции, ведь в судовой баталерке хранились сухари, мука, крупа, солопина (оленина) и яйца.

Из муки хлеба не пекли, а готовили лепешки, причем потребление их было строго лимитировано. А во время обратного плавания, когда и без того скудные запасы уменьшились, из нее стали готовить блюдо под названием «бурда». Собственно говоря, это было подобие супа, и готовился он следующим образом: ржаная мука замешивалась теплой водой, после чего тесто выстаивалось

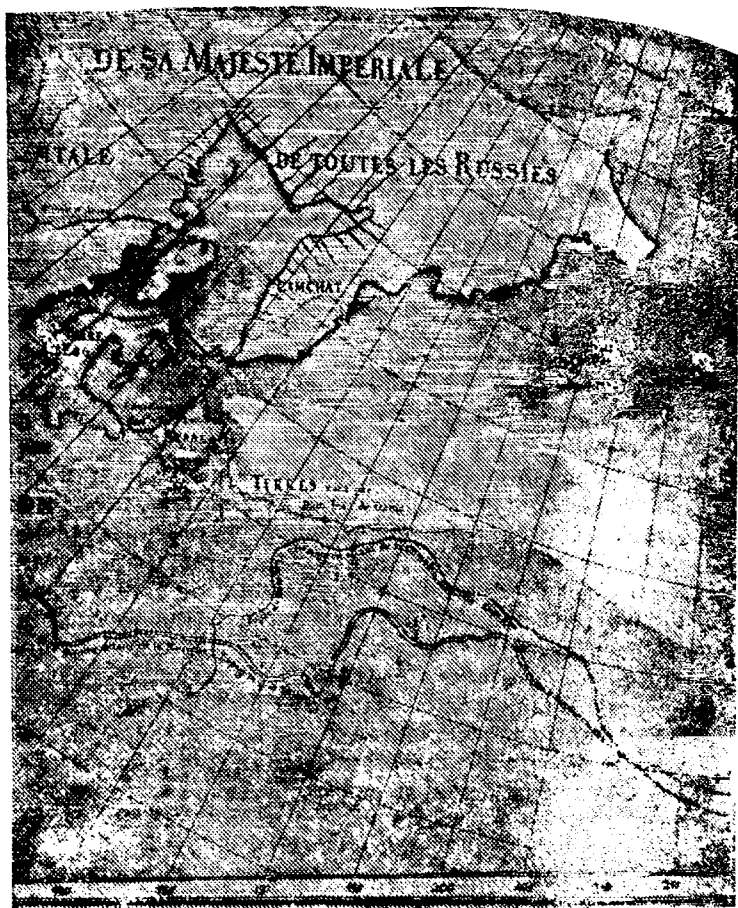

Рис. 7. Карта И. Н. де Лиля. По мнению С. Вакселя, она привела к ошибке в выборе курса экспедиции. Примечательно, что вместо Америки на карте изображено белое пятно

два или три дня (до полного скисания), затем его опускали в кипяток и варили. Вот и вся кулипария.

Подозреваю, товарищи, что вы все, избалованные раз-
посолами нашего кока, не то что пробовать, но и нюхать
эту самую «бурду» не пожелали бы. А Свен Ваксель с
восторгом описывал, какая она была вкусная. Горько-про-
нический смысл русского названия блюда шведский мо-
ряк явно не улавливал.

В этом месте повествования тетя Аля, смущенно улыбаясь, попросила слова.

— Геннадий Васильевич, с солониной все ясно: она не портится, па то и солонина. А вот каким образом жок «Святого Петра» хранил яйца? Ведь холодильников тогда еще не было.

— Закономерный профессиональный вопрос, — ответил штурман. — Ваш коллега, уважаемая Алевтина Ивановна, действительно обходился без холодильника. Яйца, собранные на камчатских птичьих базарах, были консервированы по туземному способу — их складывали в бочки и заливали рыбьим жиром. Как вам, очевидно, известно, яйца морских птиц пахнут рыбой. Прибавьте к этому запах рыбьего жира и то, что собирались яйца в апреле, потреблялись же в пищу вплоть до ноября. После этого сами оцените их вкусовые качества.

Что же касается участников экспедиции, то они ели «что бог пошлет», ибо «голод не тетка» и потому что понимали: будешь привередничать — пойдешь на корм рыбам. А теперь послушайте, как протекало дальнейшее плавание «Святого Петра».

К тому времени, когда пакетбот приблизился к Американскому побережью, обстановка на борту крайне осложнилась. Запасы продовольствия уменьшились, число больных увеличилось. Личные отношения членов кают-компании также оставляли желать лучшего. Адъютнт Стеллер, например, обвинил капитан-командора Беринга в государственной измене!

Здесь я должен сказать, что некоторые приказы Беринга выглядели на первый взгляд нелепыми. Подумать только, сколько трудов, денег, человеческих жизней было потеряно для достижения Америки, а теперь, когда до нее рукой подать, начальник экспедиции приказывает возвращаться, не успев даже полностью наполнить бочки пресной водой!

Как тут не понять негодование адъютанта: неужели цель экспедиции заключалась в том, чтобы привезти америкапскую воду в Азию? На континент мы так и не ступили! Виной тому трусость и леность руководства! Десять лет продолжалась подготовка к экспедиции, и только десять часов пошло на дело (речь шла об исследовании одного из островов вблизи побережья Аляски)⁴⁰. Характерно, что даже кратковременную отлучку на берег Стеллер получил после скандального объяснения с Берингом.

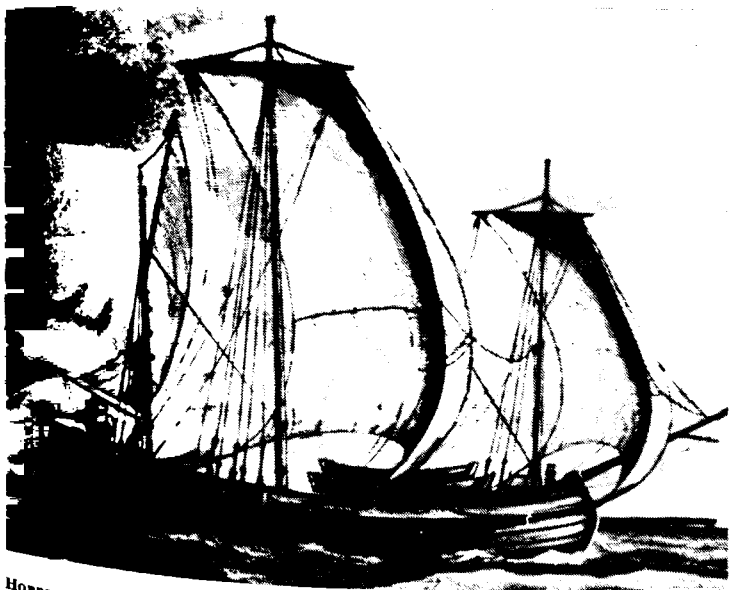
Страстный «рыцарь пауки» не понимал, что не американские индейцы испугали капитан-командора и не лень руководила им, а предвидение тяжких испытаний, ожидавших экспедицию. Опытный моряк учитывал недостаток продовольствия, наступление осенней непогоды и, главное, цингу, свирепствующую на борту «Святого Петра». Одним словом, горькая необходимость заставляла Беринга торопиться с возвращением, в то время как неугомонный адъютант рвался на берег. Нетрудно было предположить, что он полёзет в лесные чащобы, а там, чего доброго, получит стрелу в спину, или нарвется на медведя, или упадет со скалы. Разумеется, его самого или его труп придется искать, теряя драгоценное время и рискуя кораблем.

Но к счастью, все тогда обошлось благополучно. Стеллер вернулся невредимый и полный впечатлений. И вообще фортуна улыбалась русским мореплавателям. Штормы и рифы не встречались на курсе «Святого Петра», а туземцы Алеутских островов («дикие американцы», как называл их Ваксель) либо избегали контактов с россиянами, либо оказывали им доброжелательный прием. Однако ситуация стала поистине катастрофической, когда началось массовое заболевание цингой. Почти каждый день бросали за борт покойников, а среди живых все меньше становилось тех, кто способен был нести вахту. «Святому Петру» была уготована участь «летучего голландца» — корабля с мертвым экипажем, которым управляли лишь волны да ветер. Возможно, так бы оно и случилось, если бы не стечение обстоятельств.

4 ноября по курсу показалась земля, ошибочно принятая некоторыми за Камчатку. Объяснить это можно тем, что штурман пакетбота долгое время не мог определить координаты по небесным светилам, а счисляемое место (точка на карте, рассчитанная по скорости и курсу) имело очень приблизительные координаты. К тому же рельеф открывшейся земли напоминал камчатский, и вообще люди склонны принимать желаемое за действительное.

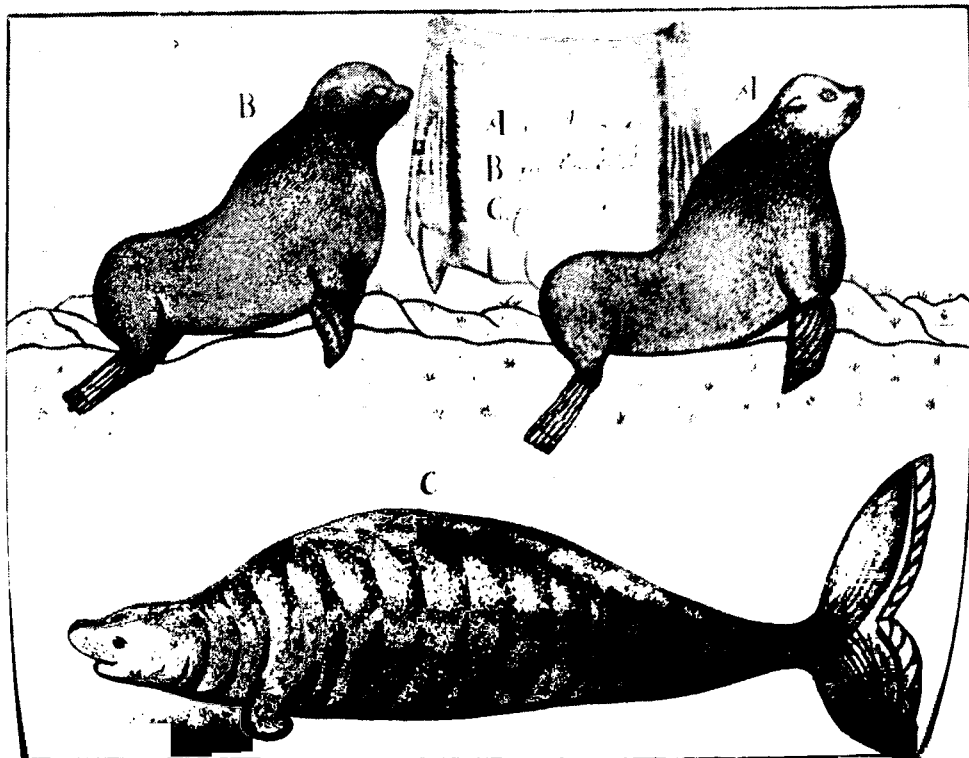
В кают-компании было созвано совещание, на котором мнения о ситуации разделились. Ваксель и Хитрово считали, что открывшаяся земля — Камчатка, Беринг и Овцын держались противоположной точки зрения, но доказать свою правоту не смогли.

Пакетбот «Святой Петр» —
флагман Второй Камчат-
ской экспедиции

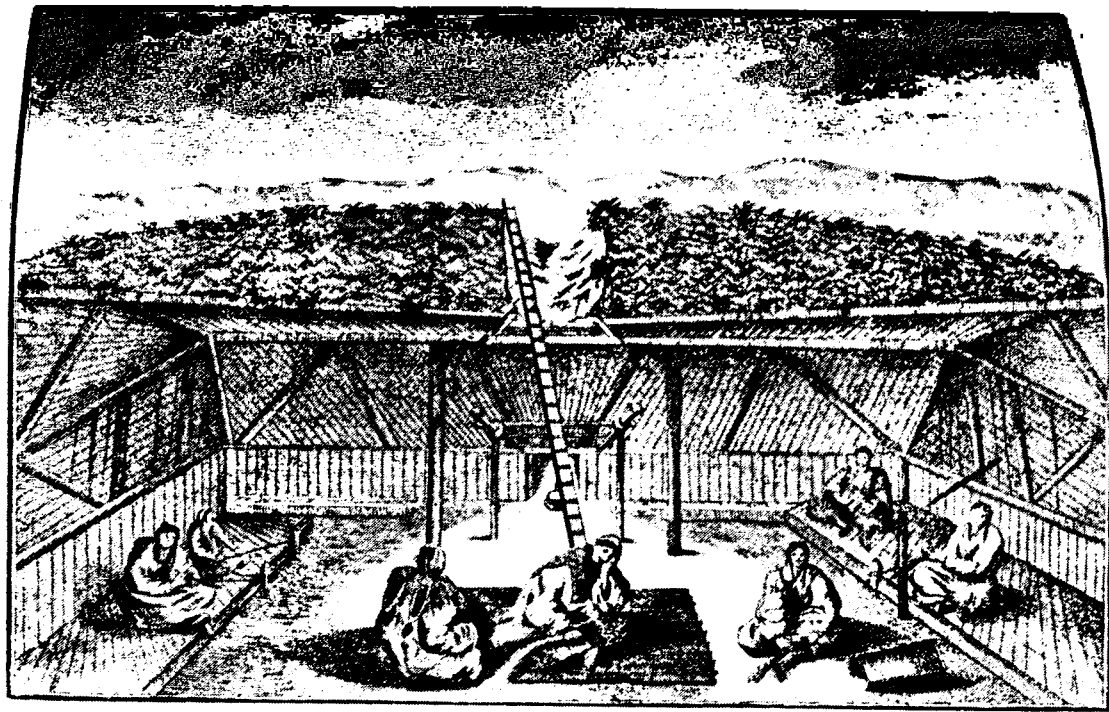

Новгородский коч. На таких судах плавали по Северному Ледовитому
океану русские люди

Представители животного
мира Командорских остро-
вов: морской котик, сивуч,
стеллерова корова

Жилище камчадалов (рису-
нок из книги С. Вакселя)
Алексей Андреевич
Иеромон

Алексей Андреевич
Баранов

Ксенофонт Алексеевич
Анфилов

Попытка переждать ночь у берега, стоя на якоре, не удалась. Два якоря были потеряны (лопнули канаты), и корабль перебросило через гряду рифов. Затем он потерял свой последний якорь и был выброшен на песчаную отмель. Многим из участников экспедиции казалось тогда, что самое страшное позади. Вот она — долгожданная Камчатка. Скоро придет подмога из Петропавловска, появится возможность отдохнуть.

Каждый, кто был в состоянии двигаться, устремился на палубу, с надеждой вглядываясь в гористое побережье. Увы, далеко не все смогли ступить на него. Тяжелобольные, лишенные ухода, находились в ужасном состоянии. Когда этих несчастных поднимали на палубу, многие из них умирали, вдохнув холодный морской воздух.

Ну а тех, кто добрался до берега живым, ждала страшная новость. Земля, на которой они очутились, оказалась не Камчаткой, а необитаемым, лишенным леса, сырым и холодным островом. Было тут отчего впасть в отчаяние. Но россияне не пали духом. Свен Ваксель, принявший руководство вместо больного Беринга, уравнил в правах всех участников экспедиции и отменил ряд положений морского устава, не соответствовавших, по его мнению, обстановке.

Кроме того, Ваксель провозгласил, а точнее, узаконил стихийно установившийся принцип: «Кто не работает, тот не ест» (исключая тяжелобольных). А дабы христиане не очень-то уповали на всевышнего в ущерб собственной инициативе и усердию, им было сказано, что «бог помогает тому, кто сам себе помогает»⁴¹.

Все участники экспедиции были разбиты на артели, созданные по «жилищно-территориальному принципу»: каждая землянка обеспечивала себя продовольствием и топливом. При этом господа офицеры трудились наравне с нижними чинами и всех (даже денщиков) называли по имени-отчеству. Важнейшие решения принимались путем всеобщего голосования, разумеется, без всяких сословных привилегий.

Насколько необычно выглядела эта демократия, станет ясно, если вспомнить негласное правило, бытовавшее в то время на кораблях русского регулярного флота: «Офицер имеет голос, боцман — дудку, матрос на корабле нем!»

Разумеется, было бы наивно объяснять вакселевские нововведения его демократизмом. Просто он понял, что все случившееся не только стерло сословные грани в от-

попешениях, но и поколебало авторитет офицеров в глазах матросов. Следовательно, решение сверху, не соответствовавшее мнению низов, могло бы вызвать бунт последних.

Именно эти соображения, читаемые между строк мемуаров Вакселя, обусловили методы его руководства, которые, как показало дальнейшее развитие событий, были единственно правильными. Режим, установившийся на острове, способствовал тому, что каждый энергично боролся не только за свое, но и за общее спасение. А борьба была исключительно тяжелой. Не хватало продовольствия, и моряки ели буквально все, что возможно использовать в пищу: жир дохлого кита (к счастью, выброшенного на берег), сивучей, морских бобров (жесткое, жилистое мясо последних походило на кожу), котиков (мясо их отличалось от бобрового тем, что было темного цвета и пахло старым козлом). Все это приходилось есть в полусыром виде, ибо дров было очень мало.

Немало крови испортили россиянам и песцы. С изумительной сообразительностью и энергией эти твари уничтожали скудные запасы продовольствия, грызли венцы и даже объедали трупы умерших, вырывая их из могил. Жили участники экспедиции в землянках, пнаскоро вырытых в песке. В нем же хоронили умерших товарищей. И лишь капитан-командора Витуса Беринга похоронили в могиле, отметив крестом место погребения.

С началом весны обстановка улучшилась. Стало теплее, появилась зелень, из которой Стеллер делал целебные отвары, и, главное, была освоена охота на морских коров. Зверь этот, получивший впоследствии название «стеллерова корова», имел вкусное питательное мясо, а охота на него не составляла большого труда.

Понемногу становились на ноги больные, и все чаще возникали споры: что же делать дальше? Верный избранной практике, Ваксель и этот вопрос решил демократическим путем. Каждый из 45 человек, оставшихся к тому времени в живых, получил возможность высказать свое мнение. В ходе возникшей дискуссии выявились три варианта спасения: послать уцелевшую шлюпку с командой из пяти-шести человек в Петропавловск, с тем чтобы оттуда организовать спасение остальных; снять с мели «Святого Петра», отремонтировать его и продолжить плавание в Петропавловск; разобрать корпус пакетбота и из его деталей сделать небольшое судно типа гукера (автором этого варианта был Ваксель).

Железная логика Вакселя и его авторитет обусловили то, что данный проект был принят единогласно. Однако единомыслие это продолжалось недолго. Буквально на следующий день после голосования матрос Овцын начал категорически настаивать на восстановлении пакетбота. Ваксель снова собрал общее собрание, и на нем проект беринговского адъютанта с треском провалился. Последнего, впрочем, это ничуть не обескуражило. Более того, решение общего собрания о строительстве гукера Овцын не подписал, а в докладной записке на имя Вакселя изложил свои соображения. Суть их сводилась к тому, что повреждения «Святого Петра» можно исправить и с мели корабль можно снять. Какими средствами, чьими силами это можно сделать, Овцын не объяснил (если не считать ссылки на помощь всевышнего) ⁴².

Ваксель был добрый христианин, но ситуацию оценивал без учета возможных милостей небесных сил. Исходил же он из того, что корабль выброшен на мель и имеет подводные пробоины; внутренние помещения заполнены водой и песком; корпус присосало к грунту; рангоут находится в самом плачевном состоянии; якоря и руль потеряны.

Учитывая все эти факторы, можно сказать, что спасение «Святого Петра» было бы очень трудной задачей даже для современной техники, а с той, что располагал Ваксель, об этом печего было и думать.

Неудивительно, что Овцына пикто на собрании не поддержал. Однако со временем, когда замысел Вакселя столкнулся с известными трудностями, у Овцына появились единомышленники. Удастся ли построить гукер и спустить его на воду? Что будет, если в процессе строительства или спуска на воду разразится шторм? Не лучше ли все же отремонтировать пакетбот? Разумеется, эти скептицизм и брюзжание не могли не мешать делу. Вот тогда-то Ваксель и проявил необходимую твердость. Он решительно предупредил строптивного матроса о том, что решение было принято большинством и он не остановится перед применением силы в случае неповиновения.

После этого «оппозиция» притихла. Репительность Вакселя сомнений ни у кого не вызывала, а главное, его авторитет у подавляющего большинства подчиненных был непререкаем. Показателен, в частности, тот факт, что решением общего собрания Ваксель был освобожден от всякого труда, кроме руководства.

Итак, началось строительство гукера. Трудностей было много. Прежде всего в составе экспедиции не было судостроителей-профессионалов, а три судовых плотника к тому времени умерли. И неизвестно, удалось ли бы Вакселю реализовать свой проект, если бы не инженерная жилка сибирского казака Саввы Стародубцева. Участвуя в постройке «Святого Петра», он настолько хорошо освоил это дело, что смог возглавить и довести до успешного окончания строительство гукера. На этом небольшом парусно-весельном суденышке, названном также «Святой Петр», и добрались до Камчатки участники экспедиции. «Святого Павла» они там не застали: Чириков к тому времени уже ушел в Охотск. Что же касается его плавания к американским берегам, то оно также проходило при весьма драматических обстоятельствах.

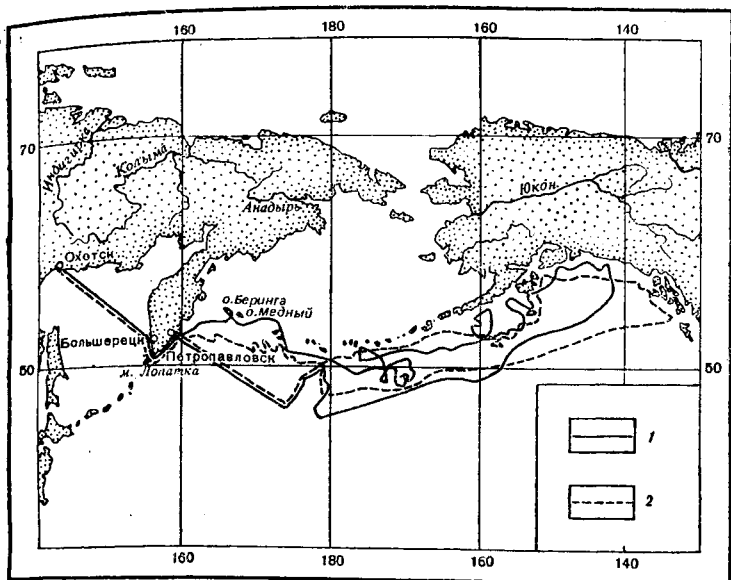
Я уже рассказывал вам о событиях, связанных с потерей 15 членов команды, а следствием их была не только перегрузка оставшихся судовыми работами, но и дефицит пресной воды. Пополнить же ее запасы у алеутов не удалось. Русские моряки на пакетботе и алеуты на своих байдарках, очевидно, не понимали друг друга.

Несмотря на все эти трудности и лишения, Чириков все же привел свой корабль в Петропавловск. На следующий год, сразу после открытия навигации, он вышел в море искать своего флагамена. Где это надо делать, он определил правильно. Однако туманы помешали Чирикову обнаружить Командорские острова.

А далее для моряков и пассажиров «Святого Павла» были зимовка в Петропавловске и переход морем в Охотск. К тому времени Чириков (после смерти Беринга он возглавлял экспедицию) сдал командование Вакселю и отправился с отчетом в Петербург.

В Адмиралтейств-коллегии и в сенате работа, проделанная экспедицией, произвела должное впечатление. Офицеры и часть матросов получили повышение в чинах. Так, например, боцман «Святого Павла» Алексей Иванов стал лейтенантом, Дмитрию Овцыну вернули офицерский шарф, Савва Стародубцев стал сибирским дворянином, а сам Чириков получил чин капитан-командора.

Кроме того, учитывая задолженность перед участниками экспедиции в деле продовольственного снабжения, казна выплатила каждому из них свыше 100 р.— сумму весьма солидную. Для сравнения напомним вам, что лейтенант русского флота получал в то время 180 р. в год, матрос же получал 2 р. с копейками⁴³.

Р и с. 8. Карта маршрутов Камчатских экспедиций

1 — В. Беринга (С. Вакселя); 2 — А. И. Чирикова

Георг Стеллер, став профессором, продолжил свои научные изыскания в Сибири и на Камчатке. При этом его решительный характер помог ему попасть в неприятную историю: он самовольно отпустил на волю группу арестованных камчадалов. Последовал донос одного из его врагов, и натуралист сам попал под арест. Правда, довольно скоро он вышел на свободу, но тяготы минувшего плавания и суровый климат Сибири подорвали его здоровье. В 1746 г. Георг Стеллер скончался.

Мартин Шпанберг решил, что его служба в Сибири окончилась, и самовольно отправился в Петербург, бросив вверенный ему пост. Однако в столице вместо наград Шпанберга ожидал суд. Самовольное оставление поста, инкриминируемые ему служебные злоупотребления и пр. обусловили то, что судьи признали виселицу достойной мерой наказания. Только вмешательство датского посла спасло его. Виселицу заменили разжалованием в поручики, а спустя некоторое время Мартин Шпанберг был даже восстановлен в звании. Дальнейшая его служба ни ему самому, ни русскому флоту славы не принесла.

Свен Ваксель был произведен в капитаны 2-го ранга и продолжил службу в русском флоте. Сын же его пошел по стопам отца. Командорская зимовка не охладила тияи Лаврентия Вакселя к морю и к службе под андреевским флагом.

А теперь позвольте мне поставить точку. Надеюсь, что рассказ мой пополнил ваши знания о Камчатских экспедициях, об их секретах и участниках.

Однако и на этот раз штурману не удалось закончить свое повествование. Помешала тому реплика Германа Николаевича: «А вам не кажется, Гепнадий Васильевич, что о секретах этих экспедиций можно говорить только с иронией? Я, слушая вас, пришел к выводу, что в столицах Европы об итогах экспедиции узнавали чуть позже, чем в Петербурге».

Подумав немного, штурман сказал: «Вопрос Германа Николаевича навел меня на мысль, что у вас могло возникнуть неправильное представление о том, по каким каналам происходила утечка информации. Считаю необходимым исправить данное недоразумение, но, разумеется, не сегодня».

На следующий день штурман начал свой рассказ с краткого обзора истории колониальной политики.

— Итак, уважаемые россияне, напомним вам, что на стыке XV и XVI вв. европейские мореплаватели открыли обе Индии — Вест-Индию (Америку) и Ост-Индию (морской путь в собственно Индию). Сделали это мореходы Португалии и Испании. Именно этим державам и достались первые плоды с древа колониальной экспансии.

Однако очень скоро в Мадриде и Лиссабоне убедились, что прочие европейские державы не собираются признавать их монополию на владение заокеанскими землями. Французский король Франциск I сказал, в частности, следующее: «Раз папа не уполномочен праотцом рода человеческого Адамом распоряжаться земным шаром, то и он (Франциск), такой же прямой потомок Адама, не считает себя связанным Тордесильяским договором»⁴⁴ (речь шла о договоре между Испанией и Португалией, по которому папа Александр VI разделил земной шар на сферы влияния между португальскими державами).

Одним словом, на открытый Колумбом материк устремились англичане, французы, голландцы. Прежде всего их интересовали драгоценные металлы и минералы. Но после того как они осознали, что благодатные земли Вест-Индии даже без золотых россыпей способны обога-

тить своих владельцев, острова Карибского моря и прилегающие к ним участки континента покрылись плантациями кофе, какао, сахарного тростника, табака, пряностей и прочих тропических культур. На рынках Европы они исправно превращались в золото.

Разумеется, колоннальные товары сами в трюмы кораблей не падали. Прежде всего необходимо было найти территорию, пригодную для колонизации (остров или прибрежный участок континента с хорошей гаванью и соответствующими природными ресурсами). Затем эту территорию следовало освоить. И наконец, требовалось организовать защиту вновь приобретенных владений от пиратов и от регулярных вооруженных сил враждебных держав. Все это было связано с большим риском, значительным расходом средств и немалым пролитием человеческой крови.

Открывателям новых земель приходилось пересекать океаны почти вслепую, не ведая, где удастся пополнить запасы пресной воды и продовольствия, а также отремонтировать корабль. Более того, вплоть до XVIII в. мореплаватели зачастую не знали, где они находятся, ибо имели более или менее точное представление только о своей широте. Что же касается долготы, то сложность ее определения наглядно показана в одном из сочинений известного английского писателя-сатирика XVIII в. Джона Свифта. Созданный его фантазией Ламюэль Гулливер совершил ряд удивительных путешествий (в страны лилипутов, великанов, лошадей, на летающий остров Лапуту и т. д.). В сверхдиковинной стране Лаггнег он мечтал стать бессмертным (там это было возможно) и дожидаться великих открытий человеческого разума: изобретения *perpetuum mobile*, открытия универсального лекарства от всех болезней и (обращая ваше внимание) способов определения долготы⁴⁵. Вот какой сверхтрудной задачей казалось определение координат даже в первой половине XVIII в.

Но особенно трудно приходилось мореплавателям, если у штурмана не было надежной карты. Сведения, на ней обозначенные, фигурально выражаясь, были начертаны кровью моряков и слезами их вдов. Неудивительно, что к картам относились с величайшим почтением. Они исполнялись на лучших кусках бумаги (пергамента) и украшались как произведения искусства.

Бородатые колебатели вод Нептуны и полногрудые нимфы, порождающие ветры Бореи и Зефиры, морские

чудища и аборигены дальних стран — все это было их неременной принадлежностью.

Само собой разумеется, что, кроме упомянутых атрибутов тогдашней эстетики, на карты наносились места удобных якорных стоянок, навигационные опасности, источники пресной воды, поселения туземцев, залежи полезных ископаемых и территории, пригодные для освоения, т. е. карты являлись как бы краткими итоговыми отчетами экспедиций. Неудивительно, что их берегли как документы исключительной ценности.

Карты, составленные в ходе Камчатских экспедиций, также берегли и скрывали от посторонних глаз. Например, в 1741 г. Академия наук попыталась издать карты первой экспедиции, но ей запретили сделать это. Описание же плавания «Святого архангела Гавриила» было изъято из фондов академии и хранилось в кабинете самой императрицы⁴⁶. Однако все эти меры оказались тщетными. Результаты обеих Камчатских экспедиций довольно быстро стали известны в европейских столицах.

Каким образом, по чьей вине произошла утечка секретной информации? Первые, на кого падает подозрение, — это иностранцы, служившие во флоте, в Академии наук и в коллегиях (министерствах) тогдашней России. Особенно преуспел в краже русских секретных карт Жозеф де Лилль — профессор Петербургской Академии наук.

Карты отправлялись за рубеж целыми ящиками, а тревожные сигналы, в частности со стороны профессора Бернулли, увы, слишком долго не доходили до ушей тех, кого это должно было касаться. Когда же мосье де Лилль решил сказать «адью» россиянам (а это случилось в 1774 г.), в Париже его ожидали 66 тыс. ф. (за «деликатные услуги» французской короне) и пожизненная двухтысячная рента (разумеется, все это плюс к русским накоплениям)⁴⁷. Отличились в кражах русских секретов и отцы иезуиты. Именно их стараниями копия карты Первой Камчатской экспедиции была переправлена в Польшу, оттуда в Париж, где ее и издали⁴⁸.

Очевидно, у вас возник вопрос: куда смотрели власти, призванные охранять интересы России? Кое-какие меры они принимали. Так, например, господ офицеров и профессоров старались не посвящать в некоторые детали предприятия. Вся корреспонденция экспедиции поступала в сенатскую канцелярию, где ее в случае необходимости переводили на русский язык, а оригиналы направ-

лялись в Академию наук. При этом всем участникам экспедиции запрещалось разглашать какую-либо информацию о предприятии.

И наконец, была предпринята попытка привлечь к ответственности шпионов. В частности, против Миллера и де Лилля возбуждалось дело по обвинению их в государственной измене⁴⁹. В ходе следствия ниточка потянулась к советнику академической канцелярии Шумахеру и... оборвалась. Скорее всего, у этих господ нашлись влиятельные заступники. Напомню, что Академия наук состояла в то время почти из одних иностранцев, среди которых личности вроде де Лилля не были исключением.

С другой стороны, нельзя все сваливать на иностранцев. В среде российских чиновников, даже самых высокопоставленных, было немало лпхоимцев, способных во имя личной корысти на предательство национальных интересов. К тому же служебные злоупотребления должностных лиц были обычным явлением, а отсюда вытекала самооправдательная формулировка: если можно светлейшему князю Меншикову — особе, приближенной к трону, или родовитому сановнику князю Гагарину, то мне и подавно можно. Настроения эти усугублялись чехардой на троне, т. е. неустойчивостью политической власти, имевшей место после смерти Петра I. Здесь штурман сделал паузу, и Женя позволил себе краткие комментарии: «Что и говорить, страшное это было время для России. Своих специалистов не хватало, иностранцы же, за пемпогим исключением, больше пеклись о своем кармане. Да и русские власти вспоминали о благе России, лишь когда это отвечало их личной выгоде».

— Вы несколько сгущаете краски, Женя, — возразил штурман. — Впрочем, заблуждения ваши вполне понятны. Мне придется прокомментировать свой рассказ, ибо у присутствующих могло сложиться неверное представление, что забвение государственных интересов с корыстными целями в XVIII в. было характерно только для должностных лиц России. На самом деле это не так. Например, прославленный английский полководец герцог Мальборо брал у своих и у чужих и деньгами и патурой. Бандит и мерзавец — так называли его не только иностранцы, но и соотечественники. Однако всемогущий герцог игнорировал и газетные памфлеты, и парламентские запросы, и недовольствие августейших особ⁵⁰. Испанское слово «камарилья» — в первоначальном своем значении клика царедворцев, расхищавших национальное достоя-

ние Испании,— стало международно-нарицательным термином. В Турции злоупотребления должностных лиц были столь обычным и, главное, неискоренимым явлением, что правительство и не пыталось с ними бороться. Более того, в Стамбуле сочли за благо установить особый налог на взятки. Тем самым «бакшиш» мужей Блистательной Порты получил законный статус⁵¹. И наконец, напомним вам, что в цивилизованной Западной Европе XVIII в. государственные должности (а также воинские звания) продавались государством совершенно официально.

В заключение хочу отметить, что к Камчатским экспедициям проявили огромный интерес колониальные державы Европы. Причем началась настоящая охота за материалами исследований. Русские карты оказались в Париже, Лондоне, Стокгольме, Мадриде, Амстердаме, Копенгагене, Варшаве. Особые волнения успехи русских первооткрывателей вызвали в Испании и Англии.

Мадрид все еще считал, что у него особые права на Новый Свет хотя бы потому, что последний открыт испанцами и сам наместник святого Петра соизволил побожески разделить его между Испанией и Португалией. Конечно, горькая необходимость заставила испанскую корону со временем терпеть там прочие европейские державы, но каждая из них в той или иной форме сталкивалась с испанским противодействием. Не избежала этого и Россия.

Все началось с донесения испанского посла при русском дворе. В нем Мадрид информировался о том, что русские экспедиции на Тихом океане носят враждебный испанским интересам характер, в частности о том, что русские высадили на Аляске вооруженный отряд, который мог добраться аж до самой Калифорнии⁵². Коварные москвиты, по его представлению, вполне могли высадить разведывательный отряд с целью поиска богатых земель, не освоенных испанцами, или, еще хуже, для того, чтобы вступить в контакт с индейцами и натравить их на испанцев (подобные приемы были обычной практикой в колониальной борьбе европейских держав).

Несколько позднее очередной испанский посол сообщал Мадриду о грандиозной по масштабам экспедиции, которую русские секретно готовят в Архангельске к берегам Северо-Восточной Америки (очевидно, эта информация была следствием слухов об экспедиции Чичагова).

Нетрудно догадаться, что основания для своих панических реляций испанские дипломаты черпали из источ-

ников, заслуживающих критического отношения. Слухи о фактических событиях, многократно искаженные и превратно истолкованные, отправляли в Мадрид, а оттуда в Мексику, где тамошние вице-короли приписывали соответствующие меры⁵³. В частности, на побережье Калифорнии были основаны укрепления Сан-Диего и Сан-Франциско. (В настоящее время, как известно, это крупные портовые города США.) Кроме того, в 1774 г. испанский военный корабль прибыл в Русскую Америку. То, что наблюдал его капитан, очевидно, произвело на него впечатление: обмен салютами, визитами и прощание если не дружеское, то, во всяком случае, вежливое. После этой разведки в Мадриде осознали, что с русским соседством в Америке придется примириться.

Несколько по-иному отнеслись к Русской Америке англичане. Джеймс Кук, побывав на стыке двух континентов, проверил данные, нанесенные на русские карты, отметил их исключительную точность и воздал по сему случаю хвалу Берингу, затем, следуя вдоль берегов Аляски, он объявил собственностью британской короны весьма значительные территории, в том числе и те, которые до него посетили русские исследователи и промышленники.

Замечу, что комплименты Кука адресованы не тому, кому следует. Карта Северо-Восточной Азии была составлена в ходе Первой Камчатской экспедиции лейтенантом Чириковым и мичманом Чаплиным⁵⁴. Кроме того, английский мореплаватель позволил себе еще одну инициативу по части географии — он назвал пролив, отделяющий Азию от Америки, «Берингов». Я сознательно уклоняюсь от обсуждения вопроса, чье же имя должен носить этот пролив, по одну знаменательную, по-моему, деталь стоит напомнить.

Как я вам рассказывал, официально Беринг отправлялся в экспедицию для подтверждения наличия пролива, уже имеющего название — Аниап (Анианский). Кроме того, в ходе экспедиции он получил информацию Г. Миллера о плавании сибирских казаков из Северного Ледовитого океана в Тихий (экспедиция Алексеева—Дежнева)⁵⁵, т. е. Беринг знал, что он не первый европеец, прошедший Анианом из океана в океан. Очевидно, именно этими соображениями можно объяснить то, что Беринг не дал проливу никакого названия.

Что же касается Кука, то он по-своему исправил возникшее недоразумение, и инициатива его получила одоб-

рение у географов Европы. А имя Семена Дежнева было увековечено в названии самого восточного мыса Азии. Сделано это было в конце XIX в. по инициативе Нильса Норденшельда — выдающегося шведского ученого и путешественника ⁵⁶.

Один из заливов Аляски носит имя А. Чирикова. Недалеко от него Жан Лаперуз потерял в прибрежных бурунах две шлюпки своей экспедиции. Именно тогда прославленный французский мореплаватель вспомнил об аналогичной трагедии со шлюпками «Святого Павла» и записал в своем дневнике, что назвал залив «в честь знаменитого русского моряка, который в 1741 г. высадился в этом районе».

Русская миссия в Японию¹

В том человека украшеньё
И честь, живущая века,
Что сердцем чует он значенье
Того, что делает рука.

Ф. Шиллер

Как-то раз очередная остановка нашего корабля для проведения океанографических замеров была сделана в районе, загрязненном отходами современной цивилизации: пробками, бутылками, пластмассовыми емкостями и др. При этом наше внимание привлек плававший у борта красный буй, как потом выяснилось, японского происхождения. У него были пластмассовый корпус, радиолокационный отражатель, миниатюрный сигнальный радиопередатчик. Разговор сразу же зашел об успехах японцев в электронике, судостроении, машиностроении — одним словом, о научно-техническом феномене Страны восходящего солнца. При этом штурман Соловьев заметил, что на заре развития японского судостроения учителями японцев были американцы и европейцы, в частности русские. Упоминание о наших соотечественниках заинтересовало присутствующих. Последовала просьба рассказать, когда и при каких обстоятельствах русские учили японцев. Геннадий Васильевич, посмотрев на часы, сказал: «Сейчас некогда, может быть, вечером, если ничто не помешает». А когда наступил вечер, мы услышали следующее.

В 1855 г. в Японию прибыли два русских фрегата — «Паллада» в Нагасаки и «Диана» в Симода. На борту первого находилась русская дипломатическая миссия во главе с адмиралом Путятиным. После благополучного завершения переговоров об установлении дипломатических и торговых отношений «Паллада» отбыла к русским берегам. Что же касается «Дианы», то она, став жертвой цунами, навечно осталась в японских водах. Члены ее команды оказались в достаточно сложном положении. Дело в том, что шла Крымская война и англо-французская эскадра атаковывала русские владения и флот на Тихом океане.

Однако, несмотря на все это, Путятин принял решение покинуть Японию на корабле под андреевским флагом. Это судно предполагалось построить на японской земле из японских материалов силами членов экипажа «Дианы». Очевидно, такое решение было продиктовано желанием произвести выгодное впечатление на японцев. К тому же среди спасенных с фрегата документов находился комплект чертежей шхуны — сравнительно небольшой и несложной по конструкции. Припять на борт всех диановцев она бы не смогла, но, очевидно, игра стоила свеч — так, во всяком случае, полагал Путятин. Для перевозки же остальных он зафрахтовал нейтральный корабль.

Узнав о намерении русского адмирала, японские власти обещали ему содействие и, как показало дальнейшее развитие событий, сдержали свое обещание. В бухте Хеда были построены вердь и кузница, там же был смонтирован токарный станок. А с целью ускорения строительства были наняты японские мастеровые, которым предстояло на ходу осваивать опыт русского судостроения, так как японские плоскодонные джонки не выдерживали никакого сравнения с русскими кораблями.

Примечательно и то, что трудная наука строительства корабля не только на практике постигалась японскими плотниками, конопатчиками, кузнецами и токарями. Полученные знания фиксировались и на бумаге специально назначенными для этого чиновниками. При этом между учителями и учениками сложились дружеские взаимоотношения. Например, японцы снабжали одеждой тех русских моряков, чья форма не соответствовала погоде, а японки угощали русских моряков деликатесами национальной кухни.

Когда же настал день спуска шхуны (ее называли «Хеда» в честь места постройки), на церемонию прибыли представители японских властей, многочисленные зрители.

Построенный русско-японскими усилиями корабль имел длину около 21 м, ширину 6 м, две мачты с гафельным парусным вооружением, стаксель, кливер, а также шесть пар весел. При попутном ветре он развивал скорость 10 узлов, а кают-компания, каюты, камбуз, баталерка и кубрик обеспечивали нормальные условия для плавания 50 человек.

Далее события развивались следующим образом «Хеда» вышла в море, держа курс на Петропавловск.

По прибытии в этот порт выяснилось, что русская эскадра ушла на юг, в район Татарского пролива. Туда же направилась и «Хеда». В пути она была обнаружена вражескими кораблями, которые преследовали ее, но не смогли догнать. Затем, когда отгремели залпы англо-французских орудий у русских берегов, шхуна ушла в Японию, где 25 ноября 1856 г., после ратификации русско-японского договора, была подарена японскому правительству. На месте постройки шхуны в настоящее время существует музей, где экспонируются модели «Дианы» и «Хеды».

Следующий урок судостроения, точнее говоря, судоремонта японцы получили от русских спустя пять лет после описанных событий. В то время интересы России на Тихом океане защищала эскадра, состоявшая из фрегатов, корветов, клипперов. Ввиду того что Сибирское побережье было обжито очень слабо, да и климат в русских владениях суровый (длительный ледостав), корабли эскадры для отдыха экипажей и для ремонта заходили в китайские и японские порты. Об одном из таких визитов в Нагасаки и пойдет речь. Но, прежде чем переходить к нему, следует сказать, что процесс европеизации Японии был далеко не безболезненным. В правящих кругах страны еще не успели отрешиться от негативного отношения ко всему европейскому. Привыкшие не церемониться в отношениях с аборигенами Азии, европейцы пытались перенести эту практику и на Японию, в частности пытались провозить в страну запрещенные товары (например, опиум), рассчитываться фальшивыми деньгами, наконец, дело доходило до откровенной грубости по отношению к представителям властей и даже до рукоприкладства.

Именно тогда в порт Нагасаки зашел для ремонта русский фрегат «Аскольд». Наблюдая за действиями его экипажа, горожане отмечали, что русские исправно платили за все товары и услуги. К ремонтным работам они привлекали местных мастеров, которые оказались старательными и способными учениками. Жители Нагасаки обращали внимание на то, что русские вели себя корректно, не демонстрировали своего превосходства, дружелюбно относились к японцам. Все это способствовало устранению чувства настороженности и даже боязни чужестранцев. Моряки «Аскольда» научились кое-как объясняться по-японски. Что же касается купцов, чиновников и мастеровых, то они с большим рвением приня-

лись изучать русский. По их просьбе офицеры фрегата даже организовали что-то вроде курсов русского языка.

Впоследствии один из офицеров вспоминал эпизоды, совершенно беспрецедентные для тогдашней Японии. Русских моряков приглашали в гости, а пока хозяйка готовила угощение, они нянчили ребятишек, случалось помогали и по дому. Иногда японцы брали русских матросов под защиту, когда на них обрушивалось начальство. Японские мастеровые также поминали добром своих наставников. Они не только учились ремонтировать корабли, но и получали при этом приличное жалованье.

Однако особое расположение японцев вызвали оперативные действия моряков при тушении пожара. Возник он на территории голландской фактории и чуть было не перекинулся на жилые кварталы. Плохо пришлось бы тогда жителям Нагасаки, если бы не русские, первыми обнаружившие пожар. Их умело организованные действия (с использованием корабельных средств пожаротушения) предотвратили распространение огня.

Когда же работы по ремонту «Аскольда» закончились и настало время покинуть Нагасаки, много людей собралось на набережной, чтобы продемонстрировать русским морякам свое расположение и дружелюбие. А глава местной администрации, будучи тяжело больным, приказал принести себя в порт на носилках, чтобы лично попрощаться с русскими. Провожая «Аскольд», в море на лодках вышли жители Нагасаки, крича по-русски: «Прощайте! Не забывайте нас!»

В заключение стоит остановиться на том, что русские моряки участвовали в подготовке кадров для японского флота. А было это так.

В конце 1861 г. в порт Хокодате зашел русский корвет «Посадник». К его командиру капитану 2-го ранга Бирилеву обратился местный губернатор с просьбой помочь японским морякам ознакомиться с техникой вождения корабля европейской конструкции. Короче говоря, речь шла об учебном плаваньи, в ходе которого русские должны были руководить практикой японских моряков. Что же касается корабля, то им оказался барк, незадолго до того купленный японскими властями у голландцев.

Бирилев дал свое согласие и поручил обучение японцев лейтенанту Шанцу, гардемарину Генбачеву и пяти матросам, выделив запасы продовольствия на четыре месяца. Надо сказать, что задача, поставленная перед Шанцем, была не из легких: во многом мешал языковой

барьер, да и сроки на подготовку были сжаты. К тому же Тихий океан, получивший свое название явно по недоразумению, преподнес немало сюрпризов.

Вступив на борт корабля, группа Шанца никого, кроме охраны, на нем не обнаружила. Когда появятся их ученики, было неизвестно. Однако все это не смутило Шанца и его подчиненных. Они немедленно приступили к освоению барка, а когда прибыли члены японской команды, началось их обучение.

Когда лейтенант Шанц убедился, что команда в достаточной степени освоила барк, он приказал поднять якорь. Японский губернатор, учитывая важность плавания, решил лично участвовать в нем. Однако вскоре он убедился в том, что переоценил свои силы. Через восемь часов плавания, когда барк достиг широты порта Авамори, губернатор сошел на берег и дальнейшую часть пути продолжал привычным для него способом.

Погода в целом была благоприятная, но без происшествий дело не обошлось. Одно из них имело трагические последствия. Порыв ветра оборвал шкот, и русскому матросу Макару Соцкому было приказано устранить неисправность. Однако то ли роковая случайность, то ли оплошность матроса стала причиной того, что он сорвался с реи и утонул. Японские моряки были потрясены случившимся. Шанцу пришлось вновь провести ряд совместных тренировок, чтобы поднять дух у своих подшефных.

22 ноября барк сделал заход в Йокогаму, а затем в порт, который у Шанца назывался Йедо (очевидно, речь шла о Йокосуке). Там корабль посетили высокопоставленные представители японской администрации, которые осмотрели барк, ознакомились с его маршрутом, экипажем и остались довольны. Русские моряки получили при этом благодарности и подарки (материю и лакированные шкатулки). Затем барк принял груз, поднял якорь и 4 февраля 1862 г. благополучно вернулся в Хокодате.

В результате этого плавания у японских властей зародились честолюбивые планы отправить японский корабль с грузом товаров в Ботанию (Джакарту).

Командир «Аскольда» (вероятно, на основании информации Шанца) отмечал в своем донесении, что слабая подготовка японских офицеров, и прежде всего штурманов, а также отсутствие опыта трансокеанских переходов делают эту акцию рискованной.

Как видим, деловые контакты между русскими японскими моряками были весьма плодотворными. То, что дружба между двумя народами вполне возможна, русские понимали. Так, офицер фрегата «Аскольд» лейтенант Литке писал: «Только Россия может без насилия утвердить свое влияние в Японии. Они (японцы и русские) соседи. Японский народ симпатизирует русским. Когда Япония займет важное место в вопросах азиатской политики, русско-японские дипломатические связи окажутся полезными для обеих стран».

Послесловие

Известно, что воспитание чувства национального самосознания и патриотизма у подрастающего поколения невозможно без знания славных деяний предков. Обратившись к историческому прошлому России, я обнаружил несколько страниц, мало известных широкому читателю. И связаны они с Русской Америкой. Мне приходилось встречать людей, которые всерьез полагали, что Аляска была продана Соединенным Штатам лишь на 99 лет, тем более они не знали, что владения Русской Америки кончались у Сан-Франциско.

Вера фон Вирен-Горчинская, американка русского происхождения, профессор Нью-Йоркского университета, президент Славяно-американского общества культурного наследия, приехавшая в нашу страну с намерением снять телефильм «Русская Америка», с сожалением отметила, что в Соединенных Штатах о Русской Америке школьники знают даже больше, чем взрослые граждане Советского Союза.

Я надеюсь лишь отчасти восполнить этот пробел, рассказав о некоторых эпизодах из истории возникновения Русской Америки. При этом я старался избегать категорических суждений и выводов, считая, что читатель их может сделать сам. И, пожалуй, главное, на что надеется каждый автор,— это отклики на поднятые им в книге вопросы и выдвинутые гипотезы.

Источники (извлечения из них)

Откуда пошла «Российская Америка»

«Есть на куковских картах к северу: на одной реке живут те люди, а у нас об них разные слухи, о коих мы между разными тогда напоминали, желая как бы с ними видеться» *из В. Очерки России. М., 1842. Кн. 5: Распространение православной веры в Америке. С. 226).*

«Предобрейший и пречестнейший милостивый государь мой, Назарий, со всею любезною... братнею, радоваться Вам желаю. Я Вам одно письмо неясное, которое должно было отдать Архимандриту для передачи к Вам через компаньонов и конечно было ему не читать, для того и не мог я написать в то чтобы Вы о нашем состоянии могли узнать чрез Преосвященному которому я писал секретно о многих вещах, о чем изволиваться: в том упомянул и о русских людях, но не сказал, ни дошли. Здесь слухи о них носят такие: что они новгородское время царя Ивана Васильевича ушли в Сибирь и, по Лене живя, пришли на Колыму, сделали 7 судов, называемых челноками, и с Колымы перешли на Анадырь. Тут одно судно разбило, его люди вышли на берег: начали жить, сделали церковь, копил и поныне цел, и сделали ныне тут город Анадырьск; прочие суда пошли в море и пристали 5 к Ижиге, в Якум, в Танску, той девалялся без вести, то и думаю, что непременно то судно село в Америку и живут тут, где ныне слышим, а при отписании сего моего письмеца, когда я, его до сего места тихонько в маленькой кухоньке дописавши, пошел в горницу, в коей живут и отправляется вместо церкви служба и всегда прихожанины, услышал там от приехавших с матерого от Лебединской компании, что те русские люди от них близко и хотя они с еще не видались, но очень слышно и получили через других большие с надписью тех русских: живут же они, как слышно в большой реке, и рыба в ней сибирских рек, которой у нас на Каме нет. Есть же у них и русская рыба щука, и палим, и если батюшка, какая-нибудь помощь со стороны царской, то весьма можно добра получить, а с купцами очень неудобно привозить здешний народ, потому что они только стараются о богатстве и много обижают бедных американцев, о чем я к Преосвященному писал пространнее. Вас же, государь батюшка, прошу: пожалуйте, сколько-нибудь своими советами тому моему донесению и в пользу здешнего бедного народа...» (Там же. С. 230—233). *Бакли У.* Австралийский робинзон. М., 1961; *Стеллер Г. В.* Записки в Америку. Л., 1928. С. 11.

Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948. С. 115.

Там же. С. 92.

Парас Стадухин, пытавшийся в 1648 г. пройти маршрутом Камовского пролива, писал, что в Пенжинском море живут люди бородатые,

по платью и рукоделию своему с русскими имеют сходство. А. Макензи писал о наличии на Аляске «белых людей» (аборигенов). См.: *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии конца XVIII века — 1867 г. М., 1968 (рукоп.).

⁶ *Ефимов А. В.* Указ. соч. С. 135; *Берг Л. С.* Открытие русскими Северо-Западной Америки. Пг., 1920. С. 40.

⁷ *Ефимов А. В.* Указ. соч. С. 135.

⁸ Там же. С. 67.

⁹ Там же. С. 65.

¹⁰ *Герберштейн С.* Записки о Московии. СПб., 1866. С. 125.

¹¹ *Ефимов А. В.* Указ. соч. С. 37.

¹² *Алексеев А. И.* Судьба Русской Америки. Магадан, 1975. С. 32; *Берг Л. С.* Открытие... С. 4.

¹³ *Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. М.; Л., 1940. С. 168.

¹⁴ *Шелихов Г. И.* Российского купца Г. Шелихова странствия из Охотска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровск, 1971. С. 56.

¹⁵ Там же. С. 59.

¹⁶ *Обручев В. А.* Плутония. Земля Санникова. М., 1958. С. 348.

¹⁷ *Шелихов Г. И.* Указ. соч. С. 59.

¹⁸ Там же. С. 58.

¹⁹ *Берг Л. С.* Известия о Берингове проливе и о его берегах до Беринга и Кука. Пг., 1920. С. 7–8.

²⁰ *Бадигин К.* По студеным морям. М., 1956. С. 167.

²¹ Там же. С. 169.

²² *Марков С. Н.* Земной круг. М., 1967. С. 119.

²³ *Бадигин К.* Указ. соч. С. 168; *Марков С. Н.* Указ. соч. С. 320–321.

²⁴ «...На американской земле Хевроне в острожке, называемом Кыпговой, жительство имеют российские люди, разговор имеют по-русски ж, читают книги, пишут, поклоняются иконам... у живущих там россиян бороды густые и большие» (*Ефимов А. В.* Указ. соч. С. 230).

²⁵ «Прелюбезные мои по плоти братцы, жительствоющие на большой, почитаемой американской земле, если вы веры греческого вероисповедания, кои веруют в распятого господа нашего Иисуса Христа, и просвященные святым крещением люди имеетесь, то изъясняю вам, что я, во-первых, послан из Гижигинской крепости в Чукотскую землицу для примечания, и ис той землицы, быв на Имагле-острове, который против самого Чукоцкого Носу, и чрез тутошнего старшину Кангуню Мамахунина разведал об вас...» (*Ефимов А. В.* Указ. соч. С. 230).

²⁶ Там же. С. 231.

²⁷ *Греков В. И.* Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960. С. 203; *Ефимов А. В.* Указ. соч. С. 146.

²⁸ *Алексеев А. И.* Ученый чукча Н. Дауркин. Магадан, 1961. С. 34.

²⁹ *Ефимов А. В.* Указ. соч. С. 147.

³⁰ *Федорова С. Г.* К вопросу о ранних русских поселениях на Аляске // *Летопись Севера.* М., 1964. Кн. 4. С. 97–111.

³¹ *Марков С. Н.* Указ. соч. С. 288.

³² *Макаров Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968. С. 397.

³³ *Федорова С. Г.* К вопросу... С. 104.

³⁴ *Обручев С. В.* Тайные истории. М., 1973. С. 19.

Бадигин К. Указ. соч. С. 146—149.

Марков С. Н. Указ. соч. С. 339.

Ефимов А. В. Указ. соч. С. 151.

«... В 1937 г. партия, производившая землемерную съемку акров на Кенайском полуострове, у Касилова, обнаружила и частично сожженного селения, покрытые наслоениями, гывающими по крайней мере 300 лет. Частичные раскопки об- гибли 31 хорошо сохранившийся дом размером 15×22 фута и гов высоты; стены толщиной 4 дюйма были сделаны из песка, чей, бревен, дерна. В центре каждого дома имелось место для Размер домов исключал возможность принадлежности их осам, даже если бы эскимосы обитали в этом районе, о чем никаких данных. Конструкция стен свидетельствует о том, что е могли быть сооружены индейскими племенами Аляски... льку в этой части Аляски, кроме русских, других европейцев ло, можно предполагать, что эти дома были построены ими» чета губернатора Аляски 1937 г.) (см.: *Бадигин К.* Указ. соч.).

Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии. М., С. 7—8 (рукоп.).

«...Стеллер узнал от коряков, что среди жителей Америки арод, похожий на русских. У одного чукчи он приобрел блю- крустированное костью и железными гвоздями. Стеллер счи- го русской работы» (*Берг Л. С.* История русских географиче- откритий. М., 1962. С. 72). Весьма похожую информацию при- Г. Миллер: «... с восточной стороны Чукоцкого Полу есть за острова или матерая земля, которые вышеомянутому от фора Малчина объявленному острову отчасти подобны; боро- люди и долгое платье оным известием подтверждаются; от е получают деревянные чашки, которые с русской работою во сходны; и надеются, что помянутые люди подлинно от рус- людей произошли, которых прадеды во время бывших в пре- годы морских путей имели на море несчастье, на сих остро- ли матерой земле остались» (*Ефимов А. В.* Указ. соч. с. 223).

Берг Л. С. История... С. 72.

Марков С. Н. Указ. соч. С. 377, 564.

Алексеев А. И. Указ. соч. С. 311.

Пассек В. Указ. соч. С. 226.

Шелихов Г. И. Указ. соч. С. 120.

Алексеев А. И. Указ. соч. С. 155.

Там же. С. 132.

Там же. С. 132.

Прожект учреждения «Российской Вест-Индии»

Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом оке- М., 1948. С. 177.

Там же. С. 179.

Там же. С. 182.

Там же. С. 185.

Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., С. 87.

Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики. М.; Л., С. 123, 185.

Варшавский А. Колумб Австралии. М., 1971.

Индокоеанская экспедиция Петра I

¹ *Тарле Е. В.* Очерки истории колониальной политики. М.; Л., 1965. С. 128.

² *Тарле Е. В.* Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949. С. 115–119; *Веселаго Ф. Ф.* Краткая история русского флота. СПб., 1893. С. 49–50; *Россия и Запад: Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом.* Пг., 1923. С. 91–102; *Зейдель И.* Снаряжение первой дальней экспедиции в царствование Петра Великого в 1723 году // Мор. сб. 1867. № 9. С. 65–83.

³ *Веселаго Ф. Ф.* Указ. соч. С. 50.

⁴ *Тарле Е. В.* Русский флот... С. 64; *Веселаго Ф. Ф.* Указ. соч. С. 49–50.

⁵ *Тарле Е. В.* Очерки... С. 320.

Американская негодинация вятского кунца

¹ *Замятин Г. А.* Ксенофонт Алексеевич Анфилов: Очерки его жизни и деятельности. СПб., 1910.

² *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений, 1775–1815 гг. М., 1965. С. 18 (рукоп.).

³ «Сиятельнейший граф, милостивый государь Николай Петрович! Поощряем будучи неусыпным Вашего сиятельства о распространении российской внешней торговли и кораблестроения попечением, построил я в Архангельске собственно мне принадлежащих пять кораблей, которые ныне продолжают плаванье только в европейские порты.

Мое желание – стремиться пачать торговлю непосредственно в Северо-Американских областях и доставить туда наши продукты и товары, а напротив того привозить оттоле наличные произведения на собственных российских кораблях, куда и намерен отпирать от Санкт-Петербургского и Архангельского портов из оных три корабля. Но как первый опыт сопряжен со многими излишними расходами, сверх того статья может по новости, что наши товары в убыток, в вознаграждение чего осмелюсь Ваше сиятельство покорнейше просить исходатайствовать у его императорского величества высокомогущую милость, какую высочайшей воле даровать будет благоугодно.

С глубочайшим высокопочитанием и преданностью имею счастье быть Вашего сиятельства милостивого государя всепокорнейший слуга Ксенофонт Анфилов.

«Декабря дня. 1805».

(Там же. С. 18).

Загадки Камчатских экспедиций

¹ Третье плавание капитана Дж. Кука: Плавание в Тихом океане 1776–1780 гг. М., 1971. С. 25.

² *Блон Ж.* Великий час океанов: Тихий океан. М., 1980. С. 59.

³ Плавание Василия Чичагова // Мор. флот. 1977. № 9.

⁴ *Ефимов А. В.* Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948. С. 19.

⁵ «...Я вспомнил на сих днях то, о чем мыслял давно и что другие дела предпринять мешали, т. е. о дороге через Ледовитое море в Китай в Индию. На сей морской карте проложенный путь, называемый Авиан, назвачен не напрасно. В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Оградя Отечество безопасностью от неприятеля, на-

ит находить славу государства через науки и искусства» (Там С. 19).

⁹ *Бадигин К.* По студеным морям. М., 1956. С. 170.

¹ *Берг Л. С.* Открытие русскими Северо-Западной Америки. Пг.,

¹ «Инструкция, высочайше данная флота капитану Берингу. Открытии соединения Азии с Америкой.

1. Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один два бота с палубами.

2. На оных ботах возле земли, которая идет на норд и по чая- (понеже оной конца не знают) кажется, что эта земля часть Аики.

3. И для того искать, где она сошлась с Америкой, и чтоб до- до какого города европейских владений; или ежели увидят й корабль европейский, проведать от него, как опой кюст на- ется, и взять на письмо, а самим побывать на берегу и взять инную ведомость, и, поставя на карту, приезжать сюды» (*Ефи- А. В.* Указ. соч. С. 19).

⁹ *Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. П., 1940. С. 154.

¹⁰ Там же. С. 27.

¹¹ *Кушнарев Е. Г.* В поисках пролива. Л., 1976. С. 12.

¹² Там же. С. 9–10.

¹³ Там же. С. 11.

¹⁴ Там же. С. 150.

¹⁵ Там же. С. 12.

¹⁶ *Ефимов А. В.* Указ. соч. С. 259.

¹⁷ Морской атлас. М., 1959. Т. 3: Описания к картам. С. 246.

¹⁸ *Ефимов А. В.* Указ. соч. С. 136.

¹⁹ Россия и запад: Экспедиция на Мадагаскар при Петре Ве- ом. Пг., 1923. С. 92.

²⁰ *Ефимов А. В.* Указ. соч. С. 206.

²¹ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 154.

²² *Ефимов А. В.* Указ. соч. С. 155, 234–235.

²³ *Поло М.* Путешествия. Л., 1940.

²⁴ «На востоке в океане-море, от китайских рубежей верст с сот, лежит остров зело велик, именем Напония. И в этом ост- большие богатства, нежели в Китайском государстве, обрета- и, руды серебряные и золотые и иные сокровища. И хотя обы- и письмо их то же с китайским, однако они люди свирены, суть го ради многих изувитов казнили, которые для проповедова- веры прибыли» (*Берг Л. С.* Открытие Камчатки и Камчатские едии Беринга. М.; Л., 1924. С. 25).

²⁵ *Дефо Д.* Жизнь и удивительные приключения Робинзона 30. М., 1971. С. 291.

²⁶ *Ефимов А. В.* Указ. соч. С. 68.

²⁷ *Берг Л. С.* Указ. соч. С. 5.

²⁸ *Ефимов А. В.* Указ. соч. С. 129; *Греков В. И.* Очерки из исто- русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960.

²⁹ *Берг Л. С.* Указ. соч. С. 84.

³⁰ *Латышев И.* Труд профессора Корияма // Правда. 1981.

³¹ *Ефимов А. В.* Указ. соч. С. 199.

³² *Шелихов Г. И.* Русского купца Г. Шелихова странствия из гска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровск, . С. 123.

- ³³ *Сергеев М. А.* Самураи на Камчатке // Летопись Севера. М., 1964. Кн. 4. С. 233.
- ³⁴ Там же. С. 229.
- ³⁵ *Кушнарев Е. Г.* В поисках пролива. Л., 1976. С. 16.
- ³⁶ *Белов М. И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XVIII в. М., 1956. С. 256; *Кушнарев Е. Г.* Указ. соч. С. 111; *Соколов А. П.* Беринг и Чириков // Сев. пчела. 1849. № 98. С. 392.
- ³⁷ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 116.
- ³⁸ *Веселаго Ф. Ф.* Список русских военных судов 1668–1860 гг. СПб., 1872. С. 712.
- ³⁹ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 46, 70, 76, 130.
- ⁴⁰ *Сталлер Г.* Из Камчатки в Америку. Л., 1928. С. 83.
- ⁴¹ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 89.
- ⁴² Там же. С. 167.
- ⁴³ *Веселаго Ф. Ф.* Краткая история русского флота. СПб., 1828.
- ⁴⁴ *Тарле Е. В.* Очерки истории колониальной политики. М.; Л., 1965. С. 38.
- ⁴⁵ *Свифт Д.* Путешествия Гулливера. М., 1955. С. 284.
- ⁴⁶ *Кушнарев Е. Г.* Указ. соч. С. 147.
- ⁴⁷ Там же. С. 164.
- ⁴⁸ *Белов М. И.* Указ. соч. С. 256.
- ⁴⁹ *Марков С. Н.* Земной круг. М., 1976. С. 519.
- ⁵⁰ *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. М., 1968. С. 8.
- ⁵¹ *Черняк Е. Б.* Пять столетий тайной войны. М., 1972. С. 264.
- ⁵² Третье плавание капитана Дж. Кука: Плавание в Тихом океане 1776–1780 гг. М., 1971. С. 11.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ *Белов М. И.* Указ. соч. С. 256.
- ⁵⁵ *Ефимов А. В.* Указ. соч. С. 218, 228.
- ⁵⁶ *Насецкий В. М.* Норденшельд Н. А. М., 1979. С. 198.

Русская миссия в Японию

- ¹ Мор. сб. 1860. № 13; Мор. флот. 1983. № 11.

Содержание

Предисловие	3
Откуда пошла «Российская Америка»	4
Проект учреждения «Российской Восточной Индии»	46
Индокитайская экспедиция Петра I	60
Американская негоциация вятского купца	84
Загадки Камчатских экспедиций	94
Русская миссия в Японию	141
Послесловие	147
Источники (извлечения из них)	148

Чекуров М. В.

- Ч37** Загадочные экспедиции.— М.: Наука, 1991.— 2-е изд., перераб., доп.— 160 с.: ил.— (Серия «Человек и окружающая среда»).

ISBN 5-02-002221-7.

Книга представляет собой серию очерков, рассказывающих о малоизвестных фактах из истории Камчатских экспедиций под руководством Витуса Беринга, об освоении Аляски русскими первопроходцами. Столь же малоизвестны эпизоды, иллюстрирующие первые попытки России установить контакты с Индией и Мадагаскаром в XVIII в. и с Соединенными Штатами Америки в начале XIX в. Очерки написаны в форме живой и увлекательной беседы, позволившей изложить различные точки зрения по затронутой тематике. Первое издание книги было с интересом встречено читателями, прославившими как положительные отклики, так и ряд замечаний, которые устранены в настоящем издании. Кроме того, автор внес ряд новых материалов.

Для широкого круга читателей.

Научное издание

Чекуров Михаил Валентинович

ЗАГАДОЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Изд. 2-е, переработанное, дополненное

Редактор издательства Л. И. Приходько

Художник Ю. Г. Макаров

Художественный редактор Н. Д. Богачев

Технический редактор Т. А. Калинина

Корректоры Л. А. Лебедева, И. А. Измеева

ИБ № 48552

Сдано в набор 04.10.90

Подписано к печати 08.02.91

Формат 84×108¹/₃₂

Бумага газетная

Гарнитура обыкновенная новая

Печать высокая

Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр. отт. 9,2. Уч.-изд. л. 9,2

Тираж 50 000 экз. Тип. зак 1017

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука»

630077, г. Новосибирск, 77, Станиславского, 25

Готовятся к печати книги:

Беус А. А.

Путешествия в тропиках за самоцветами

1991, 12 л., 1 р.

Книга представляет серию очерков о поездках по наиболее выдающиеся месторождения самоцветов мира. Описано посещение уникальных месторождений изумрудов Колумбии, древних изумрудных копей царицы Клеопатры в Египте, месторождение нового самоцвета танзанита в Танзании, россыпей самоцветов в Южной Индии, Шри-Ланке и Бирме, разработок самоцветов на Мадагаскаре, месторождения цветных турмалинов Новой Англии (США), негматитового карьера в джунглях Суринама. Рассказано о благородных кораллах на Гавайских островах. Характеризуется природная красота самоцветов и их значение для человека. Книга иллюстрирована цветными фотографиями.

Для широкого круга читателей, особенно для любителей цветных камней.

Вахрушев В. А.

Камень. Человек. Время.

1991, 10 л., 80 к.

В книге рассказано об использовании человеком природного камня в архитектуре, строительстве, искусстве с древнейших времен до наших дней. Особое внимание уделено каменному убранству городов, памятникам и произведениям мастеров-литейщиков. Приведены сведения об исторических архитектурных ансамблях, древних подземных жилищах и городах, обо всех важнейших поделочных и ювелирных камнях, их удивительных свойствах. Читатель познакомится и с тем, какую роль камень-самоцвет играл в русской литературе.

Для всех, кто интересуется историей материальной культуры, кто любит и понимает красоту камня.

Елисеев В. И.

По джунглям Конго.

1991, 10 л., 1 р.

Книга рассказывает об удивительном и таинственном мире джунглей, в котором в течение многих месяцев автору довелось искать алмазы и золото. Богата и красочна природа джунглей! Здесь произрастают ценнейшие породы деревьев — красное, эбеновое, железное; обитают необычные животные — странные птицы-носороги, краснохвостые попугаи; может встретиться и своеобразный зверь, похожий на сосновую шишку с хвостом — панголин. Джунгли тают и опасность. Так, укус мухи-цеце смертелен для человека, а от кочующих полчищ свирепых «огненных» муравьев все живое разбегается в панике. Большой интерес представляет описание быта, нравов и обычаев народностей Конго, особенно загадочных пигмеев.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.